

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГАОУ ВО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Геворгян Мария Анатольевна

**НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА РЕБЕНКА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор

Кузнецова Ольга Анатольевна

Пермь – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ОСНОВЫ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО УЧЕНИЯ О НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГАХ РЕБЕНКА	26
1.1 Эволюция законодательного представления о нематериальных благах ребенка.....	26
1.2 Правовая сущность нематериальных благ ребенка и их место в системе объектов права.....	43
1.3 Соотношение понятий «нематериальные блага», «личные (неимущественные) права» и «интерес» в контексте учения о нематериальных благах ребенка.....	61
1.4 Семейно-правовой механизм охраны и защиты нематериальных благ ребенка.....	75
Глава 2. СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ РЕБЕНКА	100
2.1 Классификации нематериальных благ ребенка	100
2.2 Нематериальные блага ребенка, направленные на обеспечение комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие..	118
2.3 Нематериальные блага ребенка, направленные на его индивидуализацию	139
2.4 Нематериальные блага ребенка, направленные на охрану частной жизни	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	186

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования находит выражение через следующие аспекты.

Социально-политический аспект. Политика Российской Федерации исходит из признания защиты семьи и детства в качестве одной из приоритетных задач. В структуре населения России дети составляют около 21 %, что равно 30 млн чел. Президент РФ В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ в 2020 г. справедливо заметил, что крайне важно, чтобы новое поколение, подрастающее в нашей стране, восприняли ценности семьи, любви членов семьи и заботы по отношению друг к другу¹. Нельзя не отметить, что 2018–2027 гг. объявлены Десятилетием детства².

Как следует из ежегодного доклада Уполномоченного по правам ребенка в РФ, в 2020 г. в его адрес поступило 9 291 обращение от 47 тыс. граждан, что на 7,3 % больше по сравнению с 2019 г. Основные темы обращений в 2020 г. – судебная защита (51,8 %), семейные правоотношения (27,2 %), жилищное обеспечение (15, 6 %), образование (12 %), защита от насилия (11 %), охрана здоровья несовершеннолетних (9,4 %), информационная безопасность (0,9 %) и др. Из анализа указанных тем видно, что предметом значительной части обращений выступают именно нематериальные блага ребенка.

Актуализация защиты указанных благ, безусловно, связана и с ограничительными мерами, принятыми из-за угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в результате введения которых в наибольшей степени были затронуты такие личные (неимущественные) права ребенка, как право на здоровье и на образование.

¹ *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Об объявлении* в Российской Федерации Десятилетия детства: [Электронный ресурс]. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Правотворческий аспект. В результате последних преобразований Конституция Российской Федерации¹ пополнилась новой нормой ч. 4 ст. 67.1, прямо провозгласившей детей приоритетом государственной политики России. Для этого государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей.

В то же время кодифицированный акт российского семейного законодательства – Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) – не оперирует ни термином «нематериальные блага ребенка», ни перечневым содержанием указанного понятия, ни тем более способами охраны и защиты указанных благ. Точечные изменения отдельных положений гл. 11 СК РФ (в том числе абз. 2 п. 2 ст. 54; абз. 3 п. 2 ст. 54; п. 2 ст. 58), а также гл. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (в том числе изменения, введенные Федеральным законом РФ от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ) не способствуют внесению ясности в правовое регулирование института нематериальных благ ребенка. При этом аксиомой в юриспруденции стало утверждение, что специфической особенностью семейного законодательства является примат личных (неимущественных) прав, объектом которых выступают нематериальные блага.

Доктринальный аспект. Невнимательное отношение отечественного законодателя к нематериальным благам ребенка не способствует формированию цивилистического представления о них. Теория нематериальных благ ребенка в российской науке семейного права фактически не представлена. Так, отсутствует доктринальная дефиниция нематериальных благ ребенка; не выявлены их функции; не решён вопрос о соотношении понятий «нематериальные блага», «личные (неимущественные) права» и «интерес» в контексте учения о нематериальных благах ребенка; не

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сформировано представление о семейно-правовом механизме охраны и защиты нематериальных благ ребенка. Также не уделено внимания классификациям видов нематериальных благ ребенка и особенностям реализации отдельных нематериальных благ с учетом правового статуса ребенка.

Правоприменительный аспект. Законотворческие пробелы в совокупности с нехваткой научных разработок нематериальных благ ребенка влияют на качество их правоприменения. Анализ судебной практики показывает наличие следующих прикладных проблем: не сформировано общее представление о способах защиты нематериальных благ ребенка, в том числе отсутствуют правила выбора надлежащего способа их защиты; не разработан механизм самостоятельного обращения ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет, в суд; возникают трудности при определении круга вопросов, подлежащих выяснению судом при изменении имени и фамилии ребенка по просьбе родителя, с которым проживает ребенок; прослеживается крайняя «осторожность» правоприменителя при защите нематериальных благ, непоименованных в законодательстве и т.д. Также вызывают противоречивые судебные решения случаи столкновения нематериальных благ ребенка (например, конфликт таких нематериальных благ, как здоровье и образование в контексте туберкулинодиагностики; тайна усыновления и знание своих родителей в контексте диагностики наследственных заболеваний и предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т.д.).

Все это доказывает безусловную значимость и чрезвычайную актуальность научной разработки семейно-правовой теории нематериальных благ ребенка по российскому праву.

Степень научной разработанности темы настоящего диссертационного исследования следует оценить как крайне низкую в силу ряда следующих обстоятельств.

Во-первых, имеющиеся диссертационные исследования, объектом которых выступают нематериальные блага, осуществлены без учета правового статуса ребенка. Так, изучению нематериальных благ через призму объектов гражданского права посвящены работы Т.В. Трофимовой «Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования» (Волгоград, 2003) и А.Б. Арзуманян – «Нематериальные блага как объекты гражданских прав» (Ростов-на-Дону, 2008); рассмотрению нематериальных благ с позиции их защиты – работы О.А. Пешковой «Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц» (Волгоград, 1997), О.Н. Ермоловой «Нематериальные блага и их защита» (Саратов, 1998) и Р.П. Тимешова «Нематериальные блага в гражданском праве и их защита» (Краснодар, 2010); выяснению соотношения нематериальных благ и личных (неимущественных) прав – работа Е.Г. Дюбко «Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты» (М., 2015); исследованию нематериальных благ специальной субъектной группы – работа О.В. Орлова «Нематериальные блага лиц, осужденных к лишению свободы, и их защита в гражданском праве» (Краснодар, 2012).

Во-вторых, высокой степенью научной разработанности характеризуются лишь смежные темы, связанные с изучением личных (неимущественных) прав в целом и личных (неимущественных) прав ребенка в частности. Личным (неимущественным) правам посвящены докторские диссертации Л.О. Красавчиковой «Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации» (Екатеринбург, 1994) и М.Н. Малеиной «Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита)» (М., 1997). Кроме того, некоторыми учеными исследованы личные (неимущественные) права на основе советского семейного законодательства: диссертации Е.А. Флейшиц «Личные права в гражданском праве Союза ССР

и капиталистических стран» (М., 1939); Л.Г. Кузнецовой «Гражданско-правовое положение несовершеннолетних по новейшему законодательству» (М., 1965); З.В. Ромовской «Личные неимущественные права граждан СССР» (Киев, 1968); К.Б. Ярошенко «Совершенствование гражданско-правовых форм защиты личных неимущественных прав граждан по советскому праву» (М., 1990) и др.

В-третьих, наиболее близко примыкающими к теме настоящего исследования являются диссертационные работы представителей семейно-правовой науки, в частности Н.А. Темниковой – «Реализация и защита личных неимущественных прав ребёнка в семейном праве России» (Омск, 2006), рассмотревшей особенности реализации и защиты двух групп неимущественных правомочий – в рамках права жить и воспитываться в семье и в рамках прав, обеспечивающих автономию, экстернализацию (реализацию) личности и защиту ребенка; А.А. Елисеевой – «Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации» (М., 2008), изучившей особенности неимущественных семейных прав и обязанностей трех категорий субъектов, в том числе несовершеннолетних детей; И.Г. Король – «Личные неимущественные права ребенка» (М., 2008), выяснившей особенности личных (неимущественных) прав ребенка, поименованных в гл. 11 СК РФ; Г.С. Джумагазиевой – «Осуществление имущественных и личных неимущественных прав несовершеннолетних в гражданском и семейном праве» (Астрахань, 2010), проанализировавшей права несовершеннолетних в гражданском и семейном праве и др.

Существенный вклад в изучение нематериальных благ ребенка внесли и диссертационные работы Т.Н. Палькиной «Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии)» (М., 2011), Н.В. Летовой «Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве» (М., 2013); монографии М.П. Нохриной «Гражданско-правовое регулирование личных

неимущественных отношений, не связанных с имущественными» (СПб., 2004), Ю.Ф. Беспалова «Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации» (М., 2014), А.Х. Ульбашева «Общее учение о личных правах» (М., 2019) и др.

При этом нематериальные блага ребенка не становились самостоятельным предметом диссертационных научных изысканий и, как следствие, не были подвергнуты обстоятельной научной разработке, в том числе с учетом новейшего семейного и гражданского законодательства.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей диссертационной работы является решение имеющей значение для российского частного права задачи – разработка семейно-правовой теории нематериальных благ ребенка, включающей их понятие, цель, функции, виды, особенности охраны и защиты, а также исторические закономерности становления и развития.

Исходя из указанной цели, в работе поставлены и решены следующие **задачи**:

- изучить эволюцию законодательного представления о личных неимущественных правах, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка;
- выяснить правовую сущность нематериальных благ ребенка и их место в системе объектов права;
- соотнести понятия «нематериальные блага», «личные (неимущественные) права» и «интерес» в контексте учения о нематериальных благах ребенка;
- рассмотреть семейно-правовой механизм охраны и защиты нематериальных благ ребенка;
- выявить классификации нематериальных благ ребенка;
- подробно исследовать нематериальные блага ребенка в рамках функциональных групп: нематериальные блага ребенка, выполняющие функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие; нематериальные блага ребенка, выполняющие

функцию индивидуализации субъекта; нематериальные блага ребенка, выполняющие функцию охраны частной жизни;

– сформулировать предложения по совершенствованию российского семейного и гражданского законодательства в рамках изучаемой тематики.

Объект исследования – семейные и некоторые иноотраслевые правоотношения, объектом которых выступают нематериальные блага ребенка.

Предмет исследования представлен нормами российского семейного и гражданского законодательства; научной доктриной по вопросам правового регулирования нематериальных благ ребенка; судебной практикой применения нормативных положений о нематериальных благах ребенка.

Методологическая основа исследования. В качестве исходной мировоззренческой предпосылки познания нематериальных благ ребенка выступила материалистическая диалектика, позволившая рассмотреть объект исследования с учетом его эволюции, межотраслевых связей семейного и гражданского права, актуального российского законодательства, а также результатов правоприменительной практики. Работа базируется на основных категориях диалектики, таких как единичное и общее, часть и целое, содержание и форма, сущность и явление, причина и следствие, возможность и действительность.

Также использовались и общенаучные методы научного поиска эмпирического и теоретического уровней: сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и моделирование, абстрагирование и конкретизация и др. Широко применялся функциональный подход, позволивший выделить функции как нематериальных благ ребенка, так и правовой категории «юридически значимые нематериальные блага ребенка». Благодаря классифицированию в работе осуществлено концептуально-определяющее деление нематериальных благ ребенка на юридически значимые и юридически безразличные, предложены иные классификации.

Особую методологическую ценность представили специально-юридические методы исследования: формально-догматический, примененный для анализа норм семейного и гражданского законодательства, регламентирующего нематериальные блага ребенка; историко-правовой, использованный при изучении эволюции законодательного представления о личных неимущественных правах, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка; сравнительно-правовой, нашедший применение при сравнении российского и зарубежного законодательства в части правовой регламентации требований к имени ребенка; метод юридического толкования (грамматический, исторический, функциональный, системный, телеологический и др.), методологический потенциал которого был применен для получения ясности относительно правовых норм, регламентирующих нематериальные блага ребенка.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых в области семейного и гражданского права, а именно:

– *дореволюционных ученых-юристов, таких как:* А.Л. Боровиковский, А.С. Загоровский, М.Н. Коркунов, Д.И. Мейер, А.С. Невзоров, К.П. Победоносцев, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич и др.

– *советских ученых-юристов, таких как:* М.М. Агарков, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Ю.Г. Басин, И.Л. Брауде, К.Н. Вентцель, Е.М. Ворожейкин, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, О.Э. Лейст, Я.М. Магазинер, Н.С. Малеин, А.В. Мицкевич, И.Б. Новицкий, А.К. Пергамент, В.В. Ровный, З.В. Ромовская, В.А. Рясенцев, Г.М. Свердлов, Г.А. Свердлык, П.И. Стучка, В.А. Тархов, Е.А. Флейшиц, Р.О. Халфина, Л.С. Явич и др.

– *современных российских ученых-юристов, таких как:* В.К. Андреев, М.В. Антокольская, А.Б. Арзуманян, В.А. Белов, Ю.Ф. Беспалов, Б.А. Булаевский, О.В. Бутько, Е.В. Вавилин, Н.В. Витрук, А.В. Габов, В.Г. Голубцов, Б.М. Гонгалю, В.П. Грибанов, С.П. Гришаев, Н.Д. Егоров, В.С. Ем, О.Н. Ермолова, О.Ю. Ильина, Е.В. Каймакова, Д.Н. Кархалев,

И.Г. Король, О.Ю. Косова, Н.В. Кравчук, Л.О. Красавчикова,
Е.А. Крашенинников, О.А. Кузнецова, Н.В. Летова, М.Н. Малейна,
В.А. Микрюков, Л.Ю. Михеева, А.М. Нечаева, М.П. Нохрина, Т.Н. Палькина,
Е.М. Подрабинок, Л.М. Пчелинцева, М.А. Рожкова, О.А. Рузакова,
А.Я. Рыженков, О.В. Садина, Д.В. Сараев, А.П. Сергеев, А.А. Серебрякова,
Е.А. Суханов, Н.Н. Тарусина, Н.А. Темникова, Р.П. Тимешов, В.С. Толстой,
Ю.К. Толстой, Т.В. Трофимова, А.Х. Ульбашев, Л.А. Чеговадзе,
Т.В. Шершень, О.И. Шолгина, А.М. Эрделевский, П.А. Якушев,
Э.Н. Яфизова и др.

Нормативная основа исследования включает в себя Конституцию РФ, Конвенцию о правах ребенка, Декларацию прав ребенка, Декларацию № 11/03/2020 Комитета министров Совета Европы «Об усилении прав ребенка как залога создания перспективной Европы», Конвенцию о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, СК РФ, ГК РФ, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», а также иные нормативно-правовые акты. Кроме того, анализу были подвергнуты некоторые проекты федеральных законов и пояснительные записки к ним. Задачи исследования также обусловили необходимость обращения к нормативно-правовым актам Российской империи и СССР.

Эмпирическая основа исследования представлена материалами правоприменительной практики Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, а также иных судов. Всего в работе присутствуют ссылки на 40 правоприменительных актов.

Научная новизна работы. Настоящее исследование является первой монографической работой, специально посвященной нематериальным благам ребенка и учитывающей новейшие изменения семейного и гражданского законодательства РФ.

Дано доктринальное определение юридически значимых нематериальных благ ребенка; выявлены их функции, а также цель;

установлено соотношение таких понятий, как «нематериальные блага», «личные (неимущественные) права» и «интерес», в контексте учения о нематериальных благах ребенка; определены особенности семейно-правового механизма охраны и защиты нематериальных благ ребенка; предложены классификации видов нематериальных благ; дана развернутая характеристика всех поименованных в гражданском законодательстве и фактически признаваемых семейным законодательством нематериальных благ ребенка, объединенных в три функциональные группы.

Сформулированы и обоснованы **следующие основные положения, выносимые на защиту:**

1. Установлено, что хронологизация эволюции законодательного представления о личных (неимущественных) правах, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка, может быть представлена следующими историческими этапами, характеризующимися соответствующими особенностями: (1) право Древнего Рима; (2) Древней Руси до принятия христианства; (3) Руси после принятия христианства; (4) Петровской эпохи; (5) «постпетровской» эпохи; (6) советское право; (7) современное право. Эволюция законодательного представления о личных (неимущественных) правах, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка, наглядно демонстрирует уникальную особенность исторического развития именно нематериальных благ ребенка: на протяжении всех этапов исторического становления нематериальные блага ребенка находятся в увязке с господствующими в обществе социальными нормами, в том числе теми, которые формируют соответствующее времени представление о браке и семье.

2. Под юридически значимыми нематериальными благами ребенка предложено понимать неимущественные ценности несовершеннолетней личности, отличающиеся неэкономическим характером, неотделимостью от личности, невещественностью, необоротоспособностью, невозможностью обращения на них взыскания и направленные на выполнение ряда функций:

(1) удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей; (2) индивидуализации субъекта; (3) охраны частной жизни; (4) обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие. Установлено, что целью юридически значимых нематериальных благ ребенка является физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей.

3. Доказано, что нематериальные блага взаимосвязаны как с личными (неимущественными) правами ребенка, так и с его интересами. Различие в понятиях «нематериальные блага» и «личные (неимущественные) права» подтверждается основными положениями теории правоотношения, в частности теории объектов гражданских прав. Взаимосвязь же указанных понятий предопределена следующим: личные (неимущественные) права создают правореализационный механизм для использования и защиты нематериальных благ. Соотношение понятий «нематериальные блага» и «интерес ребенка» заключается в следующем: охраняемый законом интерес ребенка представляет собой стремление (потребность) к конкретному нематериальному благу ребенка (достижению цели юридически значимых нематериальных благ ребенка).

Охраняемый законом интерес ребенка может быть достигнут за счет реализации его нематериальных благ через правовой механизм личных (неимущественных) прав.

4. Аргументировано, что эффективность текущей реформы семейного законодательства во многом обусловлена своевременным восприятием концепции «наилучших интересов ребенка», закрепление которой в качестве нормы-принципа семейного законодательства обеспечит правоприменительную практику эффективным правовым механизмом, позволяющим учитывать наилучшие интересы ребенка с помощью толкования и применения нормативных правовых актов в части реализации нематериальных благ ребенка через призму этого принципа.

5. Выяснено, что семейно-правовой механизм охраны и защиты нематериальных благ ребенка отличается следующими особенностями:

А. Спецификой правового статуса несовершеннолетнего гражданина, нематериальным благам которого причиняется вред или в отношении которых возникает угроза его причинения (в том числе факт охраны и защиты большинства нематериальных благ ребенка его родителями / лицами, их заменяющими).

Б. Спецификой семейно-правовых средств охраны и защиты нематериальных благ ребенка, в том числе способов охраны и защиты нематериальных благ ребенка. Так, семейно-правовыми способами *охраны* нематериальных благ ребенка являются меры, принимаемые в рамках самозащиты и/или оперативного реагирования, в том числе медиация, осуществляемая членами семьи по обоюдному согласию; изъятие ребенка родителем, проживающим отдельно от ребенка, при наличии обстоятельств, свидетельствующих о том, что другой родитель не выполняет родительские обязанности надлежащим образом; отказ ребенка от общения с родственником, в том числе родителем, если такое общение причиняет ему страдания.

К семейно-правовым способам *защиты* нематериальных благ ребенка относятся: установление отцовства; установление судом факта признания отцовства; оспаривание отцовства (материнства); определение места жительства ребенка и порядка участия в воспитании ребенка родителя, проживающего отдельно от ребенка; определение порядка осуществления родительских прав; устранение препятствий к общению с ребенком; возврат (отобрание) ребенка от лица, удерживающего его не на основании закона или решения суда; лишение родительских прав; восстановление в родительских правах; ограничение родительских прав; отмена ограничения родительских прав; отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка и его здоровью; отмена усыновления и др.

В. Спецификой круга субъектов-участников отношений по охране и защите нематериальных благ ребенка, predeterminedенной судебным и административным порядком охраны и защиты. Субъектами-участниками судебного порядка выступает суд, а административного порядка – органы опеки и попечительства, органы ЗАГС, уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка субъектов РФ, прокурор, должностные лица специализированных учреждений и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, иные субъекты (в том числе консульское должностное лицо; судебный пристав-исполнитель; сотрудник органов внутренних дел; нотариус).

Г. Спецификой семейно-правового понимания защиты: применительно к правовому статусу ребенка защита его прав и законных интересов сама по себе может быть признана в качестве нематериального блага особо рода и содержания.

6. Установлено, что нематериальные блага ребенка следует дифференцировать на юридически значимые и юридически безразличные на основании такого критерия, как правовая регламентация. Юридически значимые нематериальные блага ребенка могут быть классифицированы следующим образом:

по сущности: на биологические и социальные;

по отраслевой правовой природе: на установленные гражданским законодательством и установленные семейным законодательством;

по функциям: (1) выполняющие функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие; (2) выполняющие функцию индивидуализации субъекта; (3) выполняющие функцию охраны частной жизни;

по субъекту реализации личных нематериальных прав (ЛНП), объектом которых выступают нематериальные блага: а) нематериальные блага, являющиеся объектом ЛНП, реализуемых несовершеннолетним

ребенком лично; б) нематериальные блага, являющиеся объектом ЛНП, реализуемых через законных представителей;

по степени конкретизации: на общие и специальные;

по возрасту, с которого актуализируется реализация личных (неимущественных) прав, объектом которых выступают нематериальные блага ребенка: а) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста десяти лет; б) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста четырнадцати лет; в) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста шестнадцати лет;

по специфике правового статуса: нематериальные блага детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; нематериальные блага детей, являющихся несовершеннолетними родителями; нематериальные блага детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ).

7. Доказано, что к *гражданско-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие, относятся следующие: жизнь и здоровье, личная неприкосновенность, свобода выбора места пребывания и жительства, иные блага.

Выяснено, что к *семейно-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие, относятся следующие: жизнь и воспитание в семье; знание своих родителей; родительская забота; совместное проживание с родителями; обучение в одной образовательной организации с полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами; родительское воспитание; общение с родственниками; образование; досуг.

Нематериальные блага ребенка из этой функциональной группы отличаются следующими особенностями:

– являются средствами реализации иных нематериальных благ, регламентированных гражданско-правовыми нормами (например, жизнь и воспитание в семье и естественное право человека на жизнь);

– отличаются межотраслевым характером, предопределяющим правореализационный механизм (например, совместное проживание с родителями предопределено гражданско-правовыми нормами о месте жительства ребенка и о сделках с недвижимым имуществом, в котором проживают несовершеннолетние дети, а также жилищно-правовыми нормами, определяющими правовой статус членов семьи);

– характеризуются наличием взаимно пересекающихся семейно-правовых и гражданско-правовых ограничений (например, свобода выбора места пребывания и жительства ребенка ограничивается не только положениями СК РФ о совместном проживании родителей, но и участием в осуществлении, охране и защите данного блага его законных представителей, а также иных уполномоченных лиц, в том числе органов опеки и попечительства и суда);

– имеют общий и специальный правовой режим, дифференцируемый по существу и объему правового статуса ребенка (здоровье ребенка и здоровье ребенка, находящего в трудной жизненной ситуации; родительская забота и государственная забота; общение с родственниками и общение с родственниками в экстремальных условиях).

8. Аргументировано, что к *гражданско-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию индивидуализации субъекта, относятся следующие: достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, имя, авторство, иные блага. Предложено к числу иных гражданско-правовых нематериальных благ ребенка относить следующие: изображение ребенка; внешний облик ребенка; индивидуальность ребенка; биометрические персональные данные ребенка.

Выяснено, что к *семейно-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию индивидуализации субъекта, относятся мнение ребенка; имя ребенка; человеческое достоинство.

Нематериальные блага ребенка из этой функциональной группы отличаются следующими особенностями:

– мнение ребенка как нематериальное благо принадлежит только несовершеннолетнему лицу и требует обязательного учета его родителями (лицами, их заменяющими) при достижении ребенком возраста десяти лет и при условии соответствия этого мнения его интересам, в том числе при заключении его родителями соглашений об определении места жительства ребенка и порядка общения с ним, а также иных соглашений;

– имя ребенка является одним из важнейших нематериальных благ, обеспечивающих его индивидуализацию, поэтому «необычные» имена, в том числе имена публичных личностей, матронимы и прочерк в графе «сведения об отце ребенка», фактически допускаемые российским семейным законодательством, противоречат интересам ребенка и нарушают его нематериальные блага;

– изображение ребенка отличается следующей спецификой: 1) оно может быть неправомерно использовано тремя категориями субъектов: самим несовершеннолетним; его законными представителями; третьими лицами; 2) ст. 152.1 ГК РФ, регулирующая охрану изображения гражданина, применима к несовершеннолетнему гражданину лишь отчасти с учетом правового статуса несовершеннолетнего гражданина, специфики защиты его нематериальных благ. В отношении такого нематериального блага ребенка, как изображение, в работе предложено: а) его нормативное закрепление как самостоятельного нематериального блага ребенка; б) учет норм-принципов семейного законодательства (принцип обеспечения наилучших интересов ребенка) как критериев оценки правомерности обнародования и дальнейшего использования изображения несовершеннолетнего гражданина; в) при нарушении права на изображение ребенка использовать такие способы

защиты, как изъятие из оборота и уничтожение экземпляров материальных носителей, содержащих изображение гражданина, и удаление изображения из сети Интернет, а также пресечение или запрещение дальнейшего его распространения, и лишь субсидиарно – компенсации морального вреда;

г) предоставление права на использование в интересах ребенка вышеуказанных способов защиты как родителям (лицам, их заменяющих), так и органам опеки и попечительства и прокурору, поскольку возможны случаи неправомерного использования изображения несовершеннолетнего гражданина его законными представителями;

– внешний облик ребенка и индивидуальность ребенка predetermined условиями жизни, которые создаются в семье;

– достоинство ребенка рассмотрено с позиции терминологических разногласий между семейным и гражданским законодательством. Доказано, что «достоинство личности» (п. 1 ст. 150 ГК РФ) и «человеческое достоинство» (абз. 3 п. 2 ст. 54 СК РФ) тождественны, поэтому для обеспечения бездефектности и эффективности гражданско-правового и семейно-правового регулирования нематериальных благ необходимо обеспечить соответствующие отрасли права единым терминологическим инструментарием в части института нематериальных благ.

9. Установлено, что к *гражданско-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию охраны частной жизни, относятся следующие: неприкосновенность частной жизни; личная и семейная тайна.

Выяснено, что к *семейно-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию охраны частной жизни, относится тайна усыновления.

Нематериальные блага ребенка из этой функциональной группы отличаются следующими особенностями:

– частная жизнь ребенка как члена семьи и ее правовой режим определяются: 1) публичным интересом, действующим двояко: во-первых, конкуренция частного и публичного интересов в целом может быть

применена к любому гражданину безотносительно к возрасту, во-вторых, публичный интерес в воспитании, развитии и образовании ребенка в семье, обществе и государстве в целом выступает как забота государства о благополучии ребенка; 2) законным и фактическим усмотрением его родителей и иных лиц, участвующих в осуществлении, охране и защите его прав; 3) правовой и социальной потребностью ребенка в охране частной жизни; 4) юридическими возможностями ребенка в ограничении доступа посторонних лиц к информации о частной жизни; 5) полезностью для ребенка, для его благополучного развития, охраны и защиты им собственной частной жизни – самостоятельно либо с помощью частных субъектов и публичных механизмов, действующих в РФ;

– неприкосновенность частной жизни ребенка, в том числе в виртуальной цифровой реальности, должна соответствовать интересам ребенка, выяснение которых является обязанностью родителей (лиц, их заменяющих);

– семейная тайна ребенка отличается следующей спецификой: 1) одновременно принадлежит нескольким лицам – членам семьи; 2) может быть разглашена только при согласии всех членов семьи – носителей такой тайны, в том числе ребенка; 3) пределами осуществления права на семейную тайну являются интересы всех членов семьи – носителей такой тайны, в том числе ребенка;

– тайна усыновления, правовой режим которой вступает в конфликт с другим нематериальным благом ребенка – знание своих родителей, может быть разглашена в следующих случаях: 1) по желанию усыновителей; 2) по желанию усыновленного, если ему известно о факте усыновления; 3) при необходимости охраны и защиты иного нематериального блага – здоровья (например, для диагностики наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и решения иных вопросов, связанных с генетической историей семьи).

Теоретическое значение работы заключается в том, что сделанные в ней научные выводы и положения в совокупности представляют собой семейно-правовую теорию нематериальных благ ребенка по российскому праву, которая может стать составной частью российской доктрины семейного права. При этом:

- доказаны положения, вносящие вклад в расширение научных представлений о понятии, цели, критериях классификации нематериальных благ ребенка;

- разработана функциональная концепция, определяющая юридически значимые нематериальные блага ребенка через призму трех основных функций, на выполнение которых они направлены: нематериальные блага ребенка, выполняющие функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие; нематериальные блага ребенка, выполняющие функцию индивидуализации субъекта; нематериальные блага ребенка, выполняющие функцию охраны частной жизни;

- предложена оригинальная концепция обеспечения наилучших интересов ребенка через ее закрепление в качестве нормы-принципа семейного законодательства;

- проведена модернизация научных знаний о нематериальных благах ребенка, которые могут стать теоретическим материалом для последующих научных исследований.

Практическая значимость работы определяется тем, что в ней сделаны конкретные предложения по совершенствованию действующего российского законодательства, в том числе предложено:

- п. 3 ст. 1 СК РФ изложить в следующей редакции: «Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, обеспечения наилучших интересов ребенка, приоритета

семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи»;

– дополнить гл. 11 СК РФ нормой ст. 60.2 «Нематериальные блага ребенка и их защита» следующего содержания:

«1. Жизнь и воспитание в семье, знание своих родителей, родительская забота (а при ее отсутствии – государственная забота), совместное проживание с родителями, обучение в одной образовательной организации с полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами, родительское воспитание, образование, досуг, общение с родственниками, защита своих прав и законных интересов, достоинство личности, свое мнение, имя ребенка, внешний облик, индивидуальность, изображение, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, тайна усыновления, иные нематериальные блага, принадлежащие несовершеннолетнему гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы. Целью реализации и защиты нематериальных благ ребенка является физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей.

2. Нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты семейных прав (статья 8) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения.

В случаях, если того требуют интересы ребенка, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем установления отцовства (статьи 48, 49); установления судом факта признания отцовства (статья 50); оспаривания отцовства (материнства) (статья 52); определения места жительства ребенка и порядка участия в воспитании ребенка родителя, проживающего отдельно от ребенка (статьи 24, 66); определения порядка осуществления родительских прав (статья 66);

устранения препятствий к общению с ребенком (статья 67); возврата (отобрания) ребенка от лица, удерживающего его не на основании закона или решения суда (статья 68); лишения родительских прав (статья 69); восстановления в родительских правах (статья 72); ограничения родительских прав (статья 73); отмены ограничения родительских прав (статья 76); отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка и его здоровью (статья 77); отмены усыновления (статья 140).

3. Право на защиту нарушенного нематериального блага принадлежит ребенку, его родителям (лицам, их заменяющим) и другим родственникам, органам опеки и попечительства, прокурору»;

– дополнить ст. 66 СК РФ п. 5 следующего содержания: «Порядок общения с ребенком, достигшим возраста четырнадцати лет, определяется с обязательным учетом мнения ребенка. При несогласии ребенка с общением, суд отказывает в удовлетворении иска»;

– п. 2 ст. 2 ГК РФ следует скорректировать следующим образом: «неотчуждаемые права и свободы человека, **а также** нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из **их** существа»;

– п. 1 ст. 152.1 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина, *а в отношении изображения несовершеннолетнего гражданина – с согласия его законных представителей. Обнародование и дальнейшее использование изображения несовершеннолетнего гражданина, в том числе его законными представителями, допускается, только если это не противоречит интересам несовершеннолетнего*»;

– п. 3 ст. 152.1 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением

пункта 1 настоящей статьи, распространено в сети Интернет, гражданин, законный представитель несовершеннолетнего гражданина, *а также органы опеки и попечительства либо прокурор, действующие в интересах несовершеннолетнего гражданина*, вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения».

Апробация результатов исследования. Результаты исследования доложены на научно-практических конференциях и круглых столах: международной научно-практической конференции на тему «Инновационная наука и современное общество» (Уфа, 05 декабря 2014 г.); молодежной международной научно-практической конференции «Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания» (Новосибирск, 19 декабря 2014 г.); международной научно-практической конференции «Шестой Пермский конгресс ученых-юристов» (Пермь, 16–17 октября 2015 г.); всероссийской научно-практической конференции «Тенденции развития права и экономики в XXI веке» (Пермь, 29 февраля 2016 г.); международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество» (Пермь, 11–13 апреля 2016 г.); всероссийском круглом столе с международным участием «Объекты гражданских и семейных прав по законодательству РФ» (Москва, 21 июня 2019 г.); международной научно-практической конференции «Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства», приуроченной к 25-летию со дня принятия части I ГК РФ (Москва, 18 октября 2019 г.); международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы семейного права в России и зарубежных странах», посвященной 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации (Тула, 01 декабря 2020 г.).

Результаты исследования также изложены в 23 работах; 12 статей опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК.

Результаты работы были внедрены в практическую деятельность Министерства социального развития Пермского края и Министерства образования и науки Пермского края.

Основные выводы докладывались на заседаниях комиссии по здравоохранению и социальной защите и комиссии по образованию и молодежной политике Общественной палаты Пермского края (27 ноября 2014 г., 30 июля 2015 г., 19 февраля 2019 г., 21 августа 2020 г., 30 октября 2020 г.). Апробация практических предложений осуществлена в ходе круглых столов на методических совещаниях руководителей опеки и попечительства территориального управления Министерства социального развития Пермского края, участие в работе которых осуществлялось по приглашению Министерства социального развития Пермского края.

Апробация результатов научного исследования осуществлена на семинарских занятиях по курсу «Семейное право» в Пермском филиале ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"».

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и методологическим арсеналом, особое место в котором отведено функциональному методу, и включает в себя введение, две главы, разделенные на восемь параграфов, заключение и список использованных источников.

Глава 1. ОСНОВЫ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО УЧЕНИЯ О НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГАХ РЕБЕНКА

1.1 Эволюция законодательного представления о нематериальных благах ребенка

Современное состояние правового регулирования личных неимущественных прав ребенка, объектом которых выступают нематериальные блага, во многом предопределено историко-правовыми предпосылками, что обуславливает необходимость соответствующих исследований. Познание личных (неимущественных) прав ребенка и создание соответствующего корпуса семейно-правовых норм усложняются комплексностью исследуемого института и его межотраслевой правовой природой: будучи частью конституционно-правового статуса личности, институт личных (неимущественных) прав ребенка получил отражение в нормах и семейного, и гражданского, и иных отраслей права.

Эволюция законодательного представления о личных (неимущественных) правах ребенка наглядно демонстрирует, что правовой статус ребенка всегда коррелировал соответствующим институтам государства: роль ребенка в обществе с течением времени была подвержена значительным изменениям. Как отмечает А.М. Нечаева, «с великой осторожностью государство освобождает ребенка с помощью закона от сковывающих его личность цепей»¹.

Правовой статус ребенка в Древнем Риме. Наиболее яркой особенностью древнеримской семьи следует признать безграничную власть главы семейства, которую он имел и в отношении детей. Так, Гай по этому поводу отмечал следующее: «...это право сугубо римское: ведь нет никакого другого народа, который имел бы такую власть над детьми, какую имеем

¹ Нечаева А.М. Охрана прав детей в России (историко-правовой аспект). М.: Дом, 2001. С. 3.

мы»¹. При этом власть над детьми в древнеримской интерпретации подразумевала власть только отца, а не обоих родителей. Безграничность этой власти подразумевала, что домовладыка имел право на жизнь и смерть своих детей, в силу чего мог принять решение о передаче их в рабство. К.П. Победоносцев по этому поводу писал: «... [древнеримские дети имели] волю зависимую, право зависимое, право и волю лишь в той мере, в какой то и другое истекает из воли и права полновластного главы»².

Первые нормативные предписания, ограничивающие безмерную власть домоовладыки в отношении своих детей, появились только в конце периода республики. Так, указ императора Константина предусматривал запрет на продажу детей, за исключением продажи новорожденных в случае крайней необходимости; лишал домовладыку права на жизнь и смерть в отношении своих детей; определил древнейший аналог права ребенка на защиту через призму норм, посвященных праву ребенка обращаться к магистру с жалобами на домовладыку.

Вплоть до периода императорской эпохи правовой статус имели только законнорождённые дети, однако с появлением института узаконения внебрачные дети могли быть приравнены к законнорожденным³.

Считается, что термин «несовершеннолетние» появился при императоре Марке Аврелии: так император определил возраст, с которого наступает совершеннолетие – с двадцати пяти лет.

В целом можно сделать вывод о крайней динамичности правового статуса ребенка в период действия древнего римского права. Такая динамика была обусловлена как социально-политическими представлениями о власти

¹ Gai, I, 55: «Quod jus proptium civium romanorum est: fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus». Цит. по: *Покровский И.А.* История римского права. М.: Статут, 2004. С. 470.

² *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 т. М.: Статут, 2003. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. С. 13, 160.

³ *Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского.* М.: Юриспруденция, 2001. С. 116.

домовладыки, которые со временем имели тенденцию «к смягчению», так и развитием общих представлений о естественных правах ребенка.

Личные (неимущественные) права ребенка в первых памятниках права Древней Руси. Прежде всего, стоит отметить, что в Древней Руси до принятия христианства существовало язычество, которое предопределяло социальные нормы, в том числе и те, которые касались детей. Так, существовавшая полигамность обусловила отсутствие разделения детей на рожденных в браке и рожденных внебрачно. Кроме того, в этот исторический период родители имели право отдавать своих детей в рабство. По этому поводу Б.А. Романов писал следующее: «Анализ летописей и кодексов Московского периода позволяет заключить, что сущность родительского права сводилась к праву родителей на свободу детей»¹. Вышесказанное позволило Л.Ю. Голышевой сформулировать общий вывод следующего содержания: дохристианский период характеризовался абсолютным бесправием детей и одновременно безграничной родительской властью². Аналогичный взгляд высказан и В.И. Сергеевичем, по мнению которого в древности за отцом закреплялось право решать, будет ли его ребенок обладать правом на жизнь³. Вопреки высказанной в научной литературе точке зрения о том, что право Древней Руси не знало самостоятельных прав ребенка, а его статус фактически приравнивала к статусу вещи⁴, заметим, что даже в первых источниках права за ребенком закреплялось право на жизнь, что позволяет сделать вывод о признании ребенка именно субъектом права. Так, ст. 9 Устава князя Владимира Святославовича, датируемого концом X – началом XI вв., предусматривала прямой запрет на избавление женщины от

¹ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.: Территория, 2002. С. 185.

² Голышева Л.Ю. Правовое положение детей в России (исторический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 12.

³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 360.

⁴ См. об этом: Романов А.А. Становление и развитие прав ребенка в дореволюционной Руси // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 20–24.

неродившегося ребенка: в противном случае женщине грозило десятилетнее церковное отлучение¹. В аналогичном ключе ст. 6 Устава князя Ярослава (краткая редакция, XI в.) устанавливала церковную ответственность за детоубийство².

Правовой статус ребенка после принятия христианства на Руси.

И.Г. Король, изучившая возникновение и развитие личных (неимущественных) прав ребенка, совершенно верно подмечает, что принятие христианства стало первым переломным моментом, предопределившим новый взгляд на социальный статус ребенка³. Это связано, прежде всего, с тем, что на смену старым социальным нормам – языческим обычаям и традициям – приходят новые нормы религиозного содержания, в том числе христианская семейная мораль и древнерусское право. Эти новые социальные нормы исходят из принципиально иных представлений о семье: во-первых, моногамность в брачных отношениях; во-вторых, крепость брачных уз и сложность расторжения брака; в-третьих, деление детей на брачных и внебрачных⁴.

Кроме права ребенка на жизнь, древнейшие источники права знали и его право на воспитание: так, в ст. 99 Русской Правды (пространная редакция) предусматривался институт опеки над ребенком, чей отец умер, а мать вступила в новый брак⁵. Так, А.С. Невзоров по этому поводу отмечал следующее: опекун заботился о «воспитании и прокормлении сироты»⁶.

Одним из компонентов права детей на семью считалось право на вступление в брак. К примеру, в соответствии со ст. 24 Устава князя

¹ *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси.* М.: Юрид. лит., 1985. С. 149, 161.

² Там же. С. 190, 195.

³ *Король И.Г.* Личные неимущественные права ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

⁴ См. об этом: *История отечественного государства и права: учебник / под ред. О.И. Чистякова.* 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. С. 68.

⁵ *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси.* М.: Юрид. лит., 1985. С. 190, 195.

⁶ *Невзоров А.С.* Опека над несовершеннолетними. Ревель: Тип. «Колывани», 1892. С. 70.

Ярослава (краткая редакция, XI в.) предусматривался прямой запрет на насильственную выдачу замуж дочери или женитьбу отрока¹, а в соответствии со ст. 33 указанного акта запрещалось чинить препятствия в желании детей жениться или выходить замуж².

В пользу признания за ребенком правосубъектности свидетельствуют и нормы, предусматривающие ответственность за рукоприкладство дочерей и сыновей в отношении матерей и отцов (ст. 9 Устава князя Владимира Святославовича (синодальная редакция) (конец X в. – начало XI в.) и ст. 43 пространной редакции Устава князя Ярослава – XI в.)³.

Стоит заметить, что древнерусское право оперировало и таким семейно-правовым институтом, как усыновление, которое совершалось посредством особого церковного акта⁴.

Появление «Домостроя», памятника русской литературы XVI в., который содержал обширный комплекс норм о жизни «с женами и детьми и домочадцами»⁵, ознаменовало новый этап в эволюции представления о личных неимущественных правах, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка. Весьма интересным кажется следующее положение «Домостроя»: «нужно заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром научении»⁶. Процитированная норма свидетельствует о признании за ребенком весьма специфических прав – на заботу и воспитание. Заметим, что воспитание ребенка подразумевало обеспечение его послушания родителям, за которыми закреплялось право на рукоприкладство в отношении детей.

¹ *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси.* М.: Юрид. лит., 1985. С. 169, 183.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 149, 159.

⁴ См. об этом: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс. 1995. С. 451.

⁵ *Домострой* / изд. подготовили В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 2000. С. 339–340.

⁶ *Большой Домострой, или Крепкие семейные устои, освященные Церковью: сборник* / сост. Игумен Митрофан (Гудков). М.: Сибирская Благовонница, 2016. С. 52–53.

Немаловажное значение для формирования семейно-правового статуса ребенка имели и положения Кормчей книги, известной как сборник церковных и византийских законов, уходящих корнями к Номоканону¹.

Соборное уложение 1649 г. вводило две категории несовершеннолетних детей: малолетние (до пятнадцати лет) и несовершеннолетние (до двадцати лет). В Уложении 1649 г. вновь обращалось внимание на право ребенка на жизнь. Так, родители, убившие своего ребенка, должны были нести за это ответственность в виде одного года тюремного заключения и церковного покаяния. При этом воспитание полностью отдавалось на откуп родителей: государство не вмешивалось в семейную жизнь в части воспитания детей². По замечанию М.Ф. Владимирского-Буданова, в тот исторический период древнейшее право родителей на жизнь детей трансформируется в «право наказания в интересах воспитания»³. Право ребенка на личную неприкосновенность стало формироваться лишь в начале XVIII в.: так, был установлен запрет на физическое насилие в форме пытки в отношении детей (ч. 10 гл. 6 Краткого изображения процессов и судебных тяжб 1715 г.)⁴.

Петровская и «постпетровская» эпохи как начало формирования полноценной системы личных (неимущественных) прав ребенка. Формирование полноценной системы личных неимущественных прав ребенка принято ассоциировать со временем царствования Петра I⁵. Знаменитая цитата Г.Ф. Шершеневича отчетливо демонстрирует изменение представления о родительской власти над детьми: «Хотя чада воли

¹ См. об этом: *Белякова Е.В.* Издание печатной Кормчей (1653) и «византизм» в русской государственности // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История.* 2012. № 5. С. 34–50.

² *Соборное уложение.* Глава XXII. Ст. 3 // *ПСЗ.* Т. 1. № 441. Ст. 89. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/22.htm> (дата обращения 12.09.2020)

³ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс. 1995. С. 452.

⁴ *Отечественное законодательство XI–XIX веков / под ред. О.И. Чистякова.* Ч.1: XI–XIX вв. М.: Юристъ, 1999. С. 304–322.

⁵ См. об этом: *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 271.

родительской подлежат, но не как скоты бессловеснии, в том нипаче, что требует их рассуждения и воли»¹. Именно в Петровскую эпоху были статуированы нормы, перевернувшие вековые представления о власти родителей устраивать семейную жизнь детей: было запрещено венчать детей вопреки их воле или отдавать в монастырь по усмотрению родителей (Указ от 3 апреля 1702 г.)². Кроме того, в Петровскую эпоху был сокращен до пяти лет срок отдачи детей внаем; введены первые ограничения родительской власти над детьми (положения Артикула воинского); установлен брачный возраст, дифференцированный для женщин и мужчин – семнадцать лет для женщин и двадцать лет для мужчин (Указ от 23 марта 1714 г.).

При Екатерине II произошли существенные преобразования, коснувшиеся правового статуса ребенка. Так, меры ответственности ребенка дифференцировались в зависимости от его возраста: детей с 11 до 14 лет допускалось бить розгами, а с 15 до 17 лет – еще и плетью³. Кроме того, в тот исторический период был создан и нормативно закреплён институт патроната над осиротевшими детьми (Указом Екатерины II от 1775 г. «Учреждения для управления губерний»). Предусматривался возрастной критерий, дифференцирующий опеку и попечительство: до четырнадцати лет – опека, а с четырнадцати до двадцати одного года – попечительство. Интересно, что Указом 1775 г. закреплялась обязанность опекуна осуществлять воспитание подопечного. Кроме позитивации норм об институте опеки, эпоха правления Екатерины II, без сомнения, запомнилась созданием системы учреждений для детей-сирот⁴.

В п. X Устава благочиния 1782 г. предусматривалась обязанность родителей обеспечить детям пропитание, одежду и воспитание. Рассуждая о сути родительского воспитания в тот исторический период,

¹ *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 570.

² См. об этом: *Романов А.А.* Указ. соч. С. 21.

³ *Титова М.И.* К вопросу насилия в семье // История государства и права. 2008. № 9. С. 9.

⁴ См. об этом: *Манифест* Екатерины II от 1 сентября 1763 г. «Об учреждении в Москве Воспитательного Дома с особым госпиталем для неимущих родильниц».

К.П. Победоносцев писал, что вопрос воспитания и наказания относился к частной домашней жизни и не регулировался государством, за исключением провозглашения важности религиозного воспитания и школьного обучения¹.

Правовой статус детей получил дальнейшее развитие и в Своде законов Российской Империи (в особенности – в книге первой X тома «О правах и обязанностях семейных»)², действовавшем с 1832 г. до начала XX века.

Рассуждая о нематериальных благах ребенка, Д.И. Мейер в свое время писал, что связь между родителями и детьми сводится к праву власти первых по отношению ко вторым³. Право родительской власти, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, сводилось к «управлению и суду», а не к экономической эксплуатации⁴. При этом, как отмечает Н.С. Нижник, сильная родительская власть, исторически характеризовавшая связь родителей и детей, перестала соответствовать социальным представлениям о правовом положении ребенка⁵.

Представления о том, кому – отцу или матери – отдавался приоритет в воспитании детей, отличались большим разнообразием. Так, А.Л. Боровиковский придерживался мнения о равенстве родительской власти отца и матери⁶, а А.И. Загоровский полагал, что приоритетом в вопросах воспитания детей пользуется отец⁷. Интересно подчеркнуть, что глава «О власти родительской» Свода законов Российской Империи включала в себя

¹ *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. СПб., 1871. С. 129.

² *Свод законов Российской Империи.* Т. X, ч. I «Свод законов гражданских», кн. I «О правах и обязанностях семейственных». СПб.: Русс. кн. товарищество «Деятель», 1912. С. 13–33.

³ *Мейер Д.И.* Избранные труды: в 2 т. / вступ. слово П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 762–763.

⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 474.

⁵ *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. С. 148.

⁶ *Боровиковский А.Л.* Конституция семьи // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 11. С. 4.

⁷ *Загоровский А.И.* Указ. соч. С. 292. См. также: *Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов* / сост. И.М. Тютрюмов; науч. ред. В.С. Ем. М.: Статут, 2004. Кн. 1. С. 22.

два отделения, посвященные родительской власти в личных отношениях и родительской власти в имущественных отношениях.

Заметим, что такие нематериальные блага, как честь, достоинство и деловая репутация, не были объектами личных неимущественных прав ребенка, поскольку последний не имел юридических средств защиты от личных оскорблений и обид со стороны родителя.

Анализ ст. 258–260 Устава о ссыльных¹ свидетельствует о том, что дореволюционный законодатель исходил из необходимости воспитания детей родителями, даже если последние были преступниками и в силу этого обстоятельства были вынуждены следовать на каторгу.

В числе специальных неимущественных обязанностей родителей по отношению к своим детям значилось следующее: давать воспитание, доброе и честное имя (ст. 172). При этом именно родители принимали решение, где будет воспитываться их ребенок – в семье или образовательном учреждении. Родители были обязаны обеспечить ребенку нравственное образование, которое соответствовало «видам правительства» (ст. 173), трудоустроить сыновей и выдать дочерей замуж (ст. 174).

Родители, а равно и опекуны наделялись правом на защиту (в том числе судебную) чести, достоинства и репутации ребенка в случае нанесения третьим лицом ему личной обиды.

Свод законов Российской Империи статуйровал ряд неимущественных обязанностей детей: оказывать родителям «чистосердечное почтение», послушание, покорность и любовь, служить им и отзываться о них с почтением, принимать родительские нравоучения и критику терпеливо и безропотно (ст. 177). Личные (неимущественные) права детей, а равно и имущественные, дифференцировались в зависимости от того, к какой «классификационной» группе относился ребенок: рожденный в законном браке; рожденный в недействительном браке и рожденный внебрачно. Интересно, что законодательство оперировало нормами, посвященными

¹ Устав о ссыльных // Свод законов Российской Империи. Т. XIV. СПб., 1909.

реализации права на имя в отношении внебрачного ребенка. Кроме того, регламентировался порядок алиментирования со стороны отца внебрачного ребенка. Ребенок, рожденный внебрачно, мог быть «узаконен» браком родителей или определением суда.

Правовой статус детей дифференцировался и по возрастному признаку: так, законодательство предусматривало три возрастные группы несовершеннолетних – дети до четырнадцати лет; дети в возрасте с четырнадцати до семнадцати лет; дети в возрасте с семнадцати лет до двадцати одного года. Однако эти возрастные группы отличались лишь по объему имущественных прав – их личные (неимущественные) права не отличались (право на жизнь, право на имя, право на место жительства, право вероисповедания и др.)¹ и были слабо регламентированы. Интересно, что в случае решения вопроса о том, с кем будут проживать дети при раздельном проживании родителей, приоритет отдавался главе семейства, т.е. отцу. Однако такой приоритет не был абсолютным: как писал Г.Ф. Шершеневич, подобное правило действует до тех пор, пока «суд не решит, что, ввиду особых обстоятельств (например, пьянства отца, содержание им в своем доме любовницы), польза детей требует воспитания их матерью»².

Как справедливо отмечает В.А. Татаров, дореволюционное законодательство не знало системы личных (неимущественных) прав ребенка, отрывисто и непоследовательно регламентировало его нематериальные блага³.

Советское законодательство о личных (неимущественных) правах ребенка. Исторические события, связанные с Великой Октябрьской революцией 1917 г., существенно изменили взгляд на воспитание детей: теперь социализация ребенка ложилась на плечи образовательных

¹ Исключением является лишь право малолетнего просить себе попечителя для совета и защиты, в том числе личных неимущественных прав (ст. 219).

² Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 576.

³ Татаров В.А. Личные неимущественные права и иные нематериальные блага ребенка по российскому гражданскому законодательству. Историко-правовой аспект // Закон и право. 2018. № 7. С. 67–72.

учреждений, а не семьи, которой отводилась вспомогательная роль в процессе формирования одобряемой государством личности молодого коммуниста. По этому поводу В.М. Зензинов в свое время писал, что советский законодатель обязанности возлагал на родителей, правами обеспечивал детей, а процесс воспитания объявлял функцией государства¹.

Декабрьские декреты советской власти, как писал Г.М. Свердлов, буквально «смели все дореволюционное законодательство о браке и семье»². Так, получил признание гражданский брак, вытеснив брак церковный; было провозглашено равенство мужчины и женщины в браке и семье. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»³ уравнил в правах детей, рожденных в браке, и детей, рожденных внебрачно. Аналогичная норма фигурировала и в первом семейно-правовом кодифицированном акте – Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.⁴). Этот Кодекс вслед за Декретом от 18 декабря 1917 г. впервые в истории отечественного семейного права отказался от термина «родительская власть», на смену которому пришел термин «родительские права». Примечательно, что в названном акте личным правам и обязанностям детей и родителей была посвящена отдельная глава, которая содержала следующие виды ЛНП детей: право на имя (ст. 145–146); на гражданство (ст. 147); на свободу вероисповедания (ст. 148); на защиту прав (ст. 155); на место жительства (ст. 156–158); право на общение с родителями (ст. 159). Несмотря на ряд прогрессивных норм, Кодекс 1918 г. подвергается обоснованной критике⁵ по причине содержащейся в нем нормы об отмене усыновления, что было, как известно, обусловлено историко-политическими

¹ Зензинов В.М. Беспризорные. Париж: Современные записки, 1929. С. 38.

² Свердлов Г.М. Советское семейное право. М.: Госюриздат, 1951. С. 33.

³ СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456017706> (дата обращения: 23.05.2020).

⁴ СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Антокольская М.В. Семейное право: учебник, изд., 2-е, перераб. и доп. М.: Юристь, 2001. С. 67.

причинами. В отечественной науке рассматриваемого исторического периода была разработана так называемая «Декларация прав ребенка», авторство которой принадлежит К.Н. Вентцелю¹. Из наиболее выдающихся положений этой Декларации стоит назвать уравнение в правах и свободах взрослых и детей. Известно, что ряд положений этой Декларации стали частью первого международного акта, сделавшего ребенка «объектом международно-правовой защиты»², – Женевской декларации прав ребенка, принятой Ассамблеей Лиги Наций в 1924 г.

В следующем кодифицированном акте семейно-правового содержания – Кодексе законов о браке, семье и опеке, введенном в действие с 01 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г.³, – были перечислены те же личные (неимущественные) права ребенка, был сохранен принцип исключительности интересов детей⁴. Исторические события, связанные с Великой Отечественной войной, вероятно, стали причиной принятия Указа от 8 июля 1944 г.⁵, согласно которому был кардинально изменен порядок установления происхождения детей, рожденных вне брака: в отношении таких детей данные об отце ребенка не указывались вообще, юридическая связь возникала только между ребенком и его матерью, которая лишалась права на обращение в суд с иском об установлении отцовства.

¹ См. об этом: *Вентцель К.Н.* Отделение школы от государства и декларация прав ребенка. М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1918. С. 13.

² *Шийко-Окрух Малгожата.* Международно-правовые вопросы защиты прав ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 12.

³ СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. об этом: *Джумагазиева Г.С.* Осуществление имущественных и личных неимущественных прав несовершеннолетних в гражданском и семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Астрахань, 2010. С. 25.

⁵ Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

Наконец, Кодекс законов о браке и семье РСФСР (далее по тексту также – КЗоБиС 1969 г.)¹, введенный в действие с 01 ноября 1969 г., содержал ряд норм, посвященных личным (неимущественным) правам ребенка и его нематериальным благам. Так, среди задач КЗоБиС 1969 г. значилась «всемерная охрана интересов матери и детей и обеспечение счастливого детства каждому ребенку». Как известно, указанный акт был основан на общесоюзных Основах законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик, которые в свою очередь были разработаны в том числе под воздействием международного права. Что касается международно-правового статуса ребенка, то к семидесятым годам XX в. в нем наметились определенные позитивные тенденции: в 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, в 1959 г. – Декларация прав ребенка.

В ст. 51 КЗоБиС 1969 г. закреплялось право ребенка на имя: фамилия ребенка определялась фамилией родителей или одного из них, имя – соглашением между родителями, а отчество – именем отца. Согласно ст. 52 Кодекса законов о браке и семье РСФСР 1969 г., ребенку принадлежало право на воспитание, включающее заботу о его физическом развитии и обучении, подготовку к общественно полезному труду, формирование достойного члена социалистического общества. Право на защиту, закрепленное в норме ст. 53 КЗоБиС 1969 г., подразумевало представление и защиту интересов детей их родителями. Место жительства несовершеннолетнего ребенка традиционно определялось местом жительства его родителей или соглашением между ними, а при отсутствии соглашения – судом. Интересно, что ребенок, достигший возраста пятнадцати лет, мог проживать отдельно от своих родителей (ст. 17 КЗоБиС 1969 г.). Еще одно неимущественное право ребенка – на общение с родителем, проживающим отдельно, а также с дедом и бабушкой (ст. 56–57) – отличалось тем, что в сравнении с прежними аналогичными нормами КЗоБиС 1969 г. впервые законодательно установил право деда и бабушки на общение с внуками. В

¹ Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

числе личных (неимущественных) прав ребенка, предусмотренных КзобИС 1969 г., – право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (ст. 59–64). Указанное право сводилось к механизму лишения родителей родительских прав, а также отобрания ребенка по решению суда без лишения родительских прав. Согласно Закону СССР от 22 мая 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР по вопросам, касающимся женщин, семьи и детства»¹, субъектом, уполномоченным на немедленное отобрание ребенка у родителей, был определен орган опеки и попечительства. Кроме КзобИС 1969 г., личные (неимущественные) права ребенка были зафиксированы в еще одном кодифицированном акте – Гражданском кодексе РСФСР 1964 г., предусматривающем право ребенка, не достигшего возраста пятнадцати лет, на здоровье и на возмещение вреда при повреждении здоровья (ст. 465), а также права автора (ст. 479).

Принятие Конституции РФ 1993 г., а также Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. обусловило необходимость коренного пересмотра отечественного семейного законодательства, в том числе и в части, касающейся правового статуса ребенка, поскольку положения КзобИС 1969 г. вступали в прямое противоречие с нормами названных актов.

Современное состояние отечественного правового регулирования ЛНП, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка. Современное отечественное семейное законодательство исходит из системы нематериальных благ ребенка и ЛНП на них, что следует из анализа общих и специальных норм семейного и гражданского законодательства. Так, в п. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)² перечислены следующие нематериальные блага: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя,

¹ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 23. Ст. 422.

² *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г., с изм. от 26 октября 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага. Предписания ст. 150, а также последующих норм гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» являются общими нормами, определяющими личный (неимущественный) статус несовершеннолетнего лица. Специальные же нормы содержатся, прежде всего, в специализированном кодифицированном акте – Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ)¹. Так, система ЛНП ребенка представлена в нормах ст. 54–59 СК РФ: право ребенка жить и воспитываться в семье; право ребенка на общение с родителями и другими родственниками; право ребенка на защиту; право ребенка выражать свое мнение; право ребенка на имя, отчество и фамилию; право ребенка на изменение своего имени и фамилии. Однако это далеко не все ЛНП ребенка, обеспечивающие его развитие: в действительности те или иные нормы, связанные с нематериальными благами ребенка, его личными (неимущественными) правами, а также средствами их охраны и защиты, прослеживаются и в нормах-принципах семейного законодательства; и в нормах, посвященных браку; и в нормах, составляющих личный неимущественный статус супругов; и в нормах, регулирующих установление происхождения детей; и в нормах о правах родителей и детей и т.д.

Кроме СК РФ, ЛНП ребенка содержатся в Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о гарантиях ребенка)². В указанном законе упоминается о таких личных (неимущественных) правах ребенка, как право на охрану здоровья; права в сфере профессиональной

¹ Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02 июля 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ориентации, профессионального обучения и занятости; право на отдых и оздоровление; право на социальную инфраструктуру; право на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию; право на содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей; право на защиту от торговли детьми и эксплуатации детей и др.

В то же время следует заметить, что действующее семейное законодательство не оперирует термином «нематериальные блага» и, как следствие, не фиксирует специфику этих благ применительно к такому специальному субъекту, как ребенок.

Резюмируем вышеизложенное. Историческое становление отечественной системы личных (неимущественных) прав ребенка, объектами которых выступают нематериальные блага, находится в диалектической взаимосвязи с социально-экономическими, политическими и социокультурными процессами, всецело предопределяющими специфику указанных прав. Так, на протяжении всего исторического развития коррекция личных (неимущественных) прав ребенка была так или иначе обусловлена политикой действующей власти: сами по себе нематериальные блага ребенка не становились предметом специального внимания законодателя, не были подвергнуты обстоятельному осмыслению и, вероятно, не получили должного признания как неотъемлемого элемента, предопределяющего будущее общества.

Хронологизация эволюции законодательного представления о ЛНП, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка, может быть представлена следующими историческими этапами, характеризующимися соответствующими особенностями: (1) право Древнего Рима: отличалось безграничной властью главы семейства, домовладыка имел право на жизнь и смерть своих детей; (2) право Древней Руси до принятия христианства: язычество и полигамия предопределили отсутствие деления детей на законнорожденных и незаконнорожденных; за ребенком закреплялось право

на жизнь; (3) право на Руси после принятия христианства: изменилась социальная роль ребенка в связи с появлением христианской семейной морали и древнерусского права; кроме права на жизнь, ребенок наделяется правом на воспитание, на вступление в брак, на заботу и воспитание; (4) право Петровской эпохи: запрещено венчать детей вопреки их воле или отдавать в монастырь по усмотрению родителей; сокращен до пяти лет срок отдачи детей внаем; введены первые ограничения родительской власти над детьми; установлен брачный возраст; (5) право «постпетровской» эпохи: закреплен институт патроната над осиротевшими детьми; установлен возрастной критерий, дифференцирующий опеку и попечительство; создана система учреждений для детей-сирот; воспитание рассматривалось как часть частной жизни, не предполагавшей вмешательство государства; (6) советское право: социализация ребенка считается задачей образовательных учреждений, а не семьи; происходит отказ от термина «родительская власть», на смену которому пришел термин «родительские права»; к числу личных (неимущественных) прав детей относят право на имя, гражданство, свободу вероисповедания, защиту прав, на место жительства, право на общение с родителями и др.; (7) современное право: нематериальные блага, находясь в несистематизированном виде, закреплены в общих и специальных нормах преимущественно семейного и гражданского законодательства, регулирующих ЛНП ребенка.

Эволюция законодательного представления о ЛНП, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка, наглядно демонстрирует уникальную особенность исторического развития именно нематериальных благ ребенка: на протяжении всех этапов исторического становления нематериальные блага ребенка находятся в увязке с господствующими в обществе социальными нормами, в том числе теми, которые формируют соответствующее времени представление о браке и семье.

1.2 Правовая сущность нематериальных благ ребенка и их место в системе объектов права

Теория объектов права и ее эвристический потенциал для познания нематериальных благ ребенка. Термин «объект» относится к числу фундаментальных философских категорий, находящихся в увязке (и даже противопоставлении) с субъектом, реализующим предметно-познавательную деятельность¹. Наиболее основательное научное представление об объектах права было разработано в рамках теоретических правовых учений². Заметим, что проблема объектов права находится в непосредственной взаимосвязи с проблемой объектов правоотношений, что обусловлено отождествлением объектов прав и правоотношений, признаваемым большинством ученых-юристов настоящего и прошлого³. В свою очередь проблема объектов правоотношений находит воплощение через существующие научные концепции, по-разному понимающие сущность объекта правоотношений.

В самом общем виде можно обозначить два научных подхода: согласно первому под объектами правоотношений следует понимать предметы материального мира, продукты духовного творчества⁴; второй же подход исходит из необходимости признания объектами правоотношений исключительно человеческую деятельность, т.е. поведение субъектов по

¹ Чернов В.И. Анализ философских понятий. М.: Наука, 1966. С. 175.

² См., например: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. С. 57; Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. С. 139; Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. С. 45; Ровный В.В. Объект гражданского правоотношения: уровень разработки проблемы и вариант ее решения // Цивилистические исследования: ежегодник гражданского права / под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М.: Статут, 2006. Вып. 2. 399 с. и др.

³ См., например: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 52; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 212; Тархов В.А. Курс гражданского права. Общая часть. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. С. 107–108 и др.

⁴ Халфина Р.О. Указ. соч. С. 214.

поводу материальных и духовных благ¹. Заметим, что дискуссия об объектах правоотношений не может быть сведена в чистом виде к двум концептуальным подходам, поскольку в действительности научные воззрения на этот счет как в дореволюционном и советском, так и в современном праве отличаются большим разнообразием. Так, Ф.В. Тарановский полагал, что, поскольку норма права нацелена именно на поведение людей, постольку оно и является объектом правоотношений². Вслед за ним Я.М. Магазинер обосновывал свою позицию тем, что правоотношение есть юридическая связь, возникающая между людьми по поводу вещей, а не между человеком и вещью³. Что касается собственно вещей и иных ценностей, то, по мнению О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, они являются лишь «поводом» для возникновения правоотношения⁴. Сторонником поведенческой концепции был и Д.М. Генкин⁵.

Иной подход сформировал С.Н. Братусь: по его мнению, объектом правоотношения выступают вещи, а поведение субъектов по поводу объектов есть собственно содержание правоотношения. Схожую позицию в этом вопросе занял и И.Л. Брауде, по мнению которого объектом правоотношения выступают результаты поведения субъектов правоотношений, т.е. вещи, иные материальные, а также нематериальные блага⁶. По мнению Г.Н. Полянской, объектом правоотношения может быть признана только вещь⁷. Такого же мнения придерживался и П.И. Стучка¹.

¹ *Гражданское право: учебник.* / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М.: Теис, 1996. Ч. 1. С. 79.

² См. об этом: *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев: Б. и., 1917 (тип. К. Маттисена). 1917. С. 134.

³ *Магазинер Я.М.* Советское хозяйственное право. Л., 1928. С. 174–186.

⁴ *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 230, 239.

⁵ См., например: *Советское гражданское право* / под ред. Д.М. Генкина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. Т. 1. С. 98–111.

⁶ *Брауде И.Л.* Проблемы гражданского права // Советское государство и право. 1950. № 9. С. 85; 1951. № 3. С. 56.

⁷ Цит. по: *Пергамент А.К.* К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1950. № 9. С. 86.

Выделяя «внешний объект», Н.Г. Александров понимал под ним то, на что направлено поведение участников общественных отношений, т.е. вещи и иное имущество². Вслед за ним М.М. Агарков признавал объектами вещи, права и все то, в отношении чего субъект может совершить акт распоряжения³. Выделяя общий и специальный объект, Ю.К. Толстой предлагал под специальным объектом понимать вещи⁴. В то же время названный ученый отрицал допустимость квалификации нематериальных благ в качестве объектов правоотношений в силу их неразрывной связи с субъектом.

Нам представляется, что общественное отношение, урегулированное нормами права, является результатом такого регулирования. Объектом же правоотношения выступают материальные и нематериальные блага. С.С. Алексеев писал, что поведение людей может быть объектом правоотношения только в том случае, если речь идет о правоотношении, лишенном материального содержания⁵. При таком концептуальном подходе можно утверждать о тождестве объекта гражданского правоотношения и объекта субъективных гражданских прав и обязанностей. Как верно отметил В.В. Ровный, если признать, что гражданское правоотношение – это нечто «целое», то субъективные гражданские права – это часть этого «целого»⁶.

Воздействие гражданского правоотношения на вещи, иное имущество, результаты работ и оказание услуг, интеллектуальную собственность, нематериальные блага происходит за счет действия норм права, с помощью

¹ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1929. Т. 2. С. 188–190.

² Александров Н.Г. Законность и правоотношение в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. С. 117–120.

³ Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «ЦентрЮрИнфор», 2002. Т. 1. С. 206–209.

⁴ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 64–65.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. Вып. 2. С. 140.

⁶ Ровный В.В. Феномен предпринимательства в языке, в праве и учении об объекте в гражданском праве: проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999. С. 107.

которых субъекты воздействуют на свое поведение или поведение иных участников имущественного оборота. Поскольку любая человеческая деятельность отличается целеполаганием, постольку конечной целью реализации правоотношения является потребление материальных и нематериальных благ, происходящее в результате осуществления гражданских прав¹. Свойства благ определяют динамику и конкретное содержание правоотношения². Сказанное позволяет сделать вывод о том, что сами блага являются неотъемлемой частью объекта правоотношения, ибо вне этих благ деятельность субъектов лишается смысла. Так, Г.Ф. Шершеневич по этому поводу писал: «объект права следует искать в благах, обеспечиваемых правом, как в цели»³. Если блага являются целью, то субъективные гражданские права – средством ее достижения⁴. В этом контексте интересна концепция объектов, разработанная В.Н. Протасовым: по его мнению, объекты следует дифференцировать на объекты правовой деятельности, под которыми ученый понимает явления материального и духовного мира, имеющие юридическое значение, и объекты интереса участников, под которыми ученый понимает блага, демонстрирующие целевое предназначение конкретного правоотношения⁵. Будучи целью, обосновывающей вступление субъекта в правоотношение, блага могут быть квалифицированы и в качестве результата предметно-практической деятельности, обусловленной потребностями⁶.

Справедливым будет отметить, что в научной литературе высказана позиция, согласно которой следует дифференцировать предмет и объект

¹ См. об этом: *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 48–49.

² См. об этом: *Белов В.А.* Гражданское право: Общая часть: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. С. 167–177.

³ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 1–4. М., 1910–1912. С. 590–591.

⁴ См. об этом, например: *Власова А.В.* Структура субъективного гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 7.

⁵ *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М.: Юрид. лит., 1991. С. 96, 103.

⁶ См. об этом: *Ланач В.А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 76.

применительно к субъективному гражданскому праву. К примеру, Ю.Г. Басин под предметом понимает явление окружающего мира, а под объектом – свойства предмета¹.

Эвристический потенциал теории объектов права для познания нематериальных благ раскрывается через следующее аксиоматичное утверждение: ЛНП, которые входят в содержание неимущественных правоотношений, имеют в качестве объекта нематериальные блага. В свою очередь нематериальные блага выступают средством реализации противоречащих интересов субъектов правоотношения². По этому поводу Н.Д. Егоров писал следующее: «Нематериальное благо выступает объектом субъективного права, благодаря которому управомоченный субъект получает юридически обеспеченную возможность требовать от неограниченного круга лиц воздержаться от действий, способных привести к некорректной оценке его индивидуальных способностей как личности»³. Следовательно, личные (неимущественные) отношения позволяют обладателям нематериальных благ реализовывать свои интересы.

Цивилистическое представление о понятии нематериальных благ.

Прежде всего, стоит отметить, что термин «нематериальные блага» имеет в качестве родового признака более широкое понятие философско-этического происхождения – «блага». Так, философско-этические научные воззрения Г. Сиджвика относительно понятия и содержания термина «нематериальное благо» в концентрированном виде могут быть представлены следующей цитатой: «Если мы внимательно рассмотрим те постоянные результаты, помимо качеств человеческих существ, которые мы обычно считаем хорошими, то в результате рассуждения мы не сможем обнаружить ничего,

¹ Басин Ю.Г. К вопросу о понятии объекта гражданского права как элемента гражданского правоотношения // Гражданское законодательство / под ред. А.Г. Диденко. Алматы, 2003. Вып. 18. С. 57–63.

² См. об этом: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / предисл. И.Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 195.

³ Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 120.

что обладало бы этим качеством хорошести, вне отношения к человеческому существованию, или, по меньшей мере, – к некоторому сознанию или чувству»¹. По Г. Сиджвику, благо отличается оценочным характером; идеальными благами являются красота, знания и т.п.; ценностью обладает не всякое благо, а только то, которым человек может потенциально обладать.

Базовые философские предпосылки формирования представления о благах исходят из следующих умозаключений: блага находятся в увязке с потребностями личности, которые весьма разнообразны; блага могут быть дифференцированы на материальные, духовные и нравственные; блага представляют собой целевые устремления, на которые направлена человеческая жизнедеятельность².

В истории философской мысли представления о содержании термина «блага» отличаются большим разнообразием и включают в себя: древнегреческие суждения об этической сущности благ (Платон, Аристотель и др.); христианские представления о благе как удовлетворении как собственных интересов, так и интересов ближнего своего; убеждения английских философов эпохи Возрождения о частных и общественных благах (Ф. Бэкон), о естественном стремлении человека к счастью (Д. Локк); неокантианские дискуссии о тождестве и дифференциации благ и ценностей³; экономическое восприятие благ как средств удовлетворения потребностей и безусловный приоритет материальных благ⁴; перманентную увязку благ с потребностями, в отсутствие которых благо утрачивает свою

¹ Цит. по: *Артемьева О.В.* Генри Сиджвик о высшем благе // *Этическая мысль.* Вып. 4. 2003. С. 83.

² См. об этом: *Иванов Е.А.* Социальная философия для юристов. Очерк истории: учеб. пособие для студ. юрид. вузов и ф-тов. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 43.

³ См. об этом, например: *Риккерт Г.* О понятии философии. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 54.

⁴ См., например: *Курс экономической теории: учебник / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой.* Киров: АСА, 2007. С. 54; *Менгер А.* Основания политической экономии // *Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер.* М.: Экономика, 1992. [Экономическое наследие]. С. 39, 201–202.

ценность¹. Кроме того, в философии принято выделять ступени познания блага: первая ступень обусловлена осознанием положительных свойств блага, вторая ступень – самоотражением блага. Как отмечает В.С. Соловьев, благо всегда сопровождается «ощущением удовольствия»². Таким образом, философское представление блага predetermined его восприятием как положительной ценности.

В политической экономии блага рассматриваются через призму четырех необходимых условий: 1) наличия потребности человека в чем-либо; 2) наличия у предмета свойств, обеспечивающих удовлетворение конкретной потребности человека; 3) осознания этой причинно-следственной связи; 4) возможности обладания этим предметом таким образом, чтобы последний действительно смог удовлетворить потребность человека³. Аналогичный взгляд высказан и Ф.А. Селивановым: благо – это все, что полезно «в отношении к потребностям людей»⁴.

Н.А. Темникова справедливо замечает, что благо есть «социальное определение предмета или явления, полезного для человека»⁵.

Несмотря на то что термин «нематериальные блага» достаточно прочно вошел в цивилистический терминологический категориальный аппарат, понимание его правовой сущности относится к числу остро дискуссионных вопросов современной юриспруденции⁶. Как дореволюционные, так и

¹ См. об этом: Менгер А. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 119.

² Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Избранные произведения. Ростов н/Д Феникс, 1998. С. 135–136.

³ Менгер А. Основания политической экономии. С. 39–70.

⁴ Селиванов Ф.А. Благо. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967. С. 4.

⁵ Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребёнка в семейном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 41.

⁶ Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 9–13; Березин Д.А. Нематериальные блага – объекты оценки // Юрист. 2017. № 24. С. 14–18; Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3–9; Михайлова И.А., Пчелинцева Л.М. Нематериальные блага и личные неимущественные права в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. 2012. № 1. С. 19–23; Кожевина Е.В. Нематериальные блага как объект гражданских

советские ученые-юристы предпринимали многочисленные попытки сформулировать понятие и признаки нематериальных благ. Так, И.А. Покровский в свое время писал, что нематериальные блага – это «элементарные блага»¹, чем подчеркивалось их естественное происхождение и необходимость безусловной защиты. В свою очередь О.А. Красавчиков, выделяя такие признаки нематериальных благ, как внеэкономическая природа и нетоварность², понимал под ними «продукты духовного творчества»³. Весьма интересно, что возрождение концепции нематериальных благ и обусловленных ими личных неимущественных прав И.А. Покровский связывал, прежде всего, с интенсификацией гражданского оборота, а также с имущественными интересами⁴.

В самом общем виде к числу признаков нематериальных благ принято относить их неэкономический характер, неотделимость от личности, невещественность, переменный характер, невозможность обращения взыскания, необоротоспособность⁵.

Неэкономический характер нематериальных благ позволят отграничивать эти блага от материальных, которые имеют экономическую

прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // *Цивилист*. 2010. № 4. С. 59–63; 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.): избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2014. 368 с.; *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практ. комментарий (постатейный)* / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева и др.; под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 912 с. и т.д.

¹ Под ними И.А. Покровский понимал жизнь, телесную неприкосновенность и свободу.

² *Красавчикова Л.О.* Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 12.

³ *Советское гражданское право: учебник: в 2 т.* / Илларионова Т.И., Кириллова М.Я., Красавчиков О.А. и др.; под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1985. Т. 1. С. 83.

⁴ *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. [Классика российской цивилистики]. С. 121.

⁵ См. об этом: *Голубев К.И., Нарижский С.В.* Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 2-е изд., доп. СПб.: Юрид. центр, 2001. С. 46–47.

форму товара. По поводу нематериальных благ Л.О. Красавчикова писала следующее: «Жизнь, здоровье, честь, достоинство ни при каких обстоятельствах не могут быть товаром и участвовать в этом качестве в имущественном обороте»¹.

На неотделимость от личности как основной признак нематериальных благ обратила внимание Е.А. Флейшиц: под нематериальными благами следует понимать «блага, неотделимые от каждой данной личности, охраняющие непротивоправное проявление индивидуальных черт, способностей, стремлений человека»².

При этом нематериальные блага не просто «неотделимы от личности», они еще и характеризуют ее, выступают ее свойствами³. Так, А.Ф. Суржик называет нематериальные блага «комплексными общественно полезными свойствами субъекта права»⁴. Полезность нематериальных благ состоит, на наш взгляд, не только в том, что они позволяют удовлетворять потребности личности, но в том, что они одновременно создают условия для физического, нравственного и иного благополучия личности. Стоит заметить, что термин «благополучие», не имея правового содержания, зачастую находится в одном терминологическом ряду с нематериальными благами, подчеркивая их функциональную специфику.

Важно, что нематериальные блага приобретают правовое значение исключительно в силу их легального признания путем нормативного закрепления в соответствующих нормах права. Как писала Л.А. Чеговадзе,

¹ Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 24–25.

² Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 9.

³ См. об этом: Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981. С. 25.

⁴ Суржик А.Ф. Механизмы обеспечения реализации конституционных гарантий прав, свобод и иных нематериальных благ в гражданском праве // Юрист. 2006. № 9. С. 20.

только приобретение человеком статуса субъекта правовых отношений трансформирует его нематериальные блага в правовую категорию¹.

В специальной литературе встречается весьма обширный перечень определений нематериальных благ. Для формулирования собственного «универсального» цивилистического понятия нематериальных благ рассмотрим некоторые из имеющихся в цивилистике подобных определений. М.Н. Малейна рассматривает нематериальное благо в качестве «объекта субъективного личного неимущественного права»²; В.К. Андреев – «самостоятельной правосубъектной формы»³; В.С. Толстой – «вполне материальной возможности выбирать определенный круг решений в рамках автономии»⁴; Т.Н. Палькина – «неимущественных ценностей»⁵; Д.А. Березин – «внутренних ценностей их индивида»⁶; О.Н. Ермолова – «ценностей, присущих личности»⁷; Т.В. Трофимова – «не имеющего имущественного содержания, неотчуждаемого и непередаваемого иным способом объекта гражданских прав»⁸; Н.А. Темникова – «не имеющих денежной оценки объективно необходимых для каждого индивида условий его существования, физиологической и социальной жизнедеятельности»⁹; А.Б. Арзуманян – в широком понимании – «идеальные и материальные составляющие

¹ *Чеговадзе Л.А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. С. 230.

² *Малейна М.Н.* Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.

³ *Андреев В.К.* Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 27–33.

⁴ *Толстой В.С.* Личные неимущественные правоотношения. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 216 с.

⁵ *Палькина Т.Н.* Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

⁶ *Березин Д.А.* Нематериальные блага – объекты оценки // Юрист. 2017. № 24. С. 14–18.

⁷ *Ермолова О.Н.* Нематериальные блага и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 5.

⁸ *Трофимова Т.В.* Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 6.

⁹ *Темникова Н.А.* О понятии «нематериальное благо» в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13). С. 82–86.

существования человека», узком понимании – «неразрывно связанные с человеком блага естественного или социального происхождения»¹.

Д.В. Сараев определяет нематериальные блага через такое несвойственное юридическому научному инструментарию родовое понятие, как «общественно полезное свойство субъекта права»². При этом, по мнению названного ученого, функциональное предназначение такого свойства заключается в том, чтобы обеспечить индивидуализацию субъекта права и защитить его от внешнего воздействия. Думается, что индивидуализация субъекта – это лишь одна из функций, на выполнение которых направлены нематериальные блага.

Т.В. Трофимова предлагает следующее определение нематериального блага: «не имеющий имущественного содержания, неотчуждаемый и непередаваемый иным способом объект гражданского права, принадлежащий, как правило, физическому лицу от рождения или в силу закона, имеющий строго личную направленность и характеризующийся невозможностью его восстановления в случае нарушения»³. Универсальность подобного определения может быть поставлена под сомнение в связи с выбором в качестве родового признака «объект гражданского права». В то же время не все нематериальные блага являются объектами гражданских правоотношений.

Весьма удачным видится определение, предложенное Р.П. Тимешовым: «нематериальные блага – это духовные социальные ценности, не имеющие имущественного содержания, тесно связанные с личностью, автономностью, индивидуальностью, состоянием (жизнь, здоровье) человека, и являющиеся объектами личных неимущественных прав, реализуемых в рамках личных неимущественных гражданских правоотношений на основе

¹ Арзуманян А.Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 8.

² Сараев Д.В. О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. 2002. № 7. С. 3–6.

³ Трофимова Т.В. Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 6.

конституционного статуса личной свободы»¹. Однако и в этом определении допущена одна методологическая неточность: не все нематериальные блага являются объектами личных неимущественных прав.

Анализ ст. 150 ГК РФ, содержащей перечень нематериальных благ человека, наглядно демонстрирует разнородность этих благ: одни блага являются результатом человеческой деятельности (авторство), другие – объективно существующей частью мироздания (жизнь и здоровье человека, благоприятная окружающая среда), третьи – созданными обществом инструментами, обеспечивающими комфортное существование каждого индивида и общества в целом (достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина и др.). Последняя группа представляет собой совокупность абстрактных, идеальных по форме и содержанию понятий, которые характеризуются высокой степенью обобщенности. В этой связи возникает объективная сложность в выработке «универсального» понятия нематериальных благ.

Думается, что для обеспечения терминологической чистоты и методологической корректности важно сделать следующее замечание: все нематериальные блага следует классифицировать на юридически значимые и юридически безразличные. Указанная классификация предопределена тем, что не все нематериальные блага входят в «правовое пространство» и регулируются нормами права, а только те из них, которые, по мнению законодателя, имеют, с одной стороны, свойство «регулируемости», т.е. могут быть защищены с помощью правовых средств. Так, такое нематериальное благо, как любовь, которое, безусловно, обладает социальной ценностью, например, для семейных правоотношений, не может

¹ *Тимешов Р.П.* Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 36–37.

быть нормативно закреплено законодателем по причине невозможности его абсолютной защиты: «насиленно мил не будешь».

С другой стороны, нормативное закрепление нематериальных благ всегда сопряжено с выяснением вопроса об их значимости для общества в целом. Так, О.С. Иоффе по этому поводу замечает: «Правовое отношение юридически закрепляет, конкретизирует общественные отношения, в силу небезразличия государства к этому отношению»¹.

В связи с этим неудивительно, что с развитием общества, его ценностей, перечень нематериальных благ, закрепленный в ст. 150 ГК РФ, должен пополняться новыми видами.

Объектом гражданских прав, в том числе ЛНП, и объектом гражданских правоотношений могут быть только юридически значимые нематериальные блага, т.е. те, которые признаются и защищаются законом.

На наш взгляд, при формулировании собственного доктринального определения нематериальных благ следует исходить из того, что эти блага, выполняя ряд функций, характеризуются набором родового и видовых признаков. Поэтому для уяснения правовой сущности нематериальных благ, требуется выявление их родового и видовых признаков, а также выполняемых ими функций.

Так, по нашему мнению, родовым признаком нематериальных благ выступает категория «неимущественные ценности», поскольку все нематериальные блага как в структуре общества, так и за его рамками являются для человека, прежде всего, ценностью неимущественного содержания. Видовыми признаками нематериальных благ следует признать: их неэкономический характер, неотделимость от личности, невещественность. Единственной функцией, на выполнение которой направлены все без исключения нематериальные блага, является функция удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей.

¹ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву // *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву. М., 2003. С. 525–527.

Далее для характеристики нематериальных благ требуется их уже упомянутая дифференциация на юридически значимые и юридически безразличные. Юридически значимые нематериальные блага обладают дополнительными видовыми признаками: необоротоспособность, невозможность обращения на них взыскания.

Что касается функций юридически значимых нематериальных благ, то по поводу этого вопроса следует сделать еще одно методологическое замечание. Следует отличать функции правовой категории «юридически значимые нематериальные блага» от функций собственно самих юридически значимых нематериальных благ. В этом смысле правовая категория «юридически значимые нематериальные блага» направлена на выполнение ряда взаимосвязанных функций: (1) функция обозначения объекта гражданского права; (2) функция обозначения объекта личного (неимущественного) права; (3) функция обозначения объекта гражданских правоотношений. Очевидно, что выделение указанных функций весьма условно: в действительности эти три функции сливаются в одну.

Наконец, функции, на выполнение которых направлены юридически значимые нематериальные блага, – это (1) функция обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие; (2) функция индивидуализирующего субъекта права свойства; (3) функция охраны частной жизни. Далее по тексту мы будем использовать термин «нематериальные блага», имея в виду исключительно юридически значимые нематериальные блага.

Место нематериальных благ ребенка в системе объектов гражданского и семейного права. Общеизвестно, что в правовом смысле ребенок – это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет. Специфика правового статуса ребенка предопределена его незрелостью, неполной дееспособностью и в связи с этим зависимостью от взрослых. Правовой статус ребенка функционально направлен на обеспечение полноценного развития ребенка, поэтому в правовом статусе ребенка объективно

превалируют ЛНП и, как следствие, нематериальные блага. Н.А. Темникова справедливо отмечает, что ЛНП ребенка обеспечивают его «автономию, социализацию, реализацию его личности и защиту его прав и интересов»¹. Безусловно, ребенок является носителем нематериальных благ, в том числе юридически значимых нематериальных благ, т.е. таких благ, которые могут быть защищены путем использования способов защиты, предусмотренных ст. 12 ГК РФ. Более того, семейно-правовой статус ребенка отличается наибольшим объемом нематериальных благ, являющихся объектом его личных (неимущественных) прав, поскольку именно семейное право отличается «приматом нематериальности»².

Однако, как было уже отмечено, СК РФ, в отличие от ГК РФ, не оперирует термином «нематериальные блага», что нуждается в коррекции. Поэтому перечень нематериальных благ ребенка, о которых имеется упоминание в СК РФ и иных федеральных законах, может быть сформулирован только лишь путем системного толкования. Отсутствие перечневого наполнения термина «нематериальные блага» применительно к такой субъектной категории, как ребенок, неизбежно ставит вопрос о месте нематериальных благ ребенка в системе объектов гражданского и семейного права³.

В соответствии со ст. 128 ГК РФ, к объектам гражданских прав относятся в том числе нематериальные блага. Стоит заметить, что категория «объект гражданских прав» является одной из фундаментальных категорий, составляющих основу теории гражданского права: эта категория обозначает универсальное свойство некоторых общественных отношений, входящих в

¹ Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребёнка в семейном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 37.

² См. об этом: Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. С. 49–60; Нечаева А.М. Семейное право. М.: Юрайт, 2012. С. 25–35; Рясенцев В.А. Советское семейное право. М.: Юрид. лит., 1982. С. 13–14; Тарусина Н.Н. Семейное право. М.: Проспект, 2000. С. 8–10.

³ См. об этом: *Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации: монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов.* М.: Проспект, 2019. С. 98–105.

предмет гражданского права, поскольку эти отношения возникают *в связи с* благами или *по поводу* благ. Кроме того, универсальность категории «объект гражданских прав» predeterminedена ее обобщающим характером: этим термином обозначается большая группа разнообразных имущественных либо неимущественных благ, которые, выступая объектом конкретного правоотношения, способствуют реализации норм права.

Несмотря на то что цивилистическая наука исходит из квалификации нематериальных благ в качестве объектов гражданских прав достаточно давно, законодатель закрепил это положение нормативно лишь в ГК РФ 1994 г. Такой законодательный подход, очевидно прослеживающийся и в нормах ныне действующей Конституции РФ, во многом обусловлен возрождением теории естественных прав человека. По поводу естественных прав человека И.А. Покровский прямо писал: еще римляне придерживались мнения, что естественные права и справедливость – это непосредственные источники гражданско-правовых норм¹. На единство гражданского права и прирожденных прав человека обращал внимание и С.С. Алексеев².

По замечанию М.П. Нохриной, такие нематериальные блага, как жизнь и здоровье сами по себе не являются объектами общественных отношений, поскольку неотделимы от субъекта и являются своеобразной предпосылкой вступления субъекта в правоотношения³. Разделяя позицию автора в части признания жизни человека некой «предпосылкой» его участия в общественных отношениях, позволим себе не согласиться с её мнением в части отрицания возможности квалификации жизни и здоровья, а также иных нематериальных благ в качестве самостоятельных объектов гражданских правоотношений. Специфика жизни и здоровья как важнейших нематериальных благ личности связана с тем, что они неотделимы от личности, что позволяет сделать вывод о том, что всякий раз субъектом

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 61.

² Алексеев С.С. Частное право. М.: «Статут», 1999. С. 69.

³ Нохрина М.П. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 26.

правоотношения является только живой человек. Жизнь является постоянным атрибутом субъекта правоотношения, а следовательно, не может быть его объектом. Однако этот вывод не абсолютен. В тех случаях, когда идет речь о личных (неимущественных) правоотношениях, где объектом выступают нематериальные блага, не имеющие овеществленного результата, жизнь и здоровье могут быть самостоятельным объектом такого правоотношения. В последнем случае имеет место так называемое «условное» слияние субъекта правоотношения и его объекта в силу того, что жизнь, будучи объектом, неотделима от субъекта. В этом смысле можно сделать вывод о том, что жизнь, здоровье, честь, достоинство и иные нематериальные блага – это свойства личности, которые, обладая для человека разной степенью ценности, и выступают самостоятельными объектами правоотношений. Весьма схожее мнение было высказано и В.С. Толстым¹.

В отличие от ГК РФ в СК РФ нет нормы права, которая бы содержала перечень объектов семейных прав, однако совершенно очевидно, что нормы гражданского законодательства имеют субсидиарное применение и к семейно-правовым отношениям в силу прямого указания об этом в ст. 4 СК РФ. В то же время предметная специфика семейных правоотношений требует закрепления в нормах СК РФ статьи, посвященной объектам семейных прав.

Анализ многочисленных доктринальных дефиниций категории «нематериальные блага», осуществленный в рамках настоящего исследования, наглядно демонстрирует отсутствие возрастной специфики как своеобразного видового признака нематериальных благ. Тем самым не проводится никакая-либо грань между нематериальными благами ребенка и нематериальными благами лица, достигшего возраста совершеннолетия.

На наш взгляд, нематериальные блага ребенка являются неотъемлемой частью его жизнедеятельности: в этом смысле указанные блага пронизывают

¹ Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. М.: АПК и ППРО, 2006. С. 45–46.

буквально все сферы жизни человека. В связи с этим при широком подходе к трактовке нематериальных благ ребенка становится очевидной их частно-публичная природа¹, а при узком – только частная². Неудивительно в связи с этим квалификация норм о защите нематериальных благ в качестве сверхимперативных предписаний³. Однако в юридической литературе данная тематика является малоизученной.

Нематериальные блага ребенка занимают самостоятельное место в системе объектов семейных прав в силу особой функциональной и целевой направленности. Так, помимо уже рассмотренных выше функций, нематериальные блага ребенка характеризуются специфической целью, в качестве которой выступает физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей. Именно о нем говорится в ст. 14.1 Закона о гарантиях прав ребенка.

Резюмируем вышеизложенное. Эвристический потенциал теории объектов права для познания нематериальных благ ребенка раскрывается через следующие научные постулаты: **(1)** нематериальные блага могут быть квалифицированы в качестве результата предметно-практической деятельности, обусловленной потребностями, и одновременно цели, обосновывающей вступление субъекта в правоотношение; **(2)** ЛНП, которые входят в содержание неимущественных правоотношений, имеют в качестве объекта нематериальные блага; **(3)** личные (неимущественные) отношения позволяют обладателям нематериальных благ реализовывать свои интересы.

¹ См. об этом: *Геворгян М.А.* Нематериальные блага ребенка как частное и публичное социально-правовые явления в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. 2019. № 3. С. 118–124.

² *Беспалов Ю.Ф.* Семейно-правовое положение ребенка в РФ: монография. 2-е изд. М.: Проспект, 2014. 240 с.; *Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления: монография / отв. ред. Беспалов Ю.Ф.*, М.: Проспект, 2019. 288 с.; *Якушев П.А.* Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.; *Ильина О.Ю.* Проблемы интереса в семейном праве РФ. М.: Городец, 2007; *Нечаева А.М.* Россия и её дети. М.: Грааль, 2000. 238 с.

³ См. об этом: *Афанасьев Д.В.* Различные аспекты публичного порядка // Закон. 2008. № 10. С. 37–47; *Ерпылева Н.Ю.* Международное частное право. М.: Проспект, 2015. С. 111–116.

Под юридически значимыми нематериальными благами ребенка предложено понимать неимущественные ценности несовершеннолетней личности, отличающиеся неэкономическим характером, неотделимостью от личности, невещественностью, необоротоспособностью, невозможностью обращения взыскания и направленные на выполнение ряда функций: (1) удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей; (2) индивидуализации субъекта; (3) охраны частной жизни; (4) обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие.

Выявлено, что правовая категория «юридически значимые нематериальные блага ребенка» направлена на выполнение ряда взаимосвязанных функций: (1) обозначения объекта семейного и гражданского права; (2) обозначения объекта личного (неимущественного) права; (3) обозначения объекта семейных и гражданских правоотношений. Очевидно, что выделение указанных функций весьма условно: в действительности эти три функции сливаются в одну.

Установлено, что целью юридически значимых нематериальных благ ребенка является его физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие.

1.3 Соотношение понятий «нематериальные блага», «личные (неимущественные) права» и «интерес» в контексте учения о нематериальных благах ребенка

Нематериальные блага и ЛНП ребенка. Личные неимущественные отношения всегда находились в фокусе научного внимания: об этом свидетельствуют научные разработки дореволюционных¹, советских² и

¹ См., например: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Казань, 1902. С. 356, 575; *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. [Классика российской цивилистики]. С. 120–131.

² См., например: *Иоффе О.С.* Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 53;

современных¹ ученых-юристов. Кроме того, объектом научного анализа стал и более узкий вопрос – о соотношении понятий «нематериальные блага» и «ЛНП». В то же время все указанные выше научные изыскания проводились без соответствующего субъектного акцента, в том числе без учета учения о нематериальных благах ребенка.

Имманентная связь нематериальных благ и ЛНП в цивилистике практически не ставится под сомнение. Она обусловлена тем, что ЛНП возникают по поводу нематериальных благ. При этом дискуссионным остается вопрос о роли гражданского права в регламентации ЛНП: согласно первой научной позиции, нормы гражданского права непосредственно не регулируют личные неимущественные права, а лишь обеспечивают их правовую охрану; согласно второй научной позиции, поддерживаемой нами, гражданское право содержит корпус норм, обеспечивающих регулирование ЛНП, в том числе их охрану².

Определяя правовую сущность ЛНП, представители советской научной школы в большинстве своем склонялись к квалификации этих прав в качестве субъективных прав – элементов гражданской правоспособности лица³, возникновение которых не связано с какими-либо юридическими фактами. По мнению О.С. Иоффе под субъективным неимущественным правом лица следует понимать «право гражданина требовать, чтобы осуществленная морально-политическая оценка его личности формировалась

Красавчиков О.А. Охрана интересов личности и свод законов Советского государства // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР. Свердловск: Свердловск. юр. ин-т., 1977. С. 23; *Анисимов Л.Н.* Конституционный статус советских граждан и система его гарантий. М., 1979. 80 с. и др.

¹ См., например: *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 242 с.; *Анисимов А.Л.* Гражданско-правовая защита чести достоинства и деловой репутации. М.: Юристъ, 1997. 79 с.; *Эрделевский А.М.* Право на имя и его защита // Законность. 1999. № 10. С. 15–18.

² См., например: *Красавчикова Л.О.* Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 12.

³ См. об этом: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 101; *Егоров К.Ф.* Личные неимущественные права граждан СССР // Ученые записки ЛГУ. 1953. Вып. 4, № 151. С. 153; *Мицкевич А.В.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1962. С. 59 и др.

на основе правильного восприятия того, что он сделал или не сделал»¹. Таким образом, субъективное неимущественное право – это мера возможного поведения, которая сама по себе не является нематериальным благом. В то же время именно через субъективные неимущественные права их носитель удовлетворяет свои потребности, т.е. пользуется социальными благами².

По мнению Е.А. Флейшиц, неимущественные права есть «права на блага, неотделимые от каждой данной личности»³; Л.О. Красавчиковой – «право гражданина на свободу определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению»⁴; В.С. Толстого – являются собой «естественную возможность самостоятельно выбирать варианты собственного поведения»⁵; Ю.Ф. Беспалова – «право ребенка, тесно связанное с его личностью, а также индивидуализирующее его»⁶; Н.А. Темниковой – «субъективные личные права, имеющие объектом нематериальные блага»⁷.

Отграничивая ЛНП от нематериальных благ, цивилистика исходит из их взаимообусловленности: несмотря на то что право не может наделить лицо нематериальным благом, именно нормы права обеспечивают юридическое оформление этих благ⁸. В этом смысле нематериальное благо опосредовано личным неимущественным правом, т.е. субъективным правом

¹ *Иоффе О.С.* Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 64.

² См. об этом: *Анисимов А.Л.* Гражданско-правовая защита чести достоинства и деловой репутации. С. 23.

³ *Флейшиц Е.А.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Статут, 2015. Т.1. С. 95.

⁴ *Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1. С. 220.

⁵ *Толстой В.С.* Личные неимущественные правоотношения. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. С. 24.

⁶ *Беспалов Ю.Ф.* Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. С. 62.

⁷ *Темникова Н.А.* Понятие и классификация семейных личных неимущественных прав ребенка // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2010. № 2. С. 82–89.

⁸ См. об этом: *Красавчикова Л.О.* Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М.: Статут, 2001. С. 82.

лица на соответствующее благо: личные неимущественные права создают правореализационный механизм для использования нематериальных благ. ЛНП ребенка – его правовые возможности, связанные с его личностью, возникающие по особым основаниям, имеющие специфику действия и прекращения, а также осуществления, охраны и защиты, лишенные экономического содержания.

Несмотря на очевидную разницу между такими понятиями, как «ЛНП» и «нематериальные блага», отечественный законодатель в ранее действующей редакции ГК РФ допускал их фактическое отождествление. Об этом свидетельствует анализ п. 1 ст. 150 ГК РФ, в котором ранее упоминалось: «В случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага ...»¹. В научной литературе также встречаются отдельные работы, авторы которых отождествляют ЛНП и нематериальные блага²: в некоторых случаях к ЛНП относят не только непосредственно нематериальные блага, но и субъективные права на такие блага. Противоположную позицию в этом вопросе занимает Н.С. Малеина: по ее мнению, отождествление права и его объекта методологически некорректно³. Такую же позицию в этом вопросе занимает и Д.В. Сараев, по мнению которого ЛНП – это субъективные личные права лица, объектом которых выступает нематериальное благо⁴.

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 21.03.2002) // СЗ РФ. 25.03.2002. № 12. Ст. 1093 (недействующая редакция).*

² См., например: *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 174 с.; *Пешикова О.А.* Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 15; *Голубев К.И., Нарижный С.В.* Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 2-е изд., доп. СПб.: Юрид. центр, 2001. С. 53 и др.

³ *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 16–22; *Она же.* Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991. С. 11–16.

⁴ *Сараев Д.В.* О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // *Юрист.* 2002. № 7. С. 5.

Нам представляется, что различие в понятиях «нематериальные блага» и «ЛНП» подтверждается основными положениями теории правоотношения, в частности теории объектов гражданских прав, эвристический потенциал которой уже был установлен нами ранее.

В цивилистике существует еще одна дискуссия в рамках обсуждаемой проблематики – о допустимости сосуществования и правовой защиты одновременно личных нематериальных благ и прав на эти блага. Иными словами, являются ли объектами гражданских прав и жизнь, и право на жизнь? Т.А. Фадеева по этому поводу отмечает следующее: термин «нематериальное благо» носит собирательный характер и по этой причине обозначает как само благо, так и личное (неимущественное) право. По мнению названного ученого, нематериальные блага дифференцируются на блага двух уровней: к благам первого уровня относятся собственно блага, т.е. жизнь, здоровье, благоприятная окружающая среда, а к благам второго уровня – права на блага первого уровня, т.е. право на жизнь, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду. В этом смысле право на жизнь, право на здоровье и т.д. являются личными (неимущественными) правами, корреспондирующими соответствующим нематериальным благам (жизнь, здоровье и т.д.), и одновременно с этим нематериальными благами сами по себе¹. На наш взгляд, подобный концептуальный взгляд требует верификации. Поскольку право на благо – это правовая идея, обеспечивающая благополучие личности, очевидно, что это не само благополучие личности. Так, Л.О. Красавчикова по этому поводу справедливо замечает, что ни одна отрасль права не может наделить личность жизнью, честью, достоинством: «...лишь в связи с содержанием соответствующей правовой нормы признается юридическая принадлежность субъекту жизни, чести и достоинства, личной свободы и

¹ См. об этом: *Гражданское право: учебник* / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: «Проспект», 1997. Т. 1. С. 319.

неприкосновенности...»¹. Компромиссность данного подхода заключается в том, что он одновременно признает самодостаточность нематериальных благ и возможность их реализации исключительно через соответствующие нормы права.

В результате рассуждений в рамках поднятой дискуссии А.Б. Арзуманян приходит к выводу о необходимости нормативной фиксации такого понятия, как «право на нематериальные блага», подчеркивая, что «личные (неимущественные) права» и «права на нематериальные блага» не являются однопорядковыми категориями. Одной из причин такого положения, по мнению А.Б. Арзуманян, выступает имущественный оттенок большинства прав на нематериальные блага². Несмотря на привлекательность такого подхода, на наш взгляд, его истинность следует поставить под сомнение. Думается, что, определяя в ст. 2 ГК РФ круг отношений, регулируемых гражданским законодательством, законодатель исходил из условного деления отношений на имущественные и личные (неимущественные) отношения, создавая при этом дихотомическую классификацию. Очевидно, что нематериальные блага находятся в диалектической связи не только с ЛНП, объектами которых они собственно и выступают, но и с имущественными отношениями. Неудивительно в связи с этим предложение о переименовании термина «нематериальные блага» в «неимущественные блага», поскольку последний термин в большей степени отражает принятую в отечественном гражданском законодательстве специальную терминологию³.

Системный анализ гражданского законодательства дает результаты, создающие в рамках поднятой дискуссии дополнительные трудности: так, в п. 2 ст. 2 ГК РФ прямо указано, что «неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским

¹ Красавчикова Л.О. Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ. С. 82.

² Арзуманян А.Б. Указ. соч. С. 40–41.

³ См. об этом: Тимешов Р.П. Указ. соч. С. 48–49.

законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ». Следовательно, неотчуждаемые права и свободы человека являются частью нематериальных благ. Таким образом, четкая позиция отечественного законодателя относительно родовой сущности нематериальных благ фактически отсутствует, что обуславливает потребность в соответствующих научных изысканиях.

Очевидно, что термин «неотчуждаемые права и свободы» имеет конституционно-правовой оттенок. Права и свободы человека и гражданина принято квалифицировать в качестве комплексного института права. При этом частью этого института выступают права и свободы ребенка. Из этого следует, что права и свободы ребенка – это субинститут российского права, в основе которого лежат нормы международного права. При этом центральную позицию в этом субинституте занимают нематериальные блага ребенка, являющиеся объектом его ЛНП. В свою очередь ЛНП ребенка выступают неотъемлемой частью его правового статуса.

Представляется, что п. 2 ст. 2 ГК РФ следует скорректировать следующим образом: «неотчуждаемые права и свободы человека, **а также** нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из **их** существа».

Нематериальные блага и «теория интереса» в контексте учения о нематериальных благах ребенка. «Интерес» является общенаучной категорией, получившей обстоятельное изучение в рамках философских, социологических, психологических, экономических, правовых и иных наук. В юриспруденции под интересом предлагается понимать: осознанное восприятие субъектом принадлежащих ему потребностей¹; сами объективные потребности индивида²; объектную направленность субъекта,

¹ См., например: *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 240–241; *Экимов А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 5.

² См. об этом: *Михайлов С.В.* Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. 1999. № 7. С. 86–92.

предопределённую целью¹; совокупность потребности и цели²; потребность в определенных благах, необходимых для достижения той или иной цели³.

Гражданское законодательство оперирует термином «законные интересы», т.е. такие потребности участников правоотношений, которые не противоречат правовым нормам. Рассуждая о содержании термина «законные интересы», Н.И. Матузов квалифицирует последние в качестве человеческих «устремлений»⁴, а Н.В. Малько – в качестве «устремлений пользоваться социальным благом»⁵.

Очевидно, что интересы не являются объектами гражданских правоотношений (хотя в научной литературе встречается противоположный взгляд на эту проблему⁶), что позволяет сделать вывод об их параллельном сосуществовании с субъективными гражданскими правами и юридическими обязанностями. Аналогичный взгляд на проблему соотношения законных интересов и субъективных прав личности более века назад был высказан Г.Ф. Шершеневичем: «Субъективное право есть власть осуществлять свой интерес. Домовладелец терпит от того, что соседние бани гонят в окна его дома дым, и он заинтересован в том, чтобы хозяин бань поднял дымовые трубы выше уровня его строения, но никакого права отсюда не вытекает»⁷.

Рассуждая о субъективных гражданских правах и интересах личности, Ю.Г. Басин приходит к выводу о том, что у субъективного права есть свой предмет в виде некоего материального носителя, явления внешнего мира, а

¹ Дедов Д.И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. М.: Юристъ, 2002. С. 115; Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 140.

² См. об этом: Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. С. 53.

³ Тархов В.А. Гражданское право. Курс лекций. Общая часть. Уфа, 1998. С. 123.

⁴ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 113.

⁵ Малько А.В. Законные интересы как правовая категория. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 73.

⁶ См., например: Аверин А.В. Правоотношение и судебная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1994. С. 71; Зинченко С.А., Лапач В.А., Шапсугов Д.Ю. Проблемы объектов гражданских прав. Ростов н/Д., 2002. С. 8, 10, 17–18, 32–33, 81–82, 87–88.

⁷ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 607–608.

также предмет – благо, понимаемого как совокупность свойств и качеств этого материального носителя¹.

Рассмотрение теории интереса в контексте изучения нематериальных благ ребенка predetermined тем объективным обстоятельством, что часть ученых-юристов связывает эти блага с интересами. Так, по мнению Н.В. Витрук, подвидом законных интересов личности являются ее законные интересы, связанные с нематериальными благами².

Исследуя существо интереса ребенка, А.М. Нечаева понимает под интересами несовершеннолетних «их потребность в благоприятных условиях своего развития»³; Ю.Ф. Беспалов – «надлежащее условие воспитания и создание системы условий для реализации прав ребенка»⁴; О.Ю. Ильина – «субъективно обусловленную потребность ребенка в благоприятных условиях его существования»⁵; О.И. Шолгина – «оптимальные и объективно обоснованные условия проживания, содержания и воспитания ребенка»⁶.

Интерес ребенка – понятие многоаспектное и многозначное, объективно связанное с его ЛНП и нематериальными благами. СК РФ содержит нормы, свидетельствующие об этой взаимосвязи. Так, в силу ст. 65 СК РФ родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей.

При этом следует отметить, что сложность определения конкретного содержания искомого термина обусловлена межотраслевой правовой сущностью интересов ребенка. По этому поводу О.Ю. Ильина верно

¹ *Басин Ю.Г.* К вопросу о понятии объекта гражданского права как элемента гражданского правоотношения. С. 57–63.

² *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 243.

³ *Нечаева А.М.* Споры о неделимом // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 15–18.

⁴ *Беспалов Ю.Ф.* Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика). Владимир, 2001. С. 12.

⁵ *Ильина О.Ю.* Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. С. 40.

⁶ *Шолгина О.И.* Интересы ребенка как объект семейно-правового спора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

замечает: смысловое наполнение понятия «интересы ребенка» находится в увязке с отраслевой принадлежностью исследователя, что объясняет различные по содержанию научные результаты соответствующих разноотраслевых изысканий¹.

Положения об обеспечении интересов ребенка содержатся в различных международных и отечественных нормативных правовых актах: Декларации прав ребенка²; Конвенции о правах ребенка³; Декларации № 11/03/2020 Комитета министров Совета Европы «Об усилении прав ребенка как залога создания перспективной Европы»⁴; Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей⁵; Конституции РФ; ГК РФ; СК РФ; Законе о гарантиях ребенка и многих других актах⁶. Об интересе ребенка говорится в ст. 1, 39, 54 СК РФ и некоторых других. Во многих подзаконных

¹ *Ильина О.Ю.* Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2015. С. 53. См. также: *Ильина О.Ю.* Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3. С. 13–23.

² *Декларация прав ребенка*: принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М.: Юрид. лит., 1990. С. 385–388.

³ *Конвенция о правах ребенка*: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

⁴ *Декларация № 11/03/2020 Комитета министров Совета Европы «Об усилении прав ребенка как залога создания перспективной Европы»*: принята 11 марта 2020 г. на 1370-м заседании представителей министров // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 3.

⁵ *Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей*: заключена в г. Гааге 25 октября 1980 г. // СЗ РФ. 19.12.2011. № 51. Ст. 7452.

⁶ См., например: *Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ // СЗ РФ. 28.04.2008. № 17. Ст. 1755; *Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних*: Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Российская газета. 1999. 30 июня, № 121; *О дополнительных мерах по обеспечению прав и защиты интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации*: Указ Президента РФ от 13 апреля 2011 г. № 444 (ред. от 29.06.2013) // СЗ РФ. 18.04.2011. № 16. ст. 2268; *О создании фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации*: Указ Президента РФ от 26.03.2008 № 404 (ред. от 12.11.2021) // Российская газета. 2008. 29 марта, № 68; *Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года*: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // СЗ РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811 и т.д.

нормативных актах (как в их названии, так и по тексту) встречается формулировка – «в интересах детей»¹.

В соответствии с п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка, «во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Стоит подчеркнуть, что положения указанной статьи Конвенции о правах ребенка легли в основу так называемой концепции «наилучших интересов ребенка».

Конвенция о правах ребенка не оперирует дефиницией термина «интересы ребенка», а также не содержит исчерпывающего описания содержания этих интересов. Примечательно, что Комитет по правам ребенка ООН, подготовивший широко известное «Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов» (далее по тексту – Замечания)² исходит из необходимости понимания интересов ребенка через призму конкретного контекста. Концепция наилучших интересов ребенка «является гибкой и адаптируемой. Она подлежит корректировке и определению в индивидуальном порядке применительно к особенностям положения

¹ См., например: *О направлении* Примерного порядка: письмо Минобрнауки России от 27 августа 2018 г. № 07 5310 (вместе с «Примерным порядком межведомственного взаимодействия по вопросам выявления, предупреждения и устранения нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних») // Официальные документы в образовании. № 28 (октябрь). 2018; Перечень поручений по итогам заседания Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей: утв. Президентом РФ 17 февраля 2017 г. № Пр-285. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов. 29 мая 2013. CRC/C/GC/14. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html> (дата обращения: 07.02.2022).

соответствующего ребенка или детей с учетом их личных обстоятельств, положения и потребностей»¹.

Расплывчатость (или точнее отсутствие) критерия, позволяющего точно оценить интересы ребенка в каждой конкретной ситуации, привели к обоснованной критике указанной концепции². Рассматривая исследуемую концепцию, Н.В. Кравчук сделала весьма интересное замечание: если отечественные исследователи концертируют свое научное внимание на том, что такое «интересы ребенка», то зарубежные – на том, что в каждой конкретной ситуации означает «в интересах ребенка»³.

Акцент на интересах ребенка делают и правоприменители в принимаемых ими актах⁴. В Постановлении ЕСПЧ от 19 января 2012 г. по делу «Попов (Porov) против Франции» (жалоба № 39472/07, 39474/07) отмечается, что «имеется широкий консенсус – в том числе в международном праве – что все решения относительно детей должны защищать их наилучшие интересы»⁵.

¹ URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html> (дата обращения: 02.09.2020).

² См., например: *Artis J.E.* Judging the best interests of the child. Judges'accounts of the tender years doctrine // *Law and Society review.* 2004. Vol. 38, № 4. P. 775; *Freeman M.* Article 3. The Best interests of the Child. Leiden, 2007. P. 2.

³ *Кравчук Н.В.* Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // *Актуальные проблемы российского права.* 2017. № 5. С. 97–103.

⁴ *О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей:* постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26.12.2017) // *Российская газета.* 1998. 10 июня, № 110; *Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал:* утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г. // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* декабрь. 2016. № 12; *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 18-КГ19-25; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 4-КГ17-64; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07 июня 2016 г. № 5-КГ16-76; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 мая 2016 г. № 5-КГ16-67; Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2018 г. по делу № 33-13143/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

⁵ *Постановление ЕСПЧ от 19 января 2012 г. по делу «Попов (Porov) против Франции» (жалоба № 39472/07, 39474/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека.* 2012. № 7.

В п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 отмечается, что «под интересами детей при усыновлении следует, в частности, понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития»¹.

Пленум ВС РФ в постановлении от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъяснил следующее: «...ребенок вправе свободно выражать свое мнение по всем вопросам, затрагивающим его интересы»².

При осуществлении, охране и защите ЛНП, а также нематериальных благ ребенка его интерес заключается в благополучном воспитании, интеллектуальном, физическом, психическом развитии, т.е. в развитии его положительного человеческого капитала. В этом умозаключении прослеживается безусловная связь нематериальных благ в части той цели, на которую направлено их правовое регулирование, и интересов ребенка. В этом смысле «благополучный» интерес ребенка есть результат осуществления, охраны и защиты его ЛНП, нематериальных благ и основа осознанной деятельности самого ребенка в качестве субъекта прав³.

Полагаем, что «необходимость учета наилучших интересов ребенка» должна стать нормой-принципом современного семейного законодательства. Очевидно, что при конкуренции наилучших интересов ребенка и государственных интересов, первые должны быть в приоритете, хотя данное умозаключение прямо не вытекает из системного анализа действующих российских нормативно-правовых актов, содержащих нормы семейного

¹ *О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) // Российская газета. 2006. 03 мая, № 92.*

² *О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 // Российская газета. 2017. 24 мая, № 110.*

³ См. об этом подробнее: *Геворгян М.А. Личные неимущественные права, нематериальные блага и интерес ребенка в гражданском и семейном праве РФ // Семейное и жилищное право 2019. № 5. С. 3–6.*

законодательства¹. В постановлении ЕСПЧ от 12 декабря 2017 г. по «Делу "Малинин (Malinin) против Российской Федерации"» (жалоба 70135/14) указано следующее: «В негативном и позитивном контекстах следует учитывать справедливое равновесие, которое должно быть установлено между конкурирующими интересами лица и общества в целом, в том числе, с другими заинтересованными третьими лицами, и пределы усмотрения государства. Ст. 8 Конвенции обязывает внутригосударственные власти устанавливать справедливое равновесие между интересами ребенка и родителей, причем в процессе установления равновесия особое внимание должно уделяться интересам ребенка, которые в зависимости от их природы и важности могут пользоваться приоритетом по отношению к интересам родителей»². Аналогичная позиция высказана и в постановлениях ЕСПЧ от 01 августа 2013 г. «Дело "Антонюк (Antonyuk) против Российской Федерации"» (жалоба № 47721/10)³; от 28 сентября 2004 г. по делу «Сабу и Пиркалаб (Sabou и Pircalab) против Румынии» (жалоба № 46572/99)⁴.

Эффективность текущей реформы семейного законодательства⁵ во многом обусловлена своевременным восприятием концепции «наилучших интересов ребенка». Так, закрепление этого концептуального положения в

¹ См., например: *О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы* [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 01 июня 2012 г. № 761. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». *Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года* [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Постановление ЕСПЧ от 12 декабря 2017 г. по «Делу "Малинин (Malinin) против Российской Федерации"»* (жалоба 70135/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 1.

³ *Постановление ЕСПЧ от 01 августа 2013 г. «Дело "Антонюк (Antonyuk) против Российской Федерации"»* (жалоба № 47721/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 8.

⁴ *Постановление ЕСПЧ от 28 сентября 2004 г. по делу «Сабу и Пиркалаб (Sabou и Pircalab) против Румынии»* (жалоба № 46572/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 1; См. также: постановление ЕСПЧ от 07 мая 2009 г. по делу «"Калачева (Kalacheva) против Российской Федерации"» (жалоба № 3451/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 2.

⁵ См. об этом: *Серебрякова А.А.* Совершенствование государственной семейной политики в свете новых положений Конституции Российской Федерации // *Актуальные проблемы семейного права в современной России: монография.* М., 2021. С. 145–152.

качестве нормы-принципа семейного законодательства обеспечит правоприменительную практику правовым механизмом, позволяющим учитывать наилучшие интересы ребенка с помощью толкования и применения нормативных правовых актов, в том числе в части реализации нематериальных благ ребенка, через призму этого нормы-принципа.

Резюмируем вышеизложенное. Нематериальные блага взаимосвязаны как с личными (неимущественными) права ребенка, так и с его интересами. Различие в понятиях «нематериальные блага» и «личные (неимущественные) права» подтверждается основными положениями теории правоотношения, в частности теорией объектов гражданских прав. Взаимосвязь же указанных понятий предопределена следующим: личные (неимущественные) права создают правореализационный механизм для использования нематериальных благ. Что касается соотношения понятий «нематериальные блага» и «интерес ребенка», то оно может быть обозначено следующим образом: охраняемый законом интерес ребенка представляет собой стремление (потребность) к конкретному нематериальному благу ребенка. С учетом цели юридически значимых нематериальных благ ребенка, в качестве которой выступает физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей, установлено, что в этой цели и состоит основной интерес ребенка. Охраняемый законом интерес ребенка может быть достигнут за счет реализации его нематериальных благ через правовой механизм личных (неимущественных) прав.

1.4 Семейно-правовой механизм охраны и защиты нематериальных благ ребенка

Традиционная дискуссия о соотношении понятий «охрана» и «защита». В научной доктрине охрана права характеризуется как

деятельность (М.А. Рожкова¹); общеправовой режим (А.И. Кузеванов²); установление системы правовых норм (С.П. Гришаев³); совокупность мер (М.А. Хатаева⁴).

Вопрос о соотношении понятий «охрана» и «защита» является традиционным и сводится к следующим точкам зрения: сопоставляемые понятия тождественны⁵; охрана постоянна, а защита действует только при нарушении права⁶; защита связана с лицами, осуществляющими правоприменение, а охрана – с лицами, издающими нормативно-правовые акты⁷; охрана связана с нарушением благ, а защита – с нарушением прав⁸; охрана связана с регулированием, а защита – с осуществлением охранительных прав⁹; охрана выходит за рамки сугубо правовых границ¹⁰. Добавим, что если защита predeterminedена нарушенным правом, то охрана, как правило, связана с превенцией, профилактикой правонарушений¹¹.

¹ *Рожкова М.А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.

² *Кузеванов А.И.* Общая характеристика механизма охраны и защиты объектов авторских и смежных прав в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права 2016. № 7. С. 31–44.

³ *Гришаев С.П.* Охрана и защита авторских прав [Электронный ресурс]. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2008 (дата обращения: 02.09.2021).

⁴ *Хатаева М.А.* О совершенствовании механизмов защиты авторских прав в Российской Федерации // Адвокат. 2009. № 3. С. 80–82.

⁵ *Гражданско-правовая охрана интересов личности / О.С. Иоффе и др.; отв. ред. Б.Б. Черепахин.* М.: Юрид. лит., 1969. С. 25.

⁶ *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. 293 с.

⁷ *Рожкова М.А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.

⁸ *Малеин Н.С.* Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. С. 3.

⁹ *Груздев В.В.* Гражданско-правовая защита, защита гражданских прав, гражданско-правовая охрана: соотношение понятий проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства // Сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 т. Новосибирск, 2016. Т. 2. С. 66–67.

¹⁰ *Гражданское право / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева.* СПб., 1996. Ч. 1. С. 154.

¹¹ См., например: *Лаврова С.В.* Защита и охрана гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий // Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы: материалы XII междунар. очной науч.-практ. конф. Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2018. С. 499.

На наш взгляд, охрана нематериальных благ ребенка – это система мер, установленных гражданским и семейным законодательством и направленных на предупреждение и искоренение возможных нарушений прав и интересов ребенка. Однако стоит оговориться, что термин «охрана» применительно к ЛНП ребенка или к его нематериальным благам практически не используется в семейно-правовой науке в силу ряда причин: во-первых, СК РФ не оперирует указанным термином; во-вторых, ст. 56 СК РФ называется «Право ребенка на защиту»; в-третьих, охрана традиционно ассоциируется с превенцией, которая, безусловно, должна иметь место по отношению к нематериальным благам ребенка, однако профилактика нарушений нематериальных благ ребенка – весьма редкое явление.

Семейно-правовые средства охраны и защиты нематериальных благ ребенка в системе общеправовых средств. Отметим, что вопрос о средствах охраны и защиты субъективных гражданских и семейных прав относится к числу дискуссионных и сугубо доктринальных, поскольку отечественное законодательство не использует такую категорию, как «средства охраны и (или) защиты», в том числе «средства охраны и (или) защиты нематериальных благ ребенка». Так, научные изыскания в рамках обозначенной тематики касаются, например, административно-правовых средств защиты прав несовершеннолетних¹, ювенальной юстиции как средства защиты прав и законных интересов несовершеннолетних², защиты жилищных прав детей-инвалидов средствами прокурорского надзора³, средств судебной защиты гражданских прав ребенка⁴, защиты интересов

¹ См., например: *Михалева Г.Г.* К вопросу о содержании административно-правовых средств и способов обеспечения и защиты прав несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 21–23.

² *Мальшев В.А.* Ювенальная юстиция как средство защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Российской Федерации // Адвокат. 2008. № 4. С. 79–83.

³ *Харламова М.Л.* Защита жилищных прав детей-инвалидов средствами прокурорского надзора с ратификацией Конвенции о правах инвалидов // Социальное и пенсионное право. 2013. № 2. С. 31–34.

⁴ *Беспалов Ю.* Средства судебной защиты гражданских прав ребенка // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 25–26.

несовершеннолетнего средствами трудового права¹ и т.д. В то же время акцентуация внимания на семейно-правовых средствах охраны и защиты несвойственна современным научным работам. Так, ученым – специалистам в области семейного права свойственно делать акценты именно на способах защиты прав ребенка, анализируя способы защиты, которыми оперирует семейное законодательство, либо предлагая новые способы защиты (например, охранный ордер)².

Поэтому в рамках настоящего диссертационного исследования мы будем исходить из того, что семейно-правовые средства охраны и защиты нематериальных благ ребенка – это совокупность предусмотренных семейным и иным законодательством инструментов, обеспечивающих предупреждение и искоренение возможных нарушений прав и интересов ребенка, а также восстановление (признание) нарушенного (оспоренного) права, объектом которого являются нематериальные блага ребенка.

В структуре семейно-правовых средств охраны и защиты нематериальных благ ребенка определяющую роль играют способы охраны и способы защиты нематериальных благ ребенка, которые отличаются следующей спецификой: 1) спецификой правового статуса несовершеннолетнего гражданина, нематериальным благам которого причиняется вред или в отношении которых возникает угроза его причинения (в том числе факт охраны и защиты большинства нематериальных благ ребенка его законными представителями, а также иными лицами); 2) спецификой нематериальных благ, которым причиняется вред или в отношении которых возникает угроза его причинения; 3) спецификой соотношения норм семейного и гражданского законодательства в части выбора способов охраны/защиты применительно к

¹ Бердышева С.Н. Некоторые проблемы защиты интересов несовершеннолетних средствами трудового права // Вопросы ювенальной юстиции. 2013 № 1. С. 17–19.

² Климанова Д.Д. Охранный ордер как способ защиты прав ребенка на жизнь, здоровье, проживание и воспитание в семье // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 12–15.

каждому нематериальному благу; 4) процессуальной спецификой соответствующих категорий дел, требующих от правоприменителей индивидуального подхода к каждому рассматриваемому случаю, применения оценочных категорий и понятий, учета интересов ребенка.

Способами охраны нематериальных благ ребенка являются меры, принимаемые в рамках самозащиты и/или оперативного реагирования (например, отказ от общения с родителем). В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 дополнительно разъяснены особенности применения самозащиты¹. Мерами защиты, принимаемыми в рамках самозащиты, могут быть разнообразные фактические действия.

Остановимся на самозащите семейных прав. Этот традиционный для гражданских отношений способ защиты в доктрине семейного права ставится под сомнение. Так, ряд ученых придерживаются мнения о том, что поскольку самозащита прямо не названа в СК РФ, постольку она неприменима к семейным отношениям, обладающим личным характером². Приверженцы противоположного научного взгляда исходят из того, что самозащита в семейном праве связана со средствами принудительного воздействия, примирительными процедурами, а также собственными фактическими действиями³.

Нам представляется, что самозащита нематериальных благ не только возможна, но и крайне желательна. Полагаем, что к самозащите нематериальных благ ребенка могут быть отнесены следующие действия: медиация, осуществляемая членами семьи по обоюдному согласию⁴; изъятие

¹ *О применении* судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // *Российская газета*. 2015. 30 июня, № 140.

² См., например: *Душкина Е.А.* Проблемы защиты семейных прав по семейному законодательству РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 7, 12.

³ См.: *Каймакова Е.В.* Защита семейных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2011. С. 8–9, 17–18; *Зима И.В.* Судебная защита семейных прав // *European Scientific Conference: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева*. Пенза, 2017. С. 276–281.

⁴ См. об этом: *Рыженков А.Я.* Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // *Современное право*. 2020. № 9. С. 59–65.

ребёнка родителем, проживающим отдельно от ребенка, при наличии обстоятельств, свидетельствующих о том, что другой родитель не выполняет родительские обязанности надлежащим образом¹; отказ ребенка от общения с родственником, в том числе родителем, если такое общение причиняет ему страдания; возможность выражения беременной супругой или супругой, имеющей ребенка до достижения возраста одного года, несогласия на расторжение брака как способ самозащиты нематериального блага ребенка жить и воспитываться в семье².

Понятие защиты нематериальных благ. Нематериальные блага, в отличие от материальных, отличаются существенной спецификой в правореализационном плане. Так, для нематериальных благ характерно существование в рамках абсолютных правоотношений, предполагающих наличие управомоченного субъекта – носителя нематериальных благ – и неопределенного круга лиц, обязанных воздержаться от действий, влекущих нарушение ЛНП, объектом которых выступают нематериальные блага, либо создающих угрозу такого нарушения. В то же время правоотношения, объектом которых выступают нематериальные блага, могут отличаться и относительностью, однако их удельный вес сравнительно невелик. В силу обозначенных обстоятельств законодатель акцентирует внимание на защите нематериальных благ.

И.А. Покровский в свое время писал: «Чем более развивается человечество, чем более начинает оно жить разносторонними нематериальными интересами, тем более праву приходится брать их под свою защиту, и, в частности, гражданское право не может уклониться от участия в этой защите»³.

¹ См. об этом: *Жучкова Е.О.* Проблемы применения норм семейного права в судебных спорах, связанных с расторжением брака: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 20.

² См. об этом: *Астахова М.А.* Способы защиты семейных прав: вопросы теории // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 7–11.

³ *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 134–138.

С учетом темы настоящего исследования особую актуальность приобретают семейно-правовые средства защиты нематериальных благ ребенка, поскольку последние являются специальными по отношению к гражданско-правовым средствам.

Рассуждая о гражданско-правовой защите в целом, стоит выделить два научных подхода к пониманию этого понятия. Так, приверженцы первого подхода исходят из того, что правомочие по защите присутствует в структуре любого субъективного права¹. По мнению В.С. Ем, ценность субъективного гражданского права имеет место лишь тогда, когда его обладатель либо уполномоченные лица имеют реальную возможность его защиты². Сторонники же второго подхода придерживаются мнения о самостоятельности субъективного права на защиту. По этому поводу Е.А. Крашенинников отмечает, что под правом на защиту следует понимать предусмотренную законом возможность носителя этого права вести себя определённым образом в случае возникновения правового конфликта³. Вслед за ним А.П. Сергеев добавляет, что охранительное правоотношение по защите гражданских прав актуализируется лишь в момент нарушения либо оспаривания соответствующего права⁴. Е.Н. Щербак пишет о том, что «понятие "защита прав" означает возможность государства, его органов защищать те или иные права»⁵.

Придерживаясь мнения об отсутствии потребности в признании самостоятельности права на защиту, мы присоединяемся к тем ученым,

¹ См., например: *Матузов Н.И.* Личность, права, демократия. Саратов, 1972; *Явич Л.С.* Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 287 с.; *Грибанов В.П.* Указ. соч.; *Трофимова Т.В.* Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

² *Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. С. 409.

³ *Крашенинников Е.А.* Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1979. С. 80.

⁴ *Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого.* М.: Проспект, 1997. Т. 1. С. 292.

⁵ *Щербак Е.Н.* Проблемы судебной и административной защиты интеллектуальной собственности // Российский судья. 2014. № 5. С. 27–30.

которые рассматривают право на защиту в качестве нормативно установленной возможности управомоченного субъекта использовать меры правоохранительного характера для восстановления нарушенного права и (или) пресечения действий, нарушающих права¹.

Общие нормы о защите нематериальных благ содержатся в правилах п. 2 ст. 150 ГК РФ и могут быть описаны следующим образом:

- случаи и порядок защиты нематериальных благ предусмотрены ГК РФ и иными федеральными законами;
- случаи и пределы защиты нематериальных благ обусловлены применимостью традиционных гражданско-правовых способов защиты (ст. 12 ГК РФ) к конкретному нарушенному нематериальному благу, его существом, а также характером последствий нарушения;
- открытый перечень способов защиты нематериальных благ предполагает возможность использования следующих способов: признания судом факта нарушения личного неимущественного права; опубликования решения суда о допущенном нарушении; пресечение или запрещение действий, нарушающих личное неимущественное право или создающих угрозу его нарушения либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо;
- законодатель допускает защиту нематериальных благ, которые принадлежали умершему лицу;
- защита нематериальных благ сроком давности не ограничена, кроме сведений о физлице, распространенных в СМИ².

Положения о защите нематериальных благ разъяснены в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2017)³.

¹ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 299–300.

² См. об этом: *Обзор* практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2016.

³ *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.

Л.Ю. Михеева справедливо замечает, что наличие в ст. 150 ГК РФ ссылки на ст. 12 ГК РФ позволяет субъектам ЛНП использовать такие способы защиты принадлежащих им нематериальных благ, как, например, «признание права, признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, самозащита права, компенсация морального вреда»¹.

При реформировании института нематериальных благ законодатель дополнил за счет специальных норм перечень способов защиты нематериальных благ в отношении отдельных ЛНП. Например, речь идет о пресечении или запрещении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (п. 4 ст. 152, п. п. 2 и 3 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ). Остается весьма дискуссионным применение такого способа защиты, как запрещение действий, создающих угрозу посягательства на нематериальное благо, к конкретным нематериальным благам. Как показывает анализ правоприменительной практики, этот способ фигурирует в многочисленных случаях защиты нарушенного ЛНП, объектом которого являются нематериальные блага, например: запрет, адресованный СМИ, в части опубликования сведений о частной жизни лица; запрет, адресованный каждому из бывших супругов, выкладывать в социальные сети изображения друг друга и др. Очевидно, что сложность использования указанного способа защиты предопределена как проблемой неисполнения судебных решений, содержащих неимущественные требования, так и проблемой поиска границ его применения, соблюдения баланса интересов сторон правоотношения.

Защита семейных прав. Одноименная статья 8 СК РФ весьма лаконично описывает общие положения о защите семейных прав, которые сводятся к следующему: во-первых, процессуальный аспект защиты семейных прав предопределён гражданским судопроизводством и

¹ Михеева Л.Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. С. 185–197.

вытекающими из него особенностями; во-вторых, круг субъектов, уполномоченных защищать семейные права, определен через перечисление суда, государственных органов, в том числе органов опеки и попечительства (далее по тексту также – ООиП); в-третьих, способы защиты семейных прав содержатся в нормах семейного законодательства, а также нормах иных законов. Сразу оговоримся, что указание на иные законы в ст. 8 СК РФ появилось не сразу, а лишь с принятием Федерального закона РФ от 30 декабря 2015 г. № 457-ФЗ¹. До принятия указанного нормативно-правового акта представители цивилистики отмечали недостаточность только лишь семейно-правовых способов защиты семейных отношений².

Сразу отметим, что положения ст. 8 СК РФ в научной литературе подвергаются обоснованной критике. Так, Т.В. Шершень замечает, что анализ указанной статьи СК РФ позволяет заключить об отсутствии системного подхода законодателя к способам защиты семейных прав: непонятно, почему законодатель избежал хотя бы примерного перечня указанных способов защиты; можно лишь догадываться о том, что подразумевается под «иными способами защиты», которые упомянуты в ч. 2 ст. 8 СК РФ; ставится под сомнение применимость способов защиты, перечисленных в ст. 12 СК РФ, к семейным правоотношениям и т.д.³. М.В. Антокольская прямо заявляет о применимости способов защиты,

¹ *О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2015 г. № 457-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

² См., например: *Михеева Л.Ю.* Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 199; *Каймакова Е.В.* Проблемы соотношения гражданско-правовых и семейно-правовых способов защиты семейных прав // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 25.

³ *Шершень Т.В.* Компенсация морального вреда в системе способов защиты семейных прав // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 328–334.

поименованных в ст. 12 ГК РФ к семейным правам¹. В то же время большинство специалистов семейного права акцентирует внимание на проблеме соотношения гражданско-правовых и семейно-правовых способов защиты. Так, по мнению И.Г. Король, семейно-правовые способы защиты производны от гражданско-правовых², а с точки зрения Н.В. Кравчук, не все из перечисленных в ст. 12 ГК РФ способов защиты можно использовать в семейных правоотношениях³.

Общеизвестно, что реализация права дифференцируется на добровольную и принудительную. Принудительный порядок реализации права определен нарушением субъективных прав, т.е. препятствиями в реализации прав, устранение которых невозможно без обращения к компетентным органам власти⁴. Следовательно, защита нарушенных семейных прав может быть осуществлена путем самозащиты семейных прав, обращения в органы исполнительной власти, а также в судебном порядке.

Специфика семейных правоотношений неизбежно влияет на особенности защиты семейных прав. Так, Л.М. Пчелинцева обращает внимание на неоднородность правовой природы обозначенных способов защиты: они включают в себя как меры защиты, так и меры ответственности (например, лишение родительских прав, отмена усыновления и др.)⁵. Вслед за ней Е.В. Каймакова замечает, что «меры защиты» – это более объемное понятие, чем «меры ответственности»⁶.

¹ Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М.: Норма; Инфра-М, 2010. С. 76–77.

² Король И.Г. Личные неимущественные права ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 170.

³ Кравчук Н.В. Защита права ребенка на жизнь и воспитание в семье по семейному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16.

⁴ См. об этом: Беспалов Ю.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации семейных прав ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. С. 20–21.

⁵ Пчелинцева Л.М. Семейное право России. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. С. 78–80.

⁶ Каймакова Е.В. Защита семейных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2011. С. 8–9, 17–18.

В семейном праве под защитой понимают: применение компетентными органами либо самим уполномоченным лицом мер для восстановления нарушенных прав и законных интересов, а также для устранения угрозы их нарушения¹; «деятельность социального правового государства по защите семьи, материнства, отцовства и детства»².

Ученые по-разному понимают способы защиты³. По мнению З.В. Ромовской, способы защиты – это концентрированное выражение меры государственного принуждения⁴. Л.М. Звягинцева под мерами защиты понимает «средства правового воздействия (санкции)»⁵; В. И. Зимарин – «их самостоятельный вид юридических средств охраны субъективных прав»⁶. Термин «меры защиты» употребляют и другие ученые⁷.

Доктрина семейного права изобилует научными подходами к пониманию термина «способы защиты семейных прав», под которым предложено понимать: меру государственного принуждения, направленную на определенный правовой результат⁸, в том числе принудительную реализацию прав, восстановление (признание) нарушенных (оспоренных)

¹ Там же.

² *Косова О.Ю.* О судебной форме защиты и субъектах защиты семейных прав // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2015. № 2. С. 85.

³ См. об этом: *Геворгян М.А.* Некоторые теоретические аспекты самозащиты как способа защиты семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4. С. 102–110; *Геворгян М.А.* Особенности реализации семейно-правовых способов защиты прав несовершеннолетних при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей // Политика и общество. 2016. № 1. С. 105–122; *Геворгян М.А.* К вопросу о способах защиты семейных прав в свете изменений Семейного кодекса Российской Федерации // Право и политика. 2016. № 7. С. 842–848.

⁴ *Ромовская З.В.* Защита в советском семейном праве. Львов: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1985. С. 31.

⁵ *Звягинцева Л.М.* Меры защиты в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. С. 10.

⁶ *Зимарин В.И.* Лично-правовые гарантии воспитания несовершеннолетних по советскому семейному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1981. С. 6.

⁷ *Семенова Л.И., Сизова Т.А.* Защита чести, достоинства и деловой репутации граждан // Правовое регулирование отношений с участием граждан и организаций. Иваново, 1995. С. 33.

⁸ *Ромовская З.В.* Указ. соч. С. 40.

прав и интересов, устранение угрозы нарушения прав, воздействие на виновное лицо¹.

В общем виде к числу поименованных в СК РФ способов защиты ЛНП ребенка, объектом которых выступают нематериальные блага, следует относить: установление отцовства (ст. 48, 49 СК РФ); установление судом факта признания отцовства (ст. 50 СК РФ); оспаривание отцовства (материнства) (ст. 52 СК РФ); определение места жительства ребенка и порядка участия в воспитании ребенка родителя, проживающего отдельно от ребенка (ст. 24, 66 СК РФ); определение порядка осуществления родительских прав (ст. 66 СК РФ); устранение препятствий к общению с ребенком (ст. 67 СК РФ); возврат (отобрание) ребенка от лица, удерживающего его не на основании закона или решения суда (ст. 68 СК РФ); лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ); восстановление в родительских правах (ст. 72 СК РФ)²; ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ); отмена ограничения родительских прав (ст. 76 СК РФ); отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка и его здоровью (ст. 77 СК РФ); отмена усыновления (ст. 140 СК РФ) и др.

Специфической особенностью способов защиты нематериальных благ ребенка является следующее обстоятельство: в отличие от защиты материальных благ, защита нематериальных благ не характеризуется конкуренцией способов защиты.

Отдельно остановимся на вопросе о применимости способов защиты гражданских прав, содержащихся в ст. 12 ГК РФ, к защите нематериальных благ ребенка. Так, нематериальные блага ребенка могут быть защищены в результате признания права (п. 3 ст. 62 СК РФ – «несовершеннолетние родители имеют права признавать и оспаривать свое отцовство и

¹ Беспалов Ю.Ф. Понятие семейных прав и их осуществление // Семейное и жилищное право. 2005. № 3. С. 2.

² См. об этом: Костина С.Е. Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребенка – современное состояние и перспективы развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1. С. 119–123.

материнство»); восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (ст. 72 СК РФ – восстановление в родительских правах); прекращения или изменения правоотношения (ст. 140 СК РФ – отмена усыновления ребенка); неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону (ст. 121 СК РФ – применительно к интересам детей, оставшимся без попечения родителей, в отношении которых принят акт органа опеки и попечительства, нарушающий права и законные интересы таких детей).

Защита нематериальных благ ребенка – это система мер, установленных гражданским и семейным законодательством РФ, обеспечивающих восстановление (признание) нарушенного (оспоренного) права, объектом которого являются нематериальные блага ребенка.

Субъекты-участники отношений по охране и защите нематериальных благ ребенка. Из анализа п. 1 ст. 8 СК РФ следует вывод о двух допустимых порядках юрисдикционной защиты семейных прав – административно-правовом и судебном. Так, специфика административного порядка predetermined тем, что он является специальным по отношению к судебному порядку в силу того, что является либо исключительным, либо альтернативным в отличие от судебного, к которому стороны вправе прибегнуть в любом случае. Самостоятельное место административного порядка защиты семейных прав обусловлено необходимостью охраны и защиты прав и интересов специальных субъектов, требующих особой защиты. К их числу, безусловно, относятся несовершеннолетние лица.

Средствами административного порядка защиты нематериальных благ ребенка выступают: исковое заявление / заявление по делам особого производства, подаваемое уполномоченным субъектом в суд (например, с требованием об отмене усыновления); акт (в виде решения, согласия, договора), принимаемый уполномоченным субъектом в рамках предоставленной компетенции (например, согласие ООиП на усыновление

ребенка, родители которого являются несовершеннолетними лицами); заключение, обладающие свойствами процессуального документа (заключение ООиП по существу спора о воспитании детей, основанное на обследовании условий жизни ребенка и лица, претендующего на его воспитание (ст. 78 СК РФ); заключение прокурора в рамках дел, в которых обязательно его участие).

В научной литературе подчеркивается публичный характер механизма защиты нематериальных благ ребенка¹ и необходимость поддержания баланса частных интересов участников семейных правоотношений и публично-правовых интересов государства².

Субъектами-участниками административного порядка защиты выступают следующие лица: ООиП, органы ЗАГС, уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка субъектов РФ, прокурор, специализированные учреждения и организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, иные субъекты.

Безусловно, особую роль в защите нематериальных благ ребенка играют ООиП, которые согласно Федеральному закону РФ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – Закон об ОиП)³ являются органами исполнительной власти субъекта РФ. В рамках защиты нематериальных благ ребенка компетенция указанных органов может быть обозначена через три правореализационные формы. Первая – принятие решений через выражение согласий (например, на установление отцовства по правилам ст. 48 СК РФ; на общение ребенка с родителями, родительские права которого ограничены судом, – ст. 75 СК РФ); урегулирования

¹ См. об этом: *Прудникова Л.Б., Шенин В.М.* Субъекты реализации административного (специального) порядка защиты семейных прав // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 16–20.

² См. об этом: *Яфизова Э.Н.* Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. С. 5.

³ *Об опеке и попечительстве* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

внутрисемейных разногласий (например, при наличии разногласий по смыслу п. 2 ст. 65 СК РФ); возложение обязанностей на родителей ребенка (например, в части нечинения препятствий для общения ребенка с родственниками); заключение договоров гражданско-правового характера (о приемной семье, о патронатной семье / патронатном воспитании); установление опеки или попечительства. Вторая – инициация гражданского судопроизводства (например, о лишении родительских прав). Третья – участие в судопроизводстве с дачей заключения по существу спора, например, при усыновлении (ст. 273 ГПК РФ), отмене усыновления (ст. 140 СК РФ), осуществлении родительских прав по ст. 66 СК РФ, лишении родительских прав (ст. 70 СК РФ) и восстановлении в них (ст. 72 СК РФ), ограничении родительских прав и отмене этого ограничения (ст. 73 СК РФ). Кроме перечисленных форм, следует особо выделить такую функцию ООиП, как выявление и устройство детей, оставшихся без попечения родителей¹.

Говоря о защите прав органами ЗАГС, функционирующими в соответствии с нормами Федерального закона РФ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – Закон об АГС)², следует обратить внимание на специфику их регистрационных полномочий. Так, указанные органы власти осуществляют государственную регистрацию таких юридических фактов, тесно связанных с нематериальными благами ребенка, как рождение, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и другие (например, регистрация усыновления по решению суда по ст. 125 СК РФ).

Безусловную ценность для охраны и защиты нематериальных благ несовершеннолетнего имеет фигура уполномоченного по правам ребенка (далее – УППР), учрежденного Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 г.

¹ См. об этом: *О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Об актах гражданского состояния* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

№ 986¹. Согласно обозначенному указу должность УППР создана для эффективной защиты прав и интересов ребенка в РФ. Так, история возникновения института УППР начинается с 1998 г. и связана с пилотным проектом по ведению обозначенной должности в регионах РФ. Поскольку указанный институт зарекомендовал себя как качественно новый формат правовой защиты детей, Президент РФ 1 сентября 2009 г. учредил должность УППР, а позднее – 27 декабря 2018 г. – подписал Федеральный закон РФ № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» (далее – Закон об УППР)². На сегодняшний день эту должность занимает А.Ю. Кузнецова.

До сих пор в научной литературе ведутся дискуссии о сущности правового статуса УППР³. Так, существует, главным образом, два подхода к характеристике его правового статуса: согласно первому подходу, УППР – это индивидуализированная должность, достоинством которой, в частности, выступают «наименьшая бюрократизированность» и «незначительность финансовых затрат на функционирование»⁴; согласно второму подходу, УППР – это орган государственной власти или служба⁵.

УППР функционируют во всех субъектах РФ. Отдельно отметим, что Законом Пермского края от 28 августа 2013 г. № 231-ПК⁶ учреждена

¹ *Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка* [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 (ред. от 15.01.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ (ред. от 30.04.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См. об этом: *Синцов Г.В.* Уполномоченный по правам ребенка в системе органов государственной власти // *Lex russica*. 2016. № 7. С. 160–166.

⁴ См., например: *Комбаров Н.В.* Правовой статус уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // *Журнал правовых и экономических исследований*. 2008. № 4. С. 14–19.

⁵ См., например: *Акульшина С.Е.* Институт уполномоченных по правам человека как один из способов внесудебной защиты прав ребенка // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2010. Вып. № 28.

⁶ *Об Уполномоченном по правам ребенка в Пермском крае* [Электронный ресурс]: закон Пермского края от 28 августа 2013 г. № 231-ПК (ред. от 08.12.2021): принят ЗС ПК 15 августа 2013 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

должность УППР в Пермском крае. Будучи независимым и неподотчётным каким-либо органам государственной власти, УППР в Пермском крае взаимодействуют с другими уполномоченными по правам в Пермском крае¹.

Определяя место УППР в структуре субъектов – участников административного порядка охраны и защиты нематериальных благ ребенка, отметим, что УППР осуществляет возложенные на него полномочия путем обращения в суд с административными исковыми заявлениями, участия по собственной инициативе в судебном разбирательстве по гражданским делам для дачи заключений, направления в органы власти и должностным лицам мотивированных предложений, содержащих рекомендации по устранению допущенных нарушений и др.

Отдельные полномочия, направленные на защиту нематериальных благ ребенка, имеются и у консульских учреждений. Так, ст. 19 Федерального закона РФ от 05 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» (далее – КУ)² специально посвящена консульским действиям в отношении несовершеннолетних усыновленных (удочеренных) граждан РФ, а также граждан РФ, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства. Как следует из приведенного названия ст. 19 КУ, консульские учреждения осуществляют защиту ЛНП двух категорий детей – граждан РФ: первая – это дети, которые усыновлены (удочерены) иностранными гражданами (например, в случае нарушения их ЛНП или возникновении в семье неблагополучной ситуации); вторая – это дети, оставшиеся на территории консульского округа без родительского попечения. При этом в п. 2 ст. 18 КУ специально отмечает, что консульское должностное лицо «принимает меры по защите его [ребенка] имущественных

¹ *Соглашение* о взаимодействии Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, Уполномоченного по правам ребенка в Пермском крае и Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Пермском крае в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: заключено в г. Перми 27 октября 2010 г. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Консульский устав* Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 05 июля 2010 г. № 154-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и личных неимущественных прав». Кроме того, консульские должностные лица в силу ст. 25 КУ совершают регистрационные действия (например, производят государственную регистрацию рождения, усыновления (удочерения), установление отцовства, перемены имени), обеспечивая тем самым охрану и защиту нематериальных благ ребенка и его ЛНП.

Прокурор, действуя в интересах несовершеннолетних лиц и преследуя цель защиты их нематериальных благ, вправе предъявлять в суд требования: о лишении родительских прав; об ограничении родительских прав; об отмене усыновления ребенка. Также в его компетенцию входит контроль законности отобрания ребенка у родителей ООиП. Кроме того, прокурор участвует в делах о лишении, восстановлении и ограничении родительских прав; об установлении происхождения ребенка; об отмене усыновления ребенка (ст. 70, 72, 73, 77, 125, 140 СК РФ)¹.

К числу иных субъектов – участников административного порядка охраны и защиты нематериальных благ ребенка, кроме консульских учреждений, следует относить судебного пристава-исполнителя, который осуществляет розыск ребенка²; сотрудников органов внутренних дел, которые принимают участие в принудительном отобрании ребенка на основании ст. 79 СК РФ.

Кроме того, к иным могут быть отнесены и органы нотариата, которые защищают нематериальные блага ребенка при совершении нотариальных действий, разъясняя членам семьи их права и обязанности, а также правовые последствия соответствующих действий³. Нотариус, в частности, вправе в рамках СК РФ удостоверить соглашение родителей о месте жительства

¹ См. об этом: *О прокуратуре Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 01.07.2021).. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См. об этом: ст. 10 Федерального закона РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об исполнительном производстве». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ *Основы законодательства Российской Федерации о нотариате* [Электронный ресурс]: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 02.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ребенка при расторжении брака (ст. 24 СК РФ) и/или при раздельном проживании родителей (ст. 66 СК РФ); удостоверить соглашение супругов (бывших супругов), в том числе несовершеннолетних, о разделе совместного имущества (ст. 38 СК РФ); удостоверить брачный договор с участием ребенка-супруга (ст. 41 СК РФ); удостоверить соглашение между родителями об изменении имени и/или фамилии ребенка (ст. 59 СК РФ); удостоверить соглашение об осуществлении отдельно проживающим родителем родительских прав (ст. 65 СК РФ) и т.д¹.

Должностные лица государственных органов и других организаций обязаны сообщать о нарушениях прав и законных интересов ребенка в органы опеки и попечительства (п. 3 ст. 56 СК РФ), должностные лица образовательных, лечебных и других учреждений и иные граждане, располагающие сведениями о детях, оставшихся без попечения родителей, обязаны сообщить об этом в органы опеки и попечительства (ст. 122 СК РФ).

Нельзя забывать и о том, что субъектом охраны и защиты прав и интересов несовершеннолетнего является сам несовершеннолетний ребенок. Так, из ежегодного доклада уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка за 2020 г. следует, что в отчетном периоде количество обращений от детей выросло по сравнению с 2019 г. на 36,4 % и составило 1,3 % от общего числа поступивших обращений. Однако это скорее исключение. Незрелость ребенка обуславливает необходимость охраны и защиты его прав и законных интересов его родителями либо лицами, их заменяющими.

Мы согласны с Ю.Ф. Беспаловым, обратившим внимание на необходимость унификации законодательства РФ в части установления перечня лиц, уполномоченных на охрану и защиту интересов детей².

¹ См. об этом: *Серебрякова А.А.* О возможности развития нотариальной формы защиты субъективного алиментного права // *Нотариус.* 2021. № 3. С. 23–25; *Геворгян М.А.* Нематериальные блага ребенка в нотариальной деятельности: некоторые теоретические и практические аспекты // *Нотариус.* 2019. № 8. С. 18–20.

² *Беспалов Ю.Ф.* Субъекты, участвующие в осуществлении, охране и защите прав ребенка по законодательству РФ // *Нотариус.* 2019. № 8. С. 16–18.

Защита как самостоятельное нематериальное благо ребенка.

Поскольку российское семейное законодательство не оперирует термином «нематериальные блага», постольку отправным вектором научного поиска так или иначе выступает гл. 8 ГК РФ – «Нематериальные блага и их защита». Неудивительно, что в ней внимание законодателя направлено на защиту нематериальных благ: это обусловлено тем, что большая часть нематериальных благ либо слабо урегулирована, либо вообще не регулируется нормами права, поскольку законодательство в этой части призвано лишь защищать эти блага. Поэтому, если нематериальное благо не может быть защищено правовыми средствами, оно не является объектом гражданских и семейных прав.

Нормы ст. 56 СК РФ специально посвящены праву ребенка на защиту. Вкратце суть этого права сводится к тому, что законные права и интересы ребенка подлежат защите по инициативе большой группы лиц: самого ребенка; его родителей или лиц, их заменяющих; органов опеки и попечительства; прокурора; суда; должностных лиц организаций и иных граждан, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка. При этом в данной статье не конкретизируется, о каких конкретно правах и законных интересах идет речь. Стало быть, любые права и законные интересы ребенка, содержащиеся как в международных, так и в национальных актах (в том числе Конституции РФ, СК РФ и т.д.), должны быть защищены через механизм действия ст. 56 СК РФ.

Важно заметить, что, посвящая ст. 56 СК РФ праву на защиту, законодатель отмечает, что речь идет о защите ребенка от противоправного поведения как третьих лиц, так и самих родителей, которые могут злоупотреблять своими родительскими правами. Добавим, что защита традиционно ассоциируется с уже свершившимся правонарушением, а не с угрозой такого нарушения. По этому поводу С.П. Гришаев в комментарии к ст. 56 СК РФ поясняет, что в указанной норме права «речь идет о ситуациях,

когда права ребенка уже были нарушены»¹. Узость позиции государства и общества в данных вопросах, а порой ее ограниченность принятием мер по уже совершившимся фактам, т.е. обращение законодательного внимания только на последствия, бесспорно, не улучшат положение ребенка. Необходимо определиться с тенденциями совершенствования законодательства относительно нематериальных благ ребенка.

Известно, что до достижения возраста четырнадцати лет несовершеннолетний может самостоятельно обращаться за защитой своих прав в органы опеки и попечительства, а с достижением четырнадцати лет – в суд. В юридической литературе справедливо обращается внимание на декларативность этих норм права, поскольку они не содержат конкретного механизма реализации этого ЛНП: непонятно, с каким заявлением лицо, достигшее возраста четырнадцати лет, может обратиться в суд, какова форма и содержание подобного заявления².

Категория «защита» широко известна как гражданскому, так и гражданско-процессуальному законодательству, однако в семейном праве этот термин наделяется особым содержанием. Так, А.М. Нечаева справедливо подчеркивает, что сложность защиты прав ребенка predetermined, прежде всего, комплексностью семейного права³. По этому поводу О.Ю. Косова замечает следующее: поскольку институт семьи оказывает существенное влияние на жизнь общества в целом и его отдельных сфер, постольку защиту семьи следует понимать в разных аспектах⁴. Представляется, что применительно к правовому статусу

¹ *Гришаев С.П.* Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. 2017. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См. об этом, например: *Нечаева А.М.* Семейное право: учебник. М.: Юрист, 2005. С. 227; *Елисеева А.А.* Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 121.

³ *Нечаева А.М.* Защита прав ребенка в рамках семейного законодательства России // Право и политика. 2004. № 4. С. 124.

⁴ *Косова О.Ю.* О конституционном принципе защиты семьи государством // Правоведение. 1997. № 3. С. 17.

несовершеннолетнего ребенка защита его прав и законных интересов сама по себе может быть признана в качестве нематериального блага особо рода и содержания.

Добавим, что если защиту признать общим нематериальным благом ребенка, то по отношению к нему следует выделить специальные нематериальные блага: защита в сфере профессиональной ориентации, профессионального обучения и занятости (ст. 11 Закона о гарантиях ребенка); защита при формировании социальной инфраструктуры для детей (ст. 13 Закона о гарантиях ребенка); защита от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию (ст. 14 Закона о гарантиях ребенка).

Резюмируем вышеизложенное. Семейно-правовой механизм охраны и защиты нематериальных благ ребенка отличается следующими особенностями:

1. Спецификой правового статуса несовершеннолетнего гражданина, нематериальным благам которого причиняется вред или в отношении которых возникает угроза его причинения (в том числе факт охраны и защиты большинства нематериальных благ ребенка его родителями / лицами, их заменяющими).

2. Спецификой семейно-правовых средств охраны и защиты нематериальных благ ребенка, в том числе способов охраны и защиты нематериальных благ ребенка. Так, семейно-правовыми способами *охраны* нематериальных благ ребенка являются меры, принимаемые в рамках самозащиты и/или оперативного реагирования, в том числе медиация, осуществляемая членами семьи по обоюдному согласию; изъятие ребёнка родителем, проживающим отдельно от ребенка, при наличии обстоятельств, свидетельствующих о том, что другой родитель не выполняет родительские обязанности надлежащим образом; отказ ребенка от общения с родственником, в том числе родителем, если такое общение причиняет ему страдания.

К семейно-правовым способам *защиты* нематериальных благ ребенка относятся: установление отцовства; установление судом факта признания отцовства; оспаривание отцовства (материнства); определение места жительства ребенка и порядка участия в воспитании ребенка родителя, проживающего отдельно от ребенка; определение порядка осуществления родительских прав; устранение препятствий к общению с ребенком; возврат (отобрание) ребенка от лица, удерживающего его не на основании закона или решения суда; лишение родительских прав; восстановление в родительских правах; ограничение родительских прав; отмена ограничения родительских прав; отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка и его здоровью; отмена усыновления и др.

3. Спецификой круга субъектов-участников отношений по охране и защите нематериальных благ ребенка, predeterminedенной судебным и административным порядком охраны и защиты. Субъектами-участниками судебного порядка выступает суд, а административного порядка – органы опеки и попечительства, органы ЗАГС, уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка субъектов РФ, прокурор, должностные лица специализированных учреждений (в том числе образовательных, лечебных) и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, иные субъекты (в том числе консульское должностное лицо; судебный пристав-исполнитель; сотрудник органов внутренних дел; нотариус).

4. Спецификой семейно-правового понимания защиты: применительно к правовому статусу ребенка защита его прав и законных интересов сама по себе может быть признана в качестве нематериального блага особо рода и содержания. При этом если защиту признать общим нематериальным благом ребенка, то по отношению к нему следует выделить специальные нематериальные блага, признаваемые законодателем: защита в сфере профессиональной ориентации, профессионального обучения и занятости; защита при формировании социальной инфраструктуры для детей; защита от

информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

Глава 2. СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ РЕБЕНКА

2.1 Классификации видов нематериальных благ ребенка

Виды нематериальных благ ребенка по российскому гражданскому законодательству. В соответствии с Конституцией РФ каждый, в том числе ребенок, обладает нематериальными благами: жизнь (ст. 20); достоинство (ст. 21); свобода и личная неприкосновенность (ст. 22); неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, защита своей чести и доброго имени (ст. 23); место пребывания и жительства (ст. 27); свобода совести, свобода вероисповедания (ст. 28); свобода мысли и слова (ст. 29); забота (ст. 38); здоровье (ст. 41); образование (ст. 43) и т.д.

Конвенция о правах ребенка предусматривает следующие нематериальные блага: жизнь (ст. 6); имя (ст. 7); индивидуальность, включая гражданство, имя и семейные связи (ст. 8); мнение/взгляды (ст. 12, 13); свобода мысли, совести и религии (ст. 14); личная жизнь, семейная жизнь, неприкосновенность жилища, тайна корреспонденции, честь и репутация (ст. 16); здоровье (ст. 24); образование (ст. 28).

Ст. 150 ГК РФ содержит уже упомянутый перечень нематериальных благ. Открытость этого перечня позволяет сделать вывод о его «примерном» характере. Стало быть, нематериальные блага, не поименованные в ч. 1 ст. 150 ГК РФ также могут быть объектами гражданских прав и, как следствие, объектами гражданско-правовой защиты. Однако ключевой момент заключается в том, что законодатель, оставляя перечень нематериальных благ открытым, не дает ни их легальной дефиниции, ни какого-либо критерия, позволяющего квалифицировать нематериальное благо (кроме указания на то, что нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом). Очевидно, что подобное положение дел нельзя признать

удовлетворительным, поскольку это сказывается на правоприменительной практике.

По этому поводу Л.Ю. Михеева справедливо отметила, что открытость перечня нематериальных благ «допустила возможность судебных споров по поводу благ, не упомянутых в перечне. Немногочисленные акты Верховного Суда РФ, имеющие отношение к институту нематериальных благ, не дают нижестоящим судам четких указаний на возможность самостоятельно "моделировать" неимущественное право в разнообразных жизненных ситуациях»¹. В то же время названный ученый предлагает правоприменителю ориентироваться на перечень тех признаков нематериальных благ, который вскользь упомянут в ч. 1 ст. 150 ГК РФ: «такие блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона и не могут передаваться другому лицу». При этом мы разделяем позицию Л.Ю. Михеевой, полагающей, что требуется постоянное «насыщение» института нематериальных благ новыми конструкциями, поскольку открытость любого законодательно предусмотренного перечня, в том числе и перечня нематериальных благ, не всегда достаточна для того, чтобы правоприменитель «смело» заглянул за рамки этого перечня.

Все те нематериальные блага, которые перечислены в ч. 1 ст. 150 ГК РФ, безусловно, актуальны как для совершеннолетнего лица, так и для ребенка. Поскольку в рамках настоящего исследования речь идет о нематериальных благах специального субъекта – лица, не достигшего возраста восемнадцати лет, очевидно, что специфика этих благ будет прослеживается именно через правореализационный механизм, так как в силу возраста объем право- и дееспособности несовершеннолетнего гражданина существенно ограничен по сравнению с право- и дееспособностью лица, достигшего возраста совершеннолетия.

¹ Михеева Л.Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы.

Поскольку российское семейное законодательство не использует термин «нематериальные блага», постольку отправной точкой научного поиска нематериальных благ ребенка выступают нормы гл. 11 СК РФ «Права несовершеннолетних детей». При этом стоит заметить, что указанной главой нематериальные блага ребенка, разумеется, не ограничиваются.

Законодатель не проводит четкую дифференциацию прав несовершеннолетних детей на имущественные и личные (неимущественные) права. Однако из названия ст. 60 СК РФ следует, что в ней перечислены именно имущественные права ребенка, что позволяет сделать вывод о том, что в остальных статьях этой главы СК РФ речь идет о неимущественных правах несовершеннолетних детей. Анализ этих статей позволяет нам сформулировать примерный перечень нематериальных благ ребенка. К числу нематериальных благ ребенка, упомянутых в семейном законодательстве, следует относить: жизнь и воспитание в семье; знание своих родителей; родительскую заботу; совместное проживание с родителями; обучение в одной образовательной организации с полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами; родительское воспитание; образование; интересы ребенка; человеческое достоинство; защиту прав и законных интересов ребенка (в том числе защиту в сфере профессиональной ориентации, профессионального обучения и занятости; защиту при формировании социальной инфраструктуры для детей; защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию и др); собственное мнение ребенка; его имя; досуг; а также иные.

Перечисленные нематериальные блага детей и соответствующие этим благам ЛНП отличаются следующей спецификой: в ряде случаев они носят декларативный характер, поскольку отсутствует четкий механизм их реализации; права детей корреспондируют обязанностям родителей либо лиц, их заменяющих, однако при этом дети не имеют личных (неимущественных) обязанностей перед своими родителями (либо лицами, их заменяющими), что в научной литературе подвергается критике. Так, по

мнению О.И. Цибулевской, если законодатель нормативно фиксирует те или иные ценности, то их следует систематизировать, устранив дисбаланс прав и обязанностей¹. Очевидно, что вопрос ценностей и их нормативного закрепления – это вопрос социально-политического и культурного характера, требующий обстоятельного осмысления. Так, с точки зрения действующей системы права, закрепление личных (неимущественных) обязанностей несовершеннолетних детей может носить исключительно декларативный характер, поскольку за их неисполнение не может быть предусмотрено правовой санкцией².

В рассматриваемой сфере выделим несколько важных вопросов.

Во-первых, семейное законодательство, в отличие от иных отраслей законодательства, концентрирует большой объем личных (неимущественных) прав в целом и личных (неимущественных) прав ребенка в частности, что само по себе ставит вопрос о необходимости законодательного регулирования нематериальных благ на отраслевом семейно-правовом уровне.

Во-вторых, в отсутствие специального нормативного регулирования нематериальных благ ребенка их перечень может быть лишь выведен путем толкования из норм права, регламентирующих личные (неимущественные) права ребенка.

В-третьих, отсутствие систематизации нематериальных благ ребенка усложняет задачу поиска всех юридически значимых нематериальных благ ребенка с учетом их многообразия и объективного «пересечения» между собой (например, гражданско-правового «достоинства личности» и семейно-правового «человеческого достоинства»).

¹ Цибулевская О.И. Формирование юридической доктрины в России (в аспекте глобализации). Проблемы осуществления гражданских прав: межвуз. сборник научн. трудов / под ред. С.В. Мартышкина, В.Д. Рузанова. Самара, 2002. С. 225.

² Аналогичный взгляд высказан А.М. Нечаевой: *Нечаева А.М.* Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 232.

Для решения указанных выше проблем предлагаем дополнить гл. 11 СК РФ нормой ст. 60.2 «Нематериальные блага ребенка и их защита» следующего содержания: «Жизнь и воспитание в семье, знание своих родителей, родительская забота (а при ее отсутствии – государственная забота), совместное проживание с родителями, обучение в одной образовательной организации с полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами, родительское воспитание, образование, досуг, общение с родственниками, защита своих прав и законных интересов, достоинство личности, свое мнение, имя ребенка, внешний облик, индивидуальность, изображение, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, тайна усыновления, иные нематериальные блага, принадлежащие несовершеннолетнему гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Целью нематериальных благ ребенка является физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей».

Заметим, что несмотря на признание значимости каждого из перечисленных (а также не упомянутых) нематериальных благ ребенка, позволим себе в рамках настоящего диссертационного исследования ограничиться изучением лишь наиболее значимых нематериальных благ ребенка с позиции цели и задач настоящей работы.

Классифицирование нематериальных благ ребенка и его методологическая ценность. Считается, что классификация имеет сугубо теоретическую методологическую ценность. Однако анализ нематериальных благ ребенка позволяет сформулировать диаметрально противоположный вывод: классифицирование нематериальных благ ребенка позволяет не только систематизировать, упорядочить эти блага и соответствующие им личные (неимущественные) права, но и проследить наличие/отсутствие корреспондирующих этим правам обязанностей, а также наличие/отсутствие конкретного механизма правореализации применительно к каждому личному (неимущественному) праву ребенка, что в конечном счете создает условия

для оценки эффективности действующих семейно-правовых норм с целью решения вопроса об их совершенствовании.

Оговоримся, что О.Э. Лейст определяет классификацию как «способ обнаружения существенных качеств подразделений системы»¹; Ю.А. Шрейдер – «приведение некоторой предметной области в систему»²; И.В. Понкин, А.И. Редькина – «интегральную логическую операцию»³.

Классифицирование нематериальных благ ребенка, т.е. упорядочение этих благ по видам в соответствии с теми или иными основаниями, вызывает немалые трудности в силу, прежде всего, отсутствия их соответствующего перечня. Однако в цивилистике классифицирование нематериальных благ в целом является достаточно популярным направлением научных исследований, результаты которых могут быть использованы для решения задачи настоящего параграфа. Так, самым популярным делением нематериальных благ следует признать их дифференциацию на биологические и социальные. Классифицируя личные (неимущественные) права, Л.О. Красавчикова разделила их на два вида: первая группа прав – это права, обеспечивающие физическое существование человека, а вторая – права, обеспечивающие социальное существование человека. При этом к первой группе относятся: право на жизнь, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду, право на свободу и личную неприкосновенность. Вторую же группу составляют право на имя, право на честь, достоинство и деловую репутацию, право на частную жизнь, право на свободу передвижения⁴. В.С. Толстой, рассматривая эту авторскую

¹ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 61.

² Шрейдер Ю.А. Логика классификации // Научно-техническая информация. 1973. Сер. 1. № 5. С. 3–7.

³ Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 249–259.

⁴ См. об этом: Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 110–395.

классификацию, заключает, что было бы более корректно называть вторую группу личных (неимущественных) прав иначе – «права, обеспечивающие социальную жизнь человека»¹.

М.Н. Малеина, взяв в качестве основания для классификации цель, выделяет четыре группы ЛНП: (1) ЛНП, обеспечивающие физическое благополучие (право на жизнь, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду, право на физическую и психическую неприкосновенность); (2) ЛНП, обеспечивающие индивидуализацию личности (право на имя, право на индивидуальный облик и голос, право на честь, достоинство и деловую репутацию); (3) ЛНП, обеспечивающие автономию личности (право на тайну и неприкосновенность личной жизни); (4) ЛНП, обеспечивающие охрану результатов интеллектуальной деятельности².

Весьма схожие классификации предлагают и иные ученые-юристы. Так, по мнению Т.А. Фадеевой, ЛНП можно подразделить на три группы: направленные на индивидуализацию личности; направленные на обеспечение физической неприкосновенности; направленные на неприкосновенность внутреннего мира личности³. Руководствуется критерием «направленность ЛНП» и А.Е. Шерстобитов, который дифференцирует ЛНП также на три группы: направленные на индивидуализацию личности; направленные на обеспечение личной неприкосновенности; направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни⁴.

¹ Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения: учеб. пособие. М.: ООО Изд-во «ЭЛИТ», 2006. С. 92–93.

² Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 21–22.

³ Гражданское право: учебник. В 3 т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби. 2005. Т. 1. С. 382.

⁴ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2006. Т.2. Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. С. 412–413.

Несколько иная классификация ЛНП представлена в работе В.Л. Слесарева. Так, названный ученый предложил подразделять ЛНП на три группы: 1) связанные с неприкосновенностью личной жизни; 2) связанные с личной свободой и неприкосновенностью; 3) связанные с охраной духовных ценностей, индивидуализирующих личность¹.

В интерпретации В.А. Жакенова, все ЛНП уместаются в четыре видовые группы: первая – ЛНП, индивидуализирующие граждан; вторая – ЛНП, связанные с личной неприкосновенностью; третья – ЛНП, связанные с тайной личной жизни; четвертая – ЛНП, способствующие всестороннему развитию личности и выражению творческой индивидуальности². Схожую классификацию предлагает и Н.Д. Егоров, выделяющий ЛНП на неимущественные блага, воплощенные в личности; ЛНП на личную неприкосновенность и свободу; ЛНП на неприкосновенность личной жизни³.

Весьма оригинальной и существенно отличающейся от всех предыдущих является классификация ЛНП, описанная в трудах Е.А. Михно. Так, в основу классификации указанного автора положен такой критерий, как объект причинения вреда. Исходя из этого критерия, автор выделяет шесть групп ЛНП: ЛНП, нарушение которых приводит к причинению физического вреда; ЛНП, нарушение которых приводит к вторжению в частные дела; ЛНП, нарушение которых приводит к незаконным присвоению и использованию чужого имени; ЛНП, нарушение которых приводит к публичному разглашению фактов, могущих быть достоянием узкого круга; ЛНП, нарушение которых приводит к незаконному использованию

¹ Слесарев В.Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 128.

² Жакенов В.А. Личные неимущественные права в советском гражданском законодательстве и их социальное значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 15.

³ Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л., 1988. С. 23.

изобретений, патентов, товарных знаков; ЛНП, нарушение которых приводит к распространению сведений, характеризующих истца в ложном свете¹.

Попытку классификации именно нематериальных благ, а также ЛНП предпринимают К.И. Голубев и С.В. Нарижний. Они подразделяют их на две группы: 1) неимущественные блага, связанные с личностью; 2) неимущественные блага и ЛНП, связанные с социально-экономической деятельностью².

Классификацию сугубо нематериальных благ в своем исследовании описала О.Н. Ермолова. Она предложила различать нематериальные блага, имеющие существенное значение для биологического начала человека (жизнь, здоровье, внешний облик), и нематериальные блага, имеющие существенное значение для социального начала человека (честь, достоинство, деловая репутация, имя, личная неприкосновенность, свобода передвижения, выбора места жительства, тайна личной и семейной жизни)³. Вслед за ней О.А. Пешкова предложила дифференцировать нематериальные блага по различным основаниям, например по степени регулирования нормами права на нерегулируемые (жизнь, здоровье, честь и достоинство) и регулируемые⁴.

Наконец, научный интерес представляет классификация нематериальных благ, предложенная Р.П. Тимешовым. По мнению названного ученого, нематериальные блага следует дифференцировать на три группы: (1) блага, обеспечивающие физическое и психическое благополучие; (2) блага, обеспечивающие автономию личности; (3) блага, обеспечивающие индивидуализацию и достоинство личности⁵.

¹ *Михно Е.А.* Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 101.

² *Голубев К.И. Нарижний С.В.* Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 58.

³ *Ермолова О.Н.* Нематериальные блага и их защита. Саратов, 1998. С. 26.

⁴ *Пешкова О.А.* Компенсация морального вреда. Защита и ответственность при причинении вреда нематериальным благам и неимущественным правам. М.: Ось-89, 2006. С. 110.

⁵ *Тимешов Р.П.* Указ. соч. С. 65–66.

Анализ предложенных классификаций ЛНП и нематериальных благ позволяет нам сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, исследователи концентрируют внимание на классифицировании именно ЛНП, а не нематериальных благ в связи с тем, что нематериальные блага являются объектами ЛНП, через которые и происходит правореализационный процесс. Однако сказанное не свидетельствует о невозможности либо научной бессмысленности классификации именно нематериальных благ. Напротив, классификация нематериальных благ, в том числе нематериальных благ ребенка, позволит углубить научное представление о них и сформировать полноценную семейно-правовую теорию нематериальных благ ребенка по российскому частному праву.

Во-вторых, большинство классификаций ЛНП построены с нарушением методологических требований к такому приему, как классифицирование, в результате чего в одном классификационном ряду стоят различные по основанию подгруппы ЛНП. Кроме того, большинство из представленных классификаций слабо аргументированы: неясно, почему ученый избрал тот или иной критерий в качестве основания классификации и какова методологическая ценность классифицирования в рамках каждого конкретного научного изыскания.

В-третьих, вопрос о классифицировании нематериальных благ относится к числу малоизученных, а вопрос о классифицировании нематериальных благ ребенка не становился самостоятельным предметом научных изысканий вообще, что обуславливает актуальность подобного изучения.

В-четвертых, поскольку классифицирование решает те или иные научные задачи для каждого научного изыскания, постольку фокус научного поиска должен быть смещен с создания универсальной классификации в сторону разработки нескольких различных классификаций, построенных по разным основаниям и позволяющих более глубоко осмыслить проблематику нематериальных благ.

Наконец, в-пятых, классифицирование нематериальных благ в целом и нематериальных благ ребенка в частности – весьма непростая задача, что обусловлено многочисленностью нематериальных благ, отсутствием законодательного подхода к пониманию их правовой сущности и перечневого наполнения.

Классификации юридически значимых нематериальных благ ребенка. Многообразие принадлежащих ребенку нематериальных благ применительно к целям и задачам гражданско-правового и семейно-правового регулирования статуса ребенка целесообразно классифицировать на основе следующих критериев.

Прежде всего напомним, что все нематериальные блага независимо от их носителя были дифференцированы нами на юридически значимые и юридически безразличные. Поэтому далее мы будем рассматривать классификации именно юридически значимых нематериальных благ ребенка.

Стоит заметить, что универсальной классификацией нематериальных благ ребенка следует признать их деление на *биологические* (например, жизнь, здоровье и т.д.) и *социальные* (например, честь, достоинство, деловая репутация и т.д.). Однако указанная широко известная классификация нематериальных благ ребенка не привносит новых научных результатов, необходимых для построения цивилистической теории нематериальных благ ребенка. По этой причине мы предприняли попытку разработки новых классификаций, позволяющих углубить научное представление о нематериальных благах ребенка.

Как уже было установлено ранее, по правовой природе нематериальные блага стоит подразделять на: *а) установленные гражданским законодательством* (например, жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя и т.д.); *б) установленные семейным законодательством* (например, жизнь и воспитание в семье; знание своих родителей; родительская забота; совместное проживание с родителями; обучение в одной образовательной организации с

полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами; родительское воспитание; образование; интересы ребенка; человеческое достоинство; защита прав и законных интересов ребенка; собственное мнение ребенка; его имя; досуг).

Самой ценной с прикладной точки зрения видится нам классификация нематериальных благ ребенка, осуществленная по функциональной направленности благ. Представляется, что нематериальные блага ребенка обладают самостоятельным функционалом и на этом основании могут быть классифицированы по выполняемым функциям. Среди нематериальных благ можно выделить следующие функциональные группы: **(1) нематериальные блага ребёнка, выполняющие функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие** (жизнь и воспитание в семье; знание своих родителей; родительская забота; совместное проживание с родителями и др.); **(2) нематериальные блага ребёнка, выполняющие функцию индивидуализации субъекта** (например, честь и доброе имя, деловая репутация, собственное мнение ребенка и др.); **(3) нематериальные блага ребёнка, выполняющие функцию охраны частной жизни** (например, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна и др.). Подчеркнем, что все без исключения нематериальные блага (как юридически значимые, так и юридически безразличные) направлены на удовлетворение потребностей личности – это их универсальная функция. По этой причине указанная функция не была включена нами в предложенный выше классификационный ряд.

Нематериальные блага несовершеннолетних детей могут быть классифицированы по такому основанию, как субъект реализации личных неимущественных прав, объектом которых выступают нематериальные блага. Так, законодатель исходит из того, что реализация всех правомочий, содержащихся в правовом пространстве, возможна только с достижением лицом совершеннолетия. По этой причине большую часть прав несовершеннолетнего лица фактически реализуют его законные

представители. Мы можем дифференцировать нематериальные блага следующим образом: а) *нематериальные блага, являющиеся объектом ЛНП, реализуемых несовершеннолетним ребенком лично*; б) *нематериальные блага, являющиеся объектом ЛНП, реализуемых через законных представителей*. К примеру, такие нематериальные блага, как жизнь и воспитание в семье, знание своих родителей, совместное проживание с родителями, очевидно относятся к первой подгруппе в рамках предложенной классификации. Примером второй группы нематериальных благ служит имя ребенка, включающее фамилию, отчество и имя: реализация ЛНП, объектом которого выступает имя ребенка, может быть осуществлена исключительно его законными представителями, поскольку закон возлагает на них подобные правомочия (абз. 2 п. 1 и п. 3 ст. 56, п. 2 и 3 ст. 58, п. 1 ст. 59 СК РФ). А.Х. Ульбашев, анализируя случаи реализации ЛНП законными представителями несовершеннолетних детей, замечает, что при их реализации законные представители действуют как помощники¹. Известно, что доктрина представительства через помощника (Gehilfe) получила обстоятельное научное осмысление в германской школе частного права².

Указанная классификация имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Так, в силу того что такое нематериальное благо, как знание своих родителей, относится к нематериальным благам, являющимся объектом ЛНП, реализуемых несовершеннолетним ребенком лично, правореализационный механизм взаимосвязанных ЛНП отличается спецификой. Так, Пленум Верховного Суда РФ замечает, что, поскольку субъектом отношений по делам об оспаривании отцовства является и несовершеннолетний ребенок, суд при принятии решения не вправе руководствоваться исключительно признанием иска матерью или иным

¹ См. об этом: *Ульбашев А.Х.* Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019. 255 с.

² См. об этом: *Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В.* Приобретение собственности через представителя // *Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Крашенинникова.* Вып. 20. Ярославль, 2013. С. 37.

законным представителем ребенка во избежание нарушения ЛНП ребенка – знать своих родителей, а также иных взаимосвязанных прав (ч. 2 ст. 39 ГК РФ, ст. 54, п. п. 1 и 2 ст. 56 СК РФ). В силу обозначенного обстоятельства по данной категории дел недопустимо мировое соглашение¹.

Еще одной классификацией нематериальных благ ребенка следует считать их деление по степени конкретизации на *общие и специальные*. Так, общим нематериальным благом ребенка следует признать общение с родственниками, а специальным – общение с родственниками в экстремальных условиях. Например, в соответствии с правилом ч. 3 ст. 51 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ребенок имеет право на общение с родственниками даже в том случае, если ему оказывается медицинская помощь в стационарных условиях. По этой причине один из родителей или иной член семьи вправе находиться в медицинском учреждении вместе с ребенком, которому оказывается такая медицинская помощь.

Несмотря на то что нематериальные блага отличаются тем, что в большинстве своем принадлежат гражданину от рождения, реализация личных (неимущественных) прав, объектом которых выступают эти блага, значительно дифференцируется по возрастным группам. Поэтому полагаем уместным предложить еще одну классификацию нематериальных благ ребенка, в основе которой лежит такой критерий, как возраст, с которого актуализируется реализация ЛНП, объектом которых выступают нематериальные блага ребенка. Все нематериальные блага ребенка принадлежат ему от рождения, как и многие гражданские и семейные права, однако степень их самостоятельной реализации находится в увязке с возрастными особенностями становления личности. Поэтому, руководствуясь указанным основанием классифицирования, полагаем

¹ *О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7 (июль).*

возможным предложить следующие группы нематериальных благ ребенка:

- а) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста десяти лет (например, собственное мнение, которое обязательно учитывается при достижении десяти лет);
- б) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста четырнадцати лет (например, самостоятельная коррекция имени);
- в) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста шестнадцати лет (например, осуществление отцовства/материнства в отношении своих детей).

Стоит отметить, что, предлагая классификации нематериальных благ ребенка, стоит акцентировать внимание на специальных группах детей, правовой статус которых отличается от общеправового статуса ребенка. Так, речь идет, к примеру, о детях, находящихся в трудной жизненной ситуации, легальная дефиниция которых содержится в ст. 1 Закона о гарантиях ребенка¹. Безусловно, в рамках указанной группы детей следует выделить подгруппы, каждая из которых отличается спецификой правового статуса. Эта специфика оказывает существенное влияние на объем и содержание нематериальных благ ребенка.

Так, особенности правового статуса такой субъектной подгруппы, как дети, оставшиеся без попечения родителей, отличается тем, что такие дети лишены родительского попечения в силу разнообразных причин: смерти

¹ «Дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации – это дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети-инвалиды; дети с ограниченными возможностями здоровья, т.е. имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии; дети – жертвы вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий; дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев; дети, оказавшиеся в экстремальных условиях; дети – жертвы насилия; дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; дети, находящиеся в образовательных организациях для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода (специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа); дети, проживающие в малоимущих семьях; дети с отклонениями в поведении; дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи».

родителей, лишения их родительских прав, ограничения их в родительских правах, признания родителей недееспособными, болезни родителей, а также в других случаях (п. 1 ст. 121 СК РФ).

Очевидно, что реализация отдельных ЛНП, объектом которых являются нематериальные блага ребенка, у этой субъектной подгруппы существенно ограничена. К примеру, такие нематериальные блага, как родительская забота, совместное проживание с родителями, родительское воспитание, становятся неактуальными для детей, оставшихся без попечения родителей. В некотором роде можно сделать вывод о том, что для таких детей указанные нематериальные блага фактически перестают быть благами, т.е. теряют свойство «полезности» в силу того, что такие дети не могут ими обладать, хоть и, безусловно, имеют соответствующую потребность. В том же случае, когда дети, оставшиеся без попечения родителей, устраиваются в семью в результате усыновления (удочерения), указанные дети теряют статус оставшихся без попечения родителей, поэтому весь объем перечисленных нематериальных благ, связанных с семьей, для них становится актуальным.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, находятся под особой охраной государства, которое в силу ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ берет на себя обязательства по осуществлению государственной заботы о таких детях. К примеру, такое нематериальное благо, как защита, отличается следующей спецификой: указанной категории детей предоставляется бесплатная юридическая помощь.

Еще одной специфической подгруппой детей являются несовершеннолетние родители, поскольку их правовой статус включает дополнительные личные (неимущественные) права и обязанности. В научной литературе такая подгруппа детей именуется «ранним родительством»¹. Рассматривая семью через ее квалификацию в качестве общеправовой

¹ См., например: *Леканова Е.Е.* Правовые особенности попечения ребенка несовершеннолетних родителей с неполным родительским статусом // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 22–25.

конструкции, Н.Н. Тарусина дополнительно замечает, что между несовершеннолетними родителями, не состоящими между собой в браке, а также их родителями, если последние или один из них выполняют функцию опекуна детей своих детей, возникает «отдельная правовая композиция»¹. В силу правил ст. 62 СК РФ, несовершеннолетние родители обладают дополнительными нематериальными благами: материнством/отцовством, совместным проживанием с ребенком, участием в воспитании ребенка.

Специфической группой несовершеннолетних детей являются дети, рожденные с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Так, под ВРТ законодатель предлагает понимать разнообразные методы лечения бесплодия². Одним из наиболее распространенных методов лечения человеческого бесплодия является суррогатное материнство, демонстрирующее явную тенденцию к росту случаев его применения³. В ч. 9 ст. 55 Закона о здоровье граждан, а также Приказе Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н⁴ дано понятие суррогатного материнства. Из взаимосвязанного толкования п. 4 ст. 51 СК РФ и ч. 5 ст. 16 Закона об АГС⁵ следует, что суррогатная мать именуется отечественным законодателем специальным термином – «женщина, родившая ребенка» и отличается специальным статусом (например, в части дачи обязательного согласия на запись супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, родителями ребенка). Как отмечается в

¹ См. об этом: *Тарусина Н.Н.* Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica.* 2020. № 4. С. 21–33.

² Ст. 55 Федерального закона РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См. об этом: *Ильина О.Ю.* Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право.* 2020. № 2 (62). С. 108–116.

⁴ *О порядке* использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н (зарегистрировано в Минюсте России 19 октября 2020 г. № 60457). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *Об актах* гражданского состояния [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

научной литературе, отечественный законодатель предоставляет суррогатной матери «ничем не обоснованное право надления родительскими правами генетических родителей»¹. И так, в случае если женщина, родившая ребенка, не дает указанное выше согласие и принимает решение об оставлении ребенка у себя, то происходит неизбежное искажение отдельных нематериальных благ ребенка, а именно: жизнь и воспитание в семье; знание своих родителей; родительская забота; совместное проживание с родителями и некоторые другие. Так, ребенок полностью утрачивает возможность знать своих генетических родителей, предоставивших свои половые клетки для оплодотворения суррогатной матери.

Резюмируем вышеизложенное. Нематериальные блага ребенка следует дифференцировать на юридически значимые и юридически безразличные на основании такого критерия, как правовая регламентация. Юридически значимые нематериальные блага ребенка могут быть классифицированы следующим образом:

по сущности: на биологические и социальные;

по правовой природе: на установленные гражданским законодательством и установленные семейным законодательством;

по функциям: (1) выполняющие функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие; (2) выполняющие функцию индивидуализации субъекта; (3) выполняющие функцию охраны частной жизни;

по субъекту реализации личных неимущественных прав, объектом которых выступают нематериальные блага: а) нематериальные блага, являющиеся объектом ЛНП, реализуемых несовершеннолетним ребенком лично; б) нематериальные блага, являющиеся объектом ЛНП, реализуемых через законных представителей;

¹ Журавлев Г.А. Государственная регистрация ребенка, рожденного с использованием метода вспомогательной репродуктивной технологии (суррогатного материнства): проблемы правового регулирования // Юстиция. 2019. № 2. С. 5–12.

по степени конкретизации: на общие и специальные;

по возрасту, с которого актуализируется реализация ЛНП, объектом которых выступают нематериальные блага ребенка: а) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста десяти лет; б) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста четырнадцати лет; в) нематериальные блага ребенка, актуализация которых происходит с достижением возраста шестнадцати лет;

по специфике правового статуса: нематериальные блага детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; нематериальные блага детей, являющихся несовершеннолетними родителями; нематериальные блага детей, рожденных с помощью ВРТ.

2.2 Нематериальные блага ребенка, направленные на обеспечение комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие

Жизнь как гражданско-правовое нематериальное благо ребенка и жизнь и воспитание в семье как семейно-правовое нематериальное благо ребенка: соотношение нематериальных благ и соответствующих им ЛНП. Конституционно гарантированное право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ) дополнительно регламентировано через закрепление такого нематериального блага, как жизнь в п. 1 ст. 150 ГК РФ. Именно по этой причине отраслевая принадлежность такого нематериального блага, как жизнь, определена нами через нормы гражданского законодательства, хотя совершенно очевидно, что это высшее нематериальное благо является частью конституционно-правового и международно-правового статуса личности.

Статья 54 СК РФ посвящена праву ребенка жить и воспитываться в семье. На основании анализа этой нормы права мы можем сделать вывод о таких нематериальных благах ребенка, как жизнь и воспитание в семье,

знание своих родителей, родительская забота, совместное проживание с родителями.

Возникает очевидный вопрос о соотношении категорий «жизнь» как гражданско-правовое нематериальное благо ребенка и «жизнь и воспитание в семье» как семейно-правовое нематериальное благо ребенка. На первый взгляд, между указанными нематериальными благами прослеживается очевидная разница: ГК РФ (вслед за Конституцией РФ и важнейшими международно-правовыми актами в сфере прав человека) признает право на жизнь, а СК РФ по сути фиксирует право на семью. Однако при более детальном анализе первоначальный вывод неизбежно ставится под сомнение. Большое значение для формирования личности ребенка имеет родительская забота. Без преувеличения можно сказать, что от нее зависит степень реализации иных нематериальных благ ребенка, в том числе его жизни и здоровья. Как верно замечает Л.Ю. Михеева, право на жизнь в контексте несовершеннолетней личности подразумевает не только запрет на убийство ребенка, но и обеспечение человеку таких условий, которые бы способствовали его выживанию. По этой причине указанный автор предлагает закрепление на конституционном уровне такого нематериального блага, как социальная забота¹. Добавим, что данные таких наук, как психология и дефектология, свидетельствуют о том, что жизнь и воспитание в семье является не просто нематериальными благами ребенка, а жизненно необходимыми условиями развития личности и интеллекта ребенка².

Из публицистических источников известно о жутких историях детей, получивших собирательное наименование «Маугли», например: мексиканская девочка-волк Лобо, украинская девочка-собака Оксана Малая, волгоградский мальчик-птица Иван, российская девочка-собака Мадина, колумбийская девочка-обезьяна Марина Чапман, юноша-курица с острова

¹ Михеева Л.Ю. *Опека и попечительство. Теория и практика*. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 27.

² См. об этом: Авдеева Н.Н. *Теория привязанности: современные исследования и перспективы* // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6, № 2. С. 7–14.

Фиджи. Всех этих детей объединяет общая проблема: оказавшись в обществе животных, особенно в условиях раннего детства, эти дети в большинстве своем не смогли социализироваться, войти в структуру общества на правах полноправных членов, поскольку их сознание и поведение были существенно искажены жизнью за рамками социума. Эти случаи наглядно демонстрируют абсолютную беспомощность ребенка, что позволяет нам сформулировать следующий небезынтересный вывод. Особенность такого нематериального блага, как жизнь, применительно к ребенку отличается следующей спецификой: гражданско-правовое нематериальное благо жизнь имманентно связано с такими семейно-правовыми нематериальными благами, как жизнь и воспитание в семье и родительская забота.

Рассуждая далее, можно без преувеличения сказать, что указанные семейно-правовые нематериальные блага являются **необходимыми средствами полноценной реализации** гражданско-правового нематериального блага – жизни. Оговоримся, что ребенок, находящийся в трудной жизненной ситуации, в том числе ребенок, оставшийся без попечения родителей, для которого реализация указанных нематериальных благ – жизнь и воспитание в семье и родительская забота – становится неактуальной до тех пор, пока его не усыновят либо не возьмут на воспитание в приемную семью, конечно, не утрачивает возможности реализации такого нематериального блага, как жизнь. Однако в таком случае подлежат коррекции средства реализации указанного нематериального блага. Опять-таки многочисленные истории из СМИ, описывающие жизнь воспитанников детских домов, позволяют лишь утвердиться в выводе о том, что семья является наилучшей (если не единственно возможной) формой социализации «здоровой» личности.

Совместное проживание с родителями квалифицировано нами в качестве самостоятельного нематериального блага ребенка, однако реализация ЛНП, объектом которого выступает указанное благо, находится во взаимосвязи с уже рассмотренным выше нематериальным благом жить и

воспитываться в семье. Для обеспечения правореализационного механизма такого ЛНП ребенка, как право на совместное проживание с родителями, ГК РФ в п. 2 ст. 20 фиксирует, что место жительства несовершеннолетних лиц, не достигших возраста четырнадцати лет, определяется местом жительства их законных представителей, т.е. место жительства и место пребывания ребенка определяется местом жительства и местом пребывания его родителей или лиц, их заменяющих. Исключение составляет случай раздельного проживания родителей. В таком случае место жительства ребенка определяется соглашением родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ) или судебным решением. Следовательно, содержащееся в ст. 150 ГК РФ нематериальное благо в виде свободы выбора места пребывания и жительства с учетом положений СК РФ в отношении ребенка подлежит ограничению.

Для всемерной охраны такого нематериального блага, как совместное проживание с родителями, российское законодательство содержит комплекс соответствующих мер. К примеру, жилищное законодательство придает несовершеннолетним детям статус членов семьи и соответствующий этому статусу набор правовых гарантий; гражданское законодательство не допускает сделки с недвижимым имуществом, в котором проживают несовершеннолетние дети, без согласия органа опеки и попечительства (п. 4 ст. 292 ГК РФ). Следовательно, особенность реализации такого нематериального блага ребенка, как совместное проживание с родителями, предопределена гражданско-правовыми нормами о месте жительства ребенка и о сделках с недвижимым имуществом, в котором проживают несовершеннолетние дети, а также жилищно-правовыми нормами, определяющими правовой статус членов семьи.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 19 декабря 2017 г. № 4-КГ17-64 обратила внимание на следующие обстоятельства: решая вопрос об определении места жительства малолетней Н. с отцом, суд удовлетворился лишь тем единственным

обстоятельством, что пятидневный рабочий график отца создает благоприятные условия для воспитания ребенка. В то же время решая обозначенный вопрос ни суд, ни органы опеки и попечительства не выяснили мнение ребенка. Кроме того, ни суд первой инстанции, ни суд апелляционной инстанции не разрешали вопрос о сущности психологической ситуации, сложившейся в семье (не выясняли наличие/отсутствие семейного конфликта, характера отношений дочери с матерью и отцом и т.д.). В связи с этим вывод суда об определении места жительства К.Н.А. с отцом нельзя признать законным¹. Как следует из приведенного судебного акта, нематериальное благо в виде свободы выбора места пребывания и жительства ограничивается не только положениями СК РФ о совместном проживании родителей, но и участием в осуществлении, охране и защите данного блага его законных представителей, а также иных уполномоченных лиц, а именно органов опеки и попечительства, суда.

В абз. 3 п. 2 ст. 54 СК РФ дополнительно перечисляются такие ЛНП ребенка, как «права на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства»². Следовательно, перечень нематериальных благ ребенка может быть пополнен за счет родительского воспитания, образования, интересов ребенка, человеческого достоинства.

Воспитание как нематериальное благо ограничено нормами ст. 65 СК РФ, согласно которой способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

¹ *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 4-КГ17-64 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *О внесении изменений* в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 02 декабря 2019 г. № 411-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Нельзя не отметить, что Европейский Суд по правам человека в постановлении от 07 марта 2017 г. по делу «В.К. (V.K.) против Российской Федерации» (жалоба № 68059/13) указал, что «Европейский Суд рассматривал обращение в качестве "бесчеловечного", в частности, если оно было умышленным, продолжалось непрерывно в течение нескольких часов и причинило реальные телесные повреждения или интенсивные физические и нравственные страдания, а также в качестве "унижающего достоинство", если оно вызывало в потерпевшем чувства страха, тоски и неполноценности, способные оскорбить и унижить его»¹.

Рассуждая о воспитании как нематериальном благе, следует остановиться на вопросе домашнего/семейного насилия и злоупотребления родительскими правами. В настоящее время проблемы злоупотребления правами в отношении ребенка, применения к нему насилия являются остросоциальными, вызывающими дискуссию не только среди представителей науки семейного права², но в обществе и государстве в целом. К сожалению, в РФ не представлена официальная статистика о семейном/домашнем насилии. Однако за последние два года в РФ выявлены случаи беспрецедентно жестокого домашнего насилия и жестокого обращения как в деле сестер Хачатурян (2018 г.), которые убили своего отца, подвергавшего их домашнему насилию и принуждавшего к насильственным

¹ *Постановление* Европейского Суда по правам человека от 07 марта 2017 г. по делу «В.К. (V.K.) против Российской Федерации» (жалоба № 68059/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 7.

² *Беспалов Ю.Ф.* Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // *Нотариус*. 2019. № 1. С. 21–25; *Ережипалиев Д.И.* Законодательство России о защите детей от насилия и суицидов: состояние, проблемы и пути совершенствования // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 8. С. 70–76; *Воскобитова М.Р.* Подходы Европейского суда по правам человека к рассмотрению дел о домашнем насилии в отношении женщин // *Международное правосудие*. 2017. № 1. С. 85–95; *Осипова М.А.* Законодательные инициативы в сфере семейных отношений в Государственной Думе седьмого созыва // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 10. С. 39–41; *Сердюк Л.В.* О защите детей от семейного насилия и проблеме их правового воспитания // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2014. № 3. С. 16–19; *Кузьменко В.* Понятие «жестокое обращение» при квалификации преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // *Уголовное право*. 2014. № 5. С. 64–65.

действиям на протяжении длительного периода времени¹; семилетней Аиши Ажиговой из Ингушетии (2019 г.)², отобранной у собственной матери и проживавшей совместно с родной тетей, истязавшей ребенка; девочки-маугли, оставленной матерью среди гор мусора (2019 г.)³.

Отметим, что в 2016 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия»⁴. Вместе с тем данный нормативный правовой акт до сих пор не принят. В поддержку нормативного правового акта и жертв домашнего насилия в летом 2019 г. был запущен в социальных сетях флешмоб #ЯнеХотелаУмирать⁵. В названной акции в социальных сетях приняли участие более 12 000 человек, которые рассказали о собственных примерах домашнего насилия. Петицию с требованием о принятии закона о домашнем насилии подписали более 837 825 человек⁶.

Поскольку все из перечисленных выше нематериальных благ и соответствующих им ЛНП объединены в рамках одной статьи СК РФ, постольку большинство ученых квалифицируют их в качестве одного права – жить и воспитываться в семье. Так, А.А. Елисеева придерживается именно такого научного взгляда⁷. Однако, на наш взгляд, вполне очевидно, что в ст. 54 СК РФ перечислены взаимосвязанные, однако при этом автономные нематериальные блага: жизнь и воспитание в семье; знание своих родителей; родительская забота; совместное проживание с родителями; обучение в одной образовательной организации с полнородными и неполнородными

¹ URL: <https://www.mk.ru/social/2019/05/21/ekspertiza-po-delu-sester-khachaturya№-pokazala-№asilie-otca.html> (дата обращения: 10.09.2020); URL: https://www.gazeta.ru/social/№es/2018/08/20/№_11928067.shtml (дата обращения: 10.09.2020).

² URL: https://le№ta.ru/articles/2019/08/19/aisha/?utm_source=le№tatg&utm_edium=social (дата обращения: 10.09.2020.); URL: <https://360tv.ru/№ews/tekst/devochka-iz-i№gushetii/> (дата обращения: 10.09.2020).

³ URL: <https://le№ta.ru/№ews/2019/10/08/maugli/> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴ Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ URL: <https://paperpaper.ru/orga№izatorka-fleshmoba-ya№ehotelaum/> (дата обращения: 10.09.2020).

⁶ URL: <https://www.cha№ege.org/p/№/> (дата обращения: 12.08.2020).

⁷ Елисеева А.А. Указ. соч. С. 116.

братьями и (или) сестрами; воспитание своими родителями; образование; интересы ребенка; всестороннее развитие; человеческое достоинство. При этом дискуссия о количестве и содержании нематериальных благ ребенка может быть продолжена, поскольку этот вопрос находится на стыке правовых и иных наук и существенно предопределён задачами, стоящими перед исследователем, а также избранным им методологическим арсеналом. Так, поскольку в основу настоящего диссертационного исследования положен функциональный метод, постольку мы считаем важным различать нематериальные блага, поименованные в ст. 54 СК РФ, с учетом выполняемых ими функций. К примеру, в абз. 3 п. 2 ст. 54 СК РФ говорится о необходимости обеспечения интересов ребенка. Мы полагаем, что интересы ребенка, помимо функции обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие, выполняют также функцию индивидуализации личности, что позволяет нам сделать вывод о функциональных особенностях нематериальных благ ребенка, о которых идет речь в ст. 54 СК РФ. Следовательно, с неизбежностью встает вопрос о необходимости дифференциации нематериальных благ ребенка, перечисленных в ст. 54 СК РФ, взамен их объединения как единого нематериального блага – жизнь и воспитание в семье.

Здоровье как нематериальное благо ребенка. В соответствии со ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья. В силу ст. 2 Закона о здоровье граждан «здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма». Отметим, что Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения¹ устанавливает, что «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека».

¹ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения / Министерство здравоохранения; ВОЗ. Женева. М.: Медицина, 1968.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 25 июня 2019 г. № 25-П, «здоровье человека является высшим благом, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а следовательно, его сохранение и укрепление играют основополагающую роль в жизни общества и государства»¹.

Согласно ст. 1087 ГК РФ предусматривает деликтную ответственность за вред, причиненный здоровью ребенку. Касательно обязательств по возмещению вреда здоровью ребенка следует обратить внимание на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в Постановлении от 26 января 2010 г. № 1: «с причинителя вреда подлежат взысканию расходы, понесенные в связи с повреждением здоровья (расходы по уходу за потерпевшим, на его дополнительное питание, протезирование, санаторно-курортное лечение и другие фактически понесенные в связи с увечьем расходы, в которых нуждался потерпевший)»².

Кроме ГК РФ и СК РФ, нематериальные блага ребенка обозначены и в Законе о гарантиях ребенка. Так, в ст. 10 указанного акта говорится о праве детей на охрану здоровья. В п. 1 ст. 7 Закона об охране здоровья провозглашается, что «государство признает охрану здоровья детей как одно из важнейших и необходимых условий физического и психического развития детей». При этом в п. 2 этой же статьи разъясняется, что дети подлежат особой охране, под которой предложено понимать три составляющих элемента: (1) заботу об их здоровье; (2) надлежащую правовую защиту в сфере охраны здоровья; (3) приоритетные права при оказании медицинской помощи. Нам думается, что такое общегражданское нематериальное благо каждого гражданина, как здоровье, является общим по отношению к

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э.М. Ворона».* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 // Российская газета. 2010. 05 февраля, № 24.*

нематериальному благу специального субъекта – здоровью ребенка. То есть правовой режим такого нематериального блага, как здоровье, распадается на общий и специальный.

В ст. 12 Закона о гарантиях ребенка обращается внимание на права детей на отдых и оздоровление. Так, гарантируется комплекс мероприятий, способствующих реализации указанного ЛНП ребенка, в том числе: нормативно-правовое обеспечение, безопасность пребывания в соответствующих организациях, оказывающих услуги в сфере отдыха и оздоровления; доступность этих услуг; контроль за соблюдением законодательства в данной сфере и т.д. Нам представляется, что у такого ЛНП, как право на отдых и оздоровление, два объекта в виде соответствующих нематериальных благ – досуг и здоровье.

Нормативно-правовое обеспечение такого нематериального блага ребенка, как здоровье, прослеживается, к примеру, через ограничение на усыновление детей лицами, являющимися носителями ВИЧ-инфекции и (или) гепатита С. Выражая свою правовую позицию в Постановлении от 20 июня 2018 г. № 25-П, Конституционный Суд РФ указал, что «установленное ограничение направлено на то, чтобы не подвергать здоровье усыновляемых детей чрезмерному риску со стороны усыновителей, что в целом отвечает конституционно значимой цели – защите прав и законных интересов ребенка и само по себе не может расцениваться как нарушающее Конституцию РФ»¹.

Стоит подчеркнуть, что здоровье ребенка, как важнейшее нематериальное благо, занимает особое место в системе его нематериальных благ, поскольку ребенок в отличие от взрослого человека подвержен влиянию большого количества разнообразных факторов, оказывающих воздействие на его здоровье в силу несформированности иммунитета.

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.»*. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Однако особую актуальность это нематериальное благо имеет для отдельных подгрупп детей из группы детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Так, речь идет, прежде всего, о детях-инвалидах, а также детях с ограниченными возможностями здоровья, т.е. имеющих недостатки в физическом и (или) психическом развитии. Ю.Ф. Беспалов, подробно изучивший проблемы правового статуса детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, расставил акценты на проблемах в этой сфере¹.

В российском законодательстве нередко возникают «конфликты» между нематериальными благами детей. Так, здоровье как важнейшее нематериальное благо нередко вступает в конфликт с иным нематериальным благом – образованием. Речь идет о весьма распространенной проблеме добровольности туберкулинодиагностики в контексте защиты права детей на образование. Суть проблемы сводится к следующему: при отказе родителей (лиц, их замещающих) от туберкулинодиагностики (реакция Манту/Диаскинтест) необследованных детей отстраняют от образовательного процесса как в детском саду, так и в школе. По этому поводу есть позиция Верховного Суда РФ, отметившего, что для необследованных детей должны быть предоставлены формы и методы обучения, исключающие посещение ими здорового детского коллектива². Ученые-юристы неоднократно высказывались против имеющихся в медицинском законодательстве императивных требований относительно отстранения необследованного на туберкулез ребенка от посещения им образовательного учреждения³. Очевидно, что подобная проблема требует разрешения на уровне федерального законодательства.

¹ См. об этом: *Беспалов Ю.Ф.* Трудная жизненная ситуация ребенка в РФ: социально-правовой аспект // *Нотариус.* 2018. № 3. С. 30–33.

² *Решение* Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № АКПИ14-1454 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Лобов А.* Отказ от Манту – не повод для изгнания ребенка из детского сада или школы: детский омбудсмен Анна Кузнецова поддержала тюменца // *Парк72.* 2019. 14 ноября; *Чеповская А., Сидоренко Е.* Мочить нельзя отказываться: отец судится с детсадом за право не делать сыну манту // *Известия.* 2019. 17 ноября;

Родительская забота. Забота, будучи социально-правовой категорией, относится к числу малоизученных, несмотря на то, что такое ЛНП ребенка, как право на родительскую заботу, безусловно, занимает особое место в семейно-правовом статусе ребенка. Доктринальное понимание правовой сущности заботы отличается большим разнообразием научных воззрений. Так, заботу предлагают понимать через «естественное право ребенка и соответствующую этому праву обязанность родителей»¹, «скорее нравственную, чем правовую категорию»², «все виды помощи ребенку (обеспечение его питанием, лечением, одеждой, учебниками и т.п.)»³.

Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые приходят к выводу о междисциплинарной сущности категории «забота». Очевидно, что родительская забота, как нематериальное благо, принадлежит ребенку от рождения и утрачивается с достижением им совершеннолетия, за исключением тех случаев, когда забота требуется и по достижению возраста совершеннолетия (например, в случае нетрудоспособности совершеннолетних детей)⁴.

В соответствии со ст. 38 Конституции РФ забота о ребенке – это равное право и обязанность родителей. Разъясняя сущность данной конституционно-правовой нормы, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 08 июня 2010 г. № 13-П изложил следующую правовую позицию: «Забота о детях, их воспитание как обязанность родителей по смыслу ст. 38 (ч. 2) Конституции РФ предполагают, что ущемление прав ребенка, создание ему немотивированного жизненного дискомфорта несовместимы с самой

Рябоконе Т. Что важнее – здоровье детей или «свечные заводики»? Родители бунтуют из-за проб манту // *Русский Дозор*. 2021. 21 января и др.

¹ *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 125.

² *Гришаев С.П.* Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ *Певцова И.Е.* Право ребенка на семью // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 12. С. 63–65.

⁴ См. об этом подробнее: *Геворгян М.А.* Забота о российском ребенке как объект семейных прав // *Государственная служба и кадры*. 2019. № 3. С. 109–112.

природой отношений, исторически сложившихся и обеспечивающих выживание и развитие человека как биологического вида. Данной конституционной обязанностью, которая сама по себе является отображением общепризнанной модели социального поведения, предопределяется и характер правоотношений между родителями и детьми»¹.

Конвенцией ООН о правах ребенка забота о ребенке возлагается на государство и на его родителей и представляется в виде принятия всяческих мер в целях благополучия ребенка (ст. 3, 6,8, 9, 11–16, 19, 121 и др.).

СК РФ закрепляет заботу о ребенке через призму его ЛНП на заботу со стороны родителей либо лиц, заменяющих родителей (ст. 54, 137, 148.1, 153 СК РФ), а также корреспондирующую этому праву обязанность родителей (ст. 63, 137, 148.1, 153 СК РФ).

В Распоряжении Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р² указано, что «забота государства о детях является безусловным приоритетом социально-экономического развития Российской Федерации».

Из анализа указанных положений международного и российского семейно-правового законодательства следует, что, по общему правилу, забота о ребенке возлагается на его родителей (либо лиц, их заменяющих) и субсидиарно на государство. Неудивительно в связи с этим, что СК РФ оперирует термином «родительская забота». Что касается государственной заботы о детях, то такая забота касается, прежде всего, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации³, одаренных детей¹, иных детей с особым

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 08 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // СЗ РФ. 21.06.2010. № 25. Ст. 3246.*

² *Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность: распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р // СЗ РФ. 11.08.2014. № 32. Ст. 4557.*

³ Ст. 15 Закона о гарантиях ребенка; *О создании фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации: Указ Президента РФ от 26 марта 2008 г. № 404 // Российская газета. 2008. 29 марта, № 68.*

правовым статусом². Например, речь идет о предоставлении жилых помещений специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Таким образом, забота как нематериальное благо ребенка дифференцируется на родительскую заботу и государственную заботу и представляет собой совокупность соответствующего ЛНП ребенка и корреспондирующей этому праву обязанности родителей (лиц, их заменяющих) и субсидиарно государства, нацеленную на обеспечение физического, интеллектуального, психического, духовного и нравственного развития ребенка.

Проявляя заботу о ребенке, родители, лица, их заменяющие, совершают фактические и юридические действия, которые могут стать основанием возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей как у самих этих лиц, так и у ребенка. Так, заботясь о ребенке, родители обеспечивают его жильем, оплачивают коммунальные услуги, определяют формы общения, страхуют его жизнь и здоровье и т.д.³ В таких случаях действия родителей могут быть выражены в виде юридических фактов:

¹ *Об утверждении* Правил выявления детей, проявивших выдающиеся способности, сопровождения и мониторинга их дальнейшего развития: постановление Правительства РФ от 17 ноября 2015 г. № 1239 // СЗ РФ. 23.11.2015. № 47. Ст. 6602; *О дополнительных* гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон РФ от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ // СЗ РФ. 23.12.1996. № 52. Ст. 5880; *Об утверждении* Порядка формирования и ведения государственного информационного ресурса о детях, проявивших выдающиеся способности: приказ Минобрнауки России от 18 апреля 2016 г. № 424 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 13.06.2016. № 24.

² *Об основах* системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177.

³ См. об этом: *Геворгян М.А.* Нематериальные блага, обладающие свойствами юридических фактов, правоотношений и социальных регуляторов // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2020.

заключение договоров купли-продажи жилья; дарения жилого помещения ребенку; включение ребенка в договор социального найма; заключение договора на оказание образовательных услуг; заключение договора страхования жизни и здоровья ребенка, где последний становится выгодоприобретателем. Эти юридические факты регламентируются как гл. 12 СК РФ, так и положениями ГК РФ о сделках и договорах (ч. II), ЖК РФ и иными нормативными правовыми актами.

РФ как государство, проявляя заботу о детях, в том числе находящихся в трудной жизненной ситуации, в соответствии с нормативными правовыми актами¹ силами государственных органов издает административные акты об оказании разных видов помощи ребенку, которые являются юридическими фактами. Забота может быть и правоотношением (например, наделение ребенка правом на жилую площадь по договору социального найма (гл.7 ЖК РФ); заключение договора страхования (гл. 48 ГК РФ) и т.д.). Государственная забота прослеживается через такую меру поддержки семей, имеющих детей, как выплата материнского (семейного) капитала².

Субъектами, создателями юридических фактов могут быть как родители, лица, их заменяющие, так и органы государства, органы местного самоуправления, субъекты РФ, муниципальные образования. Субъектами правоотношений с участием ребенка могут быть названы и иные лица, например: страховщики, образовательная организация, медицинская организация, организация конкурсов и иные лица и органы частноправовых и публично-правовых организационно-правовых форм.

¹ См., например: *О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021).. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; *Об образовании в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; *О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;

² *О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Обучение в одной образовательной организации с полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами как новое юридически значимое нематериальное благо ребенка. В результате принятия Федерального закона РФ от 02 июля 2021 г. № 310-ФЗ¹, п. 2 ст. 54 СК РФ был дополнен еще одним ЛНП – обучение в одной образовательной организации с полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами. В пояснительной записке в соответствующему законопроекту указывалось, что он решает такую социальную проблему, как устройство детей, проживающих совместно, в одну образовательную организацию. Инициаторы соответствующего законопроекта изложили суть проблемы следующим образом: семьи, имеющие двух и более детей, проживающих совместно, встречаются с трудностями при устройстве младших детей в ту же образовательную организацию, в которой обучаются старшие дети, что обусловлено, например, сменой места жительства семьи. В результате обозначенных затруднений родители вынуждены доставлять детей в разные образовательные учреждения, находящиеся в определенной удаленности друг от друга, с учетом необходимости доставления детей в эти организации к определенному времени (началу учебного процесса) и при этом потребности в нахождении родителей на рабочем месте к определенному строго обозначенному времени. Очевидно, что подобные трудности явно не способствуют укреплению семьи².

Квалифицируя это благо в качестве самостоятельного нематериального блага ребенка, мы исходили из следующих обстоятельств: места, которое отведено законодателем соответствующей норме права (абз. 2 п. 2 ст. 54 СК РФ), а также сущности соответствующего блага. С одной стороны, можно

¹ *О внесении* изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 36 и 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 02 июля 2021 г. № 310-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Проект* Федерального закона № 707755-7 «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13 мая 2019 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

утверждать, что это благо есть часть другого нематериального блага – образования. Однако это не совсем так, поскольку в указанных нормах речь идет не непосредственно об образовательном процессе, а о приоритете в приеме на обучение в соответствующее образовательное учреждение. С другой стороны, исследуемое нематериальное благо можно увязать с другим, содержательно более «крупным» благом – общением с родственниками, полагая, что, находясь в одной образовательной организации, братья и сестры имеют дополнительную возможность общаться друг с другом. Это, безусловно, так, однако сказанное не умаляет самостоятельной значимости исследуемого нами блага.

Общение с родственниками как нематериальное благо ребенка. В ст. 55 СК РФ раскрывается право ребенка на общение с родителями и другими родственниками. Очевидно, что объектом такого права выступает соответствующее нематериальное благо – общение с родственниками. При этом законодатель конкретизирует, с кем конкретно ребенок вправе общаться: с родителями, в том числе при их раздельном проживании, бабушкой, дедушкой, братьями, сестрами и другими родственниками. Подвидом такого нематериального блага ребенка, как общение с родственниками, является общение с родственниками в экстремальной ситуации¹. Интересно отметить, что, конкретизируя особенности реализации

¹ См. об этом: ч. 3 ст. 37 *Гражданского* процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ч. 2 ст. 45, ст. 48, ч. 4 ст. 108, ч. 1 ст. 191, ч. 4 ст. 280, ст. 395, ч. 1 ст. 426, ч. 1 ст. 428, ч. 5 ст. 432 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ст. 89 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ч. 3 ст. 51 Федерального закона от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ч. 3 ст. 51 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ст. 18 Федерального закона от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ (ред.

ЛНП, объектом которого выступает общение с родственниками, законодатель делает акцент только лишь на недопустимости чинения препятствий в общении с ребенком теми или иными родственниками (п. 2, 3 ст. 67 СК РФ). В то же время на практике широко распространена ситуация, при которой родители (или один из них) либо иные родственники сами не имеют желаний общаться с ребенком, т.е. отказывают ребенку в общении. Однако законодатель не регламентирует такую ситуацию: санкция за подобное поведение родителей или иных родственников отсутствует. Отрицательная тенденция, состоящая в проявлении некоторыми родителями к своим детям безразличия, безучастия, оставление их без должной заботы в малолетнем возрасте требует выявления причин негативного отношения родителей к детям и совершенствования правового механизма их участия в осуществлении, охране и защите прав ребенка и относительно осуществления собственных родительских прав.

Заметим, что общение, как нематериальное благо, может быть скорректировано решением суда об установлении порядка общения с ребенком. В этом смысле соответствующее решение суда есть юридический факт, лежащий в основе правоотношения, в рамках которого ребенок реализует принадлежащее ему нематериальное благо.

Так, в апелляционном определении Московского городского суда от 06 июня 2019г. указано: «Согласно заключению УСЗН адрес в лице Отдела социальной защиты населения адрес об определении порядка общения с ребенком, начальник отдела полагает возможным установить следующий порядок общения отца с несовершеннолетним сыном:

от 02.07.2021) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ч. 2 ст. 28, ст. 31.2 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– каждые нечетные выходные месяца (суббота или воскресенье) с 11.00 до 19.00 с учетом возраста и режима дня малолетнего по месту жительства истца без присутствия матери ребенка;

– по истечении шести месяцев со дня вступления решения суда в законную силу:

– забирать сына с пятницы 18.00 до 18.00 воскресения и проводить с ним время по месту своего фактического проживания;

– 11 октября (следующий день после дня рождения) с 18.00 до 20.00 общественных местах, предназначенных для отдыха и развлечения детей, учитывая интересы ребенка, без присутствия матери;

– 23 февраля – с отцом по месту жительства истца или в общественных местах, предназначенных для отдыха и развлечения детей, с учетом интересов ребенка;

– каждый нечетный год государственные праздники ребенок проводит с отцом по месту его жительства;

– отец должен заблаговременно предупреждать мать о своем намерении посетить сына в месте его пребывания или встретиться с ним в ином месте, а также предупреждать мать о невозможности по какой-либо причине встретиться с сыном, когда дата и время встречи согласованы между ними;

– отец имеет возможность ежегодно проводить 14 дней отпуска вместе с сыном в благоустроенных местах как на адрес, так и за ее пределами, с учетом мнения малолетнего и по договоренности с матерью... Суд, разрешая спор, установил, что указанный в заключении порядок общения является обоснованным, соответствующим интересам несовершеннолетнего ребенка»¹.

Общение с ребенком может быть правом, объектом прав, юридическим фактом и правоотношением (ст. 65, 67 СК РФ). Например, судебным

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 06 июня 2019 г. по делу № 33-23970/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

решением устанавливается порядок общения родителя, проживающего отдельно от ребенка, с ребенком, проживающим с другим родителем.

Такой порядок общения есть правоотношение между родителем и ребенком, основанное на нормах семейного права, объектом которых является воспитание ребенка, а родители наделяются правами и обязанностями, нередко и ребенок, достигший возраста 10–14 лет, также обладает правами и обязанностями.

Находим необходимым дополнить ст. 66 СК РФ п. 5 следующего содержания: «Порядок общения с ребенком, достигшим возраста четырнадцати лет, определяется с обязательным учетом мнения ребенка. При несогласии ребенка с общением суд отказывает в удовлетворении иска».

Как мы выяснили, сложность удовлетворения такой потребности ребенка, как потребность в общении со своими родственниками, обусловлена тем обстоятельством, что обеспечение ребенка этим нематериальным благом не входит в чьи-либо юридические обязанности: если родственник ребенка, в том числе близкий, не желает общаться с ребенком (особенно при раздельном проживании), то такое нематериальное благо ребенка, как общение с родственниками, остается частично нереализованным.

Резюмируем вышеизложенное. Установлено, что к *гражданско-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие, относятся следующие: жизнь и здоровье, личная неприкосновенность, свобода выбора места пребывания и жительства, иные блага.

Выяснено, что к *семейно-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, гарантирующих благополучие, относятся следующие: жизнь и воспитание в семье; знание своих родителей; родительская забота; совместное проживание с родителями; обучение в одной образовательной

организации с полнородными и неполнородными братьями и (или) сестрами; родительское воспитание; общение с родственниками; образование; досуг.

Нематериальные блага ребенка из этой функциональной группы отличаются следующими особенностями:

- являются средствами реализации иных нематериальных благ, регламентированных гражданско-правовыми нормами (например, жизнь и воспитание в семье и естественное право человека на жизнь);

- отличаются межотраслевым характером, определяющим правореализационный механизм (например, совместное проживание с родителями определено гражданско-правовыми нормами о месте жительства ребенка и о сделках с недвижимым имуществом, в котором проживают несовершеннолетние дети, а также жилищно-правовыми нормами, statuирующими правовой статус членов семьи);

- характеризуются наличием взаимно пересекающихся семейно-правовых и гражданско-правовых ограничений (например, свобода выбора места пребывания и жительства ребенка ограничивается не только положениями СК РФ о совместном проживании родителей, но и участием в осуществлении, охране и защите данного блага его законных представителей, а также иных уполномоченных лиц, в том числе органов опеки и попечительства и суда);

- имеют общий и специальный правовой режим, дифференцируемый по существу и объему правового статуса ребенка (здоровье ребенка и здоровье ребенка, находящего в трудной жизненной ситуации; родительская забота и государственная забота; общение с родственниками и общение с родственниками в экстремальных условиях).

2.3 Нематериальные блага ребенка, направленные на его индивидуализацию

Мнение ребенка как нематериальное благо. В ст. 57 СК РФ говорится о своем мнении ребенка. Эта категория явно носит нематериальный оттенок, поскольку индивидуализирует личность ребенка. Право ребенка на выражение своего мнения в некоторой степени абсолютно: при решении в семье любого вопроса, затрагивающего права и законные интересы ребенка, он может высказать свое мнение. Однако учет такого мнения ограничен интересами самого ребенка, поскольку несовершеннолетний в силу возраста и степени развития может не осознавать последствия тех или иных действий. Поэтому законодатель поясняет, что «учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам».

Возникает вопрос, а с какого возраста ребенок может быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства: как известно, нижняя возрастная граница в законодательстве отсутствует. По этому поводу Верховный Суд РФ с опорой на ст. 12 Конвенции о правах ребенка разъяснил: суд выясняет мнение ребенка об усыновлении во всех случаях, когда он достаточно развит, чтобы выразить свои взгляды¹. Итак, собственное мнение ребенка может быть квалифицировано в качестве нематериального блага, поскольку отвечает его основным признакам и может быть защищено с помощью правовых средств.

¹ *Обзор* практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 мая 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

В семейно-правовой науке учет мнения ребенка квалифицируется в качестве фактора, имеющего существенное значение для механизма правового регулирования семейных правоотношений¹.

О.Ю. Ильина в своем научном исследовании² поднимает довольно интересную тему, ставя следующий вопрос: есть ли у нотариуса обязанность выяснять мнение ребенка при удостоверении соглашений, затрагивающих интересы ребенка? В законодательстве однозначный ответ на него не предусмотрен: по крайней мере, законодательство, регламентирующее нотариальную деятельность, подобных требований к нотариусу не предъявляет. Однако положения ст. 57 СК РФ заставляют задуматься о необходимости учета мнения ребенка в описанном выше случае. Так, следует заметить, что соглашения, заключаемые между родителями ребенка (как правило, проживающими отдельно), касаются, например, определения места жительства ребенка и порядка общения с ним. Несмотря на то что законодатель не предъявляет требование о нотариальной форме такого соглашения (соглашений), его стороны зачастую прибегают к нотариальному удостоверению по собственной инициативе, вероятно, чтобы придать их правоотношениям, возникающим из подобных соглашений, более высокий статус «защиты». Добавим, что в научной литературе отмечается важность

¹ Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15; Ильина О.Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // Права ребенка в Российской Федерации: законодательство, правоприменительная практика, российская наука: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 74–79; Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о праве ребенка на выражение мнения // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2018. № 2(44). С. 49–53; Якушев П.А. Выявление мнения ребенка в спорах о воспитании детей: некоторые ценностно-теоретические и практические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 12А. С. 89–97 и др.

² Ильина О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18–21.

придания подобным соглашениям обязательной нотариальной формы на законодательном уровне¹.

О.Ю. Ильина, отвечая на поставленный ранее вопрос, приходит к выводу о допустимости адаптации некоторых технологий выяснения мнения ребенка в судебном заседании к нотариальной практике. На наш взгляд, удостоверяя подобные соглашения, нотариус должен убедиться в том, что решение, содержащееся в соглашении, принято с учетом мнения ребенка либо учет такого мнения нецелесообразен по причине противоречия этого мнения интересам ребенка. Возникает прикладной вопрос о том, каков механизм реализации обозначенного нами умозаключения. Думается, что нотариус должен выяснить мнение ребенка в ходе личной беседы с ним, если это возможно. При этом выяснение мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязательно, поэтому считаем, что подобное выяснение должно стать общепринятой нотариальной практикой, отсутствующей на сегодняшний день в Российской Федерации.

Имя ребенка как нематериальное благо. Общегражданское нематериальное благо, поименованное в ч. 1 ст. 150 ГК РФ, – имя гражданина, дополнительно конкретизируется в нормах семейного законодательства, а именно в ст. 58–59 СК РФ. Очевидно, что имя (включая собственно имя, отчество и фамилию) имеет немаловажное значение для социализации несовершеннолетней личности. Неудивительно, что проблема присвоения детям весьма странных имен приобрела большой общественный резонанс. Так, в Пояснительной записке «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка присвоения и регистрации имени"» отмечалось следующее: действующее законодательство не содержит нормы, обязывающей родителей давать детям только те имена, которые явно не нарушают детские интересы и права. Закон также не уточняет, как поступать

¹Вайнер Е.С. К вопросу о преимуществах нотариальной формы соглашения о месте жительства ребенка и порядке общения с ним // Нотариус. 2016. № 5. С. 22–24.

в случаях, когда факт такого нарушения очевиден и такая свобода родительского усмотрения в отдельных случаях приводит к злоупотреблению родителями их родительскими правами. Давая необычное, экзотическое имя своему ребенку, родители не всегда представляют, с какими трудностями, особенно в детском коллективе, может столкнуться их сын или дочь¹. Так, пожалуй, самыми резонансными стали два случая: история московского мальчика с именем БОЧ рВФ 260602 и история пермского мальчика с именем Люцифер.

Итогом многочисленных обсуждений стало принятие Федерального закона РФ от 01 мая 2017 г. № 94-ФЗ², который дополнил п. 2 ст. 58 СК РФ следующим указанием: «При выборе родителями имени ребенка не допускается использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака "дефис", или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы».

Однако несмотря на указанное нововведение родители продолжают давать своим детям необычные имена, которые прямо не противоречат обозначенной норме права. Так, на Алтае родители мальчика дали ему имя Алладин, предварительно сменив свои фамилии на «Сказочные». В результате подобной комбинации имя ребенка звучит так: Сказочный Алладин Алексеевич³. Семья из Таджикистана дала своим детям имена Путин и Шойгу, заявив, что следующего ребенка они назовут Собянин. Мода

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка присвоения и регистрации имени"» (текст по состоянию на 21 апреля 2016 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 01 мая 2017 г. № 94-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См. об этом: Фомина О., Дроботов А., Афанасьева О. Самые необычные имена детей: От Путина до Аладдина // Комсомольская правда. 2018. 5 января.

на редкие имена является прочно вошедшим в практику трендом, которого придерживаются и звезды шоу-бизнеса¹.

Заметим, что зарубежное законодательство подходит к выбору имени ребенка более строго, чем российское. Так, в Дании существует список имен, разрешенных к присвоению детям; в Мексике – список имен, запрещенных к присвоению; в Эстонии действуют императивные нормы, устанавливающие прямой запрет на присвоение необычных имен, в том числе имен известных личностей².

Право ребенка на имя предполагает, что собственно имя ребенка выбирается родителями по взаимному соглашению, а при отсутствии такового – органом опеки и попечительства; отчество – по имени отца либо по указанию матери ребенка, если отцовство не установлено; фамилия – по фамилии родителей или одного из них по соглашению между ними. При этом семейное законодательство в отношении правового статуса женщины, являющейся одинокой матерью, исходит из предоставления полной свободы в выборе имени, отчества и фамилии ребенка (п. 5 ст. 58 СК РФ). Поэтому в российской практике снискало популярность такое явление как матчество: в графе «отчество» женщина – одинокая мать фактически дает матроним, т.е. отчество, передаваемое по имени женщины³. В научной литературе отмечается, что матронимы исторически присущи российской действительности⁴.

На наш взгляд, как матронимы, так и необычные имена противоречат интересам ребенка и нарушают его нематериальное благо – имя.

¹ Например, известно, что дети Филиппа Киркорова носят имена Алла-Виктория и Мартин, сын Аллы Пугачевой и Максима Галкина – Гарри, дочь Ксении Бородиной – Тея. См.: *Осипенко О.* Топ странных и необычных имен, которые давали детям в России // *Банки Сегодня.* 2020. 25 сентября.

² См. об этом: *Рузакова О.А., Рузаков А.Б.* К вопросу о праве ребенка на имя: российская и зарубежная практика // *Экономика. Право. Общество.* 2017. № 3(11). С. 94.

³ См. об этом: «Марьевна»: россиянка дала своей дочери матчество вместо отчества. URL: <https://www.uralweb.ru/news/society/508905-marevna-rossiyanka-dala-svoey-docheri-matchestvo-vmesto-otchestva.html>. (дата обращения: 15.02.2022).

⁴ См. об этом: *Ананьева Е.О.* Правовые основы присвоения отчества и матчества по семейному законодательству России // *Семейное и жилищное право.* 2020. № 4. С. 3–5.

Т.И. Нестерова полагает, что нарушением нематериальных благ ребенка следует признать и норму п. 3 ст. 17 Закона об АГС, позволяющую одинокой матери поставить в графе «сведения об отце ребенка» так называемый в обществе «прочерк», т.е. не вносить сведения об отце ребенка¹.

Согласно ст. 59 СК РФ, имя и фамилия ребенка могут быть изменены. При этом действуют следующие правила: во-первых, если ребенку не исполнилось четырнадцати лет, то изменение возможно при наличии двух юридических фактов: совместной просьбы родителей и разрешения ООиП. Во-вторых, если изменение фамилии ребенка происходит в отношении несовершеннолетнего, проживающего только с одним из родителей, то для такого изменения требуются два иных юридических факта: просьба родителя, с которым проживает ребенок, о присвоении ребенку фамилии этого родителя; разрешение ООиП, принятое с учетом интересов ребенка и мнения другого родителя, проживающего отдельно от ребенка.

Касательно «учета мнения другого родителя», законодатель дополнительно поясняет случаи, когда такой учет необязателен: если другой родитель лишен родительских прав, признан недееспособным, уклоняется без уважительных причин от воспитания и содержания ребенка или если неизвестно место нахождения другого родителя.

Рассмотрим дело по спору об имени ребенка. Обращаясь в суд с иском, Кузнецова Э.Н. в качестве основания для перемены несовершеннолетним детям – дочери фамилии и отчества, а сыну фамилии и имени – ссылалась на то, что это позволит детям справиться с психологическим кризисом, а воспрепятствование в этом со стороны их отца вредит несовершеннолетним. Так, отменяя ранее принятые судебные акты, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 03 декабря 2019 г. № 18-КГ19-125 указала, что «суды не выяснили действительных причин перемены имени несовершеннолетним детям Истца, не установили факт

¹ См. об этом: *Нестерова Т.И.* Право ребенка на имя по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 15–18.

соответствия такой перемены реальным интересам детей, не дали оценку сведениям, позволяющим не учитывать мнение второго родителя (Ответчика) в рамках данного спора»¹.

Следовательно, по такой категории дел, как изменение имени и фамилии ребенку, суд должен исходить исключительно из необходимости такого изменения и интересов ребенка, а не из формальных обстоятельств дела.

Полагаем, что законодателю следует задуматься и над требованиями к имени, отчеству и фамилии уже совершеннолетних лиц, поскольку на сегодняшний день никаких законодательных препятствий к присвоению им любых имен, отчеств и фамилий не предусмотрено. В прессе весьма часто появляются все новые истории о необычных именах, которые совершеннолетние лица меняют себе сами. Так, широко известны истории об отчестве «Веро-Викторович», который екатринбуржец присвоил себе с целью упоминания в отчестве имени и матери, и отца²; о Древархе Просветленном, который сменил более 20 паспортов, меняя свои имена на имена публичных личностей – В.В. Путина, Д.А. Медведева³ и т.д. В то же время имя – это средство официального представительства человека в его внешних отношениях, в том числе отношениях с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Совершеннолетние лица, присваивая себе странные имена, тем самым подают пример для подрастающего поколения. Поэтому важно, чтобы законодатель вмешался в эту, казалось бы, личную сферу для обеспечения публичного порядка. Так,

¹ *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда в определении от 03 декабря 2019 г. № 18-КГ19-125 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См. об этом: Жителя Екатеринбурга теперь зовут не только по батюшке, но и по матушке: Веро-Викторович. URL: <https://www.newsru.com/russia/26nov2012/patronymic.html>. (дата обращения: 15.02.2022).

³ См. об этом: Древарх-Просветленный. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%85-%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BB%D1%91%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>. (дата обращения: 15.02.2022).

новелла п. 2 ст. 58 СК РФ должна быть распространена не только на детей, но и на совершеннолетних граждан.

Изображение ребенка как нематериальное благо. В ГК РФ ст. 152.2 посвящена охране изображения гражданина безотносительно к его возрасту. В СК РФ косвенно данный вопрос урегулирован положениями ст. 1, гл. гл. 11, 12 СК РФ.

Словарь С.И. Ожегова определяет изображение как зрительное воспроизведение чего-либо¹. В научной литературе вопросы, связанные с охраной изображения гражданина, исследованы не в полной мере².

Изображение ребенка возможно в его частной и публичной жизни.

В частной жизни относительно изображения ребенка действует частный интерес, частная воля его родителей, лиц, их заменяющих, и в зависимости от возраста – его воля, его усмотрение.

В публичной жизни ребенка помимо названных лиц участвуют государство, общество и их социально-правовые механизмы, образования. Государство определяет законодательные механизмы, устанавливающие условия и форму действия изображения ребенка в гражданском обороте и

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. С. 245.

²Объекты гражданских прав: *Постатейный* комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Андропов, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. 224 с.; *Российское гражданское право: учебник: в 2 т.* / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.; *Гришаев С.П.* Право гражданина на изображение [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2022); *Гаврилов Э.* Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // *Хозяйство и право.* 2015. № 10. С. 13–25; *Фридман В.Э.* Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права* 2019. № 8. С. 45–56; *Юрлов И.А., Быкова М.А.* Изображение физического лица: нематериальное благо или произведение? // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права* 2017. № 8. С. 51–58; *Микрюков В.А.* О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // *Юрист.* 2013. № 13. С. 36–39; *Колосов В., Шварц М.* Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* 2008. № 4. С. 41; *Захаренко Д.С.* Правовые проблемы использования изображения гражданина // *Юрист.* 2016. № 21. С. 17–21 и др.

иных связях, а общество определяет общие, в том числе нравственные, основы использования изображения ребенка.

Правовое сопровождение действия изображения ребенка в частных, в том числе семейных, отношениях определяет условия, порядок нахождения данного блага в гражданских и семейных отношениях и в целом в частных и публичных отношениях.

Правовой режим применительно к данному объекту прав представляется в виде системы установок, применяемых к самому объекту и к лицам, причастным к нахождению данного блага в частных и публичных отношениях.

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на жизнь каждого человека. Обозначенные технологии создают все новые возможности для создания и использования изображения гражданина, особенно в части размещения такого изображения в сети Интернет. Так, создаются новые социальные сети, ориентированные исключительно на визуализацию за счет размещения фото- и видеоматериалов (например, популярная сеть Instagram). При этом стала весьма популярной мода на демонстрацию в социальных сетях личной жизни, в том числе через размещение фото- и видеоизображений как самого гражданина, так и его детей. Более того, размещение фото- и видео материалов с детьми в некоторых случаях приобретает коммерческий оттенок, когда родители таких детей пытаются снискать популярность за счет ведения блогов, в которых они рассказывают про жизнь своих детей, выкладывают их фотографии, зачастую весьма откровенные, а также сообщают данные, в том числе составляющие медицинскую тайну (например, что дети ребенка имеют диагноз – аутизм или имеют статус детей-инвалидов на этом основании). Сказанное позволяет задуматься о том, не причинит ли подобное распространение фото- и видеоматериалов, а также информации о детях нравственные страдания этим несовершеннолетним в будущем. И в этом

смысле можно ли в таком случае утверждать, что родители, распространяя подобные данные и «зарабатывая» на них, действуют не в интересах детей?

В юридической литературе крайне мало научных изысканий в рамках данной тематики¹. Как правило, они касаются изображения совершеннолетнего гражданина² и направлены на изучение понятия «изображение», его места среди иных нематериальных благ³, а также правовой возможности отчуждения права на изображение⁴.

Из анализа правоприменительной практики следует, что споры по такой категории дел, как охрана и защита неправомерно опубликованного изображения несовершеннолетнего гражданина его родителями или иными законными представителями, отсутствуют. Это неудивительно, поскольку российское семейное законодательство не содержит особенностей правового регулирования нематериальных благ ребенка и специфических норм, посвященных их защите. Очевидно, что по такой категории дел заявителями могут быть либо органы государственной власти в лице ООиП либо прокурора, либо сам несовершеннолетний ребенок. Кроме того, сложность подобных споров обусловлена тем, что негативные последствия от размещения в сети фото- и видеоматериалов могут проявить себя спустя достаточно большое количество времени. Как известно, все, что единожды загружено в глобальную сеть Интернет, остается там навсегда. Кроме того,

¹ См., например: *Подрабинок Е.М.* Особенности гражданско-правовой охраны и защиты прав несовершеннолетнего при публикации и использовании его изображения // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 14–18.

² См., например: *Красавчикова Л.О.* Право граждан на собственное изображение // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР: межвуз. сб. науч. тр. СЮИ. Вып. 53. Свердловск: Уральский рабочий, 1977. С. 96–103; *Малеина М.Н.* Право на индивидуальный облик (вид). С. 134; *Эрделевский А.М.* Об охране изображения гражданина [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2007; *Микрюков В.А.* Субъектно-временные пределы охраны изображения гражданина // Юрист. 2013. № 4. С. 3–8; *Гаврилов Э.* Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина и др.

³ *Захаренко Д.С.* Правовые проблемы использования изображения гражданина // Юрист. 2016. № 21. С. 17–21.

⁴ *Гришаев С.П., Николаева А.А.* Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 59; *Вишнепольская И.* Использование изображения гражданина: проблемы и риски // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 66.

размещая фото- и видеоматериалы, родители либо иные законные представители должны понимать, что они придали этим материалам статус общедоступных, поместив их в публичное пространство. Следовательно, любые заинтересованные лица могут с легкостью скачать эти фото- и видеоизображения и использовать в своих целях.

Из судебной практики следует, что споры, объектом которых является изображение гражданина, касаются следующих ситуаций: размещения изображения совершеннолетнего гражданина без его согласия; размещение изображения несовершеннолетнего гражданина без согласия его родителей (либо иных законных представителей); изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних по ст. 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹; использование изображения несовершеннолетних лиц, личность которых может быть персонифицирована, на агитационных материалах кандидатов в депутаты.

Нельзя не отметить, что Европейский Суд по правам человека в постановлении от 20 июня 2017 г. по делу «Богомолова (Bogomolova) против Российской Федерации» (жалоба № 13812/09) указал следующее: относительно фотографий Европейский Суд отметил, что «изображение человека представляет собой один из главных атрибутов его личности, поскольку оно демонстрирует уникальные характеристики человека и отличает его от всех остальных. Таким образом, право на защиту своего изображения является одним из важнейших элементов личностного развития и предполагает право контролировать использование данного изображения. Главным образом оно предполагает право человека контролировать

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

использование своего изображения, в том числе право не разрешать его опубликование»¹.

В рамках настоящего исследования особую актуальность имеют споры второй категории из предложенных выше – размещение изображения несовершеннолетнего гражданина без согласия его родителей. Обратимся к анализу нескольких из них.

Так, в одном из дел истица предъявила к местной газете иск о защите права на изображение своего несовершеннолетнего ребенка и компенсацию морального вреда, поскольку ее изображение и изображение ее несовершеннолетнего ребенка было использовано без ее согласия. Суд установил, что фоторепортаж был сделан на публичном мероприятии – открытии магазина детской одежды. Также было установлено, что истица является публичной личностью – депутатом Государственной Думы ФС РФ, а также известной актрисой. Кроме того, из анализа самого репортажа не следует, что истица, зная о проведении фото- и видеосъемки, не уклонялась от нее, напротив, – позировала на камеру. Никаких заявлений относительно нежелания участвовать в фотосессии во время ее проведения истицей сделано не было. Исходя из указанных обстоятельств, суд сделал вывод, что право на изображение истицы и на изображение ее несовершеннолетнего ребенка в данном случае нарушено не было². В данном решении несколько смущает акцент на личности самой истицы, ее публичности. В то же время суд даже не исследовал вопрос о том, могут ли соответствующее фотоснимки причинить вред интересам ребенка. Суд исходил из того, что поскольку ребенок присутствовал на указанном мероприятии в сопровождении его матери, то априори его права не нарушены. На наш взгляд, такой

¹ *Постановление* ЕСПЧ от 20 июня 2017 г. по делу «Богомолова (Bogomolova) против Российской Федерации» (жалоба № 13812/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 6.

² *Апелляционное определение* Московского городского суда от 30 марта 2017 г. по делу № 33-7692/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

формальный подход к защите нематериальных благ ребенка стоит поставить под сомнение.

Приведем еще один небезынтересный пример. Истец обратился в суд с иском к телекомпания НТВ о защите прав на изображение своей несовершеннолетней дочери. Примечательно, что в исковом заявлении истец просил суд признать нарушение именно нематериальных благ его ребенка. Кроме того, истец заявил требование о компенсации морального вреда, а также об истребовании упущенной выгоды в виде неполученных доходов, которые ответчик незаконно получил в результате демонстрации изображения истца. Судом установлено, что спорный сюжет был предметом демонстрации в ходе программы «ЧП. Обзор за неделю» и касался задержания преступной группировки. Однако в сюжете были показаны кадры с детского мероприятия, в котором приняли участие дети, в том числе и дочь истца. Суд отказал в удовлетворении требований заявителя, мотивировав свое решение тем, что нематериальные блага несовершеннолетней дочери истца не нарушены, поскольку видеосъемка осуществлялась в ходе публичного мероприятия и не относится к частной или семейной жизни истца и его дочери. Кроме того, истцом не доказан факт причинения спорным видеосюжетом нравственных страданий ему либо его несовершеннолетней дочери, на основании чего в компенсации морального вреда ему отказано¹.

Из анализа двух представленных выше судебных дел можно сделать ряд промежуточных выводов, касающихся особенностей указанной категории дел: во-первых, заявителями по такой категории дел выступают родители несовершеннолетних; во-вторых, с требованием о признании нарушенным права на изображение заявителя требуют также компенсации морального вреда; в-третьих, суд, при вынесении решения, исходит из доказанности нарушения права на частную жизнь, а не непосредственно на

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 26 сентября 2018 г. по делу № 33-38146/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

изображение несовершеннолетнего гражданина; в-четвертых, суд не изучает вопрос о том, не противоречит ли демонстрация изображения несовершеннолетнего гражданина его интересам, что стоит признать неверным и требующим коррекции.

Следует подчеркнуть, что изображение несовершеннолетнего гражданина – это самостоятельное нематериальное благо ребенка, несмотря на то что подобное указание в семейном законодательстве РФ отсутствует. С учетом избранного нами функционального подхода к характеристике нематериальных благ ребенка, изображение направлено на выполнение функции индивидуализации несовершеннолетней личности, хотя эта функция является не единственной. В научной литературе встречаются и иные классификации нематериальных благ, в рамках которых изображение фигурирует в отличных, нежели в данной диссертации, классификационных рядах. Например, по мнению Л.О. Красавчиковой, изображение относится к числу нематериальных благ, обеспечивающих социальное существование гражданина¹.

В отсутствие иных норм права при характеристике особенностей такого нематериального блага ребенка, как изображение, и соответствующего этому благу ЛНП – права на изображение мы вынуждены отталкиваться от положений ст. 152.1 ГК РФ. Так, из анализа указанной статьи следует общее правило, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина возможно только с его согласия. Возникает вопрос о том, требуется ли согласие несовершеннолетнего гражданина на использование его изображения, и если да, то с какого возраста? Как следует из анализа п. 46 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25², согласие по смыслу ст. 152.1 ГК РФ представляет собой

¹ *Личные* неимущественные права граждан // Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. С. 220.

² *О применении* судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня, № 140.

обычную гражданско-правовую сделку, подпадающую под дефиницию, указанную в ст. 153 ГК РФ, поэтому согласие подчиняется всем правилам о сделках. Исходя из обозначенных обстоятельств, малолетние лица (т.е. граждане, не достигшие четырнадцатилетнего возраста) не вправе давать подобное согласие, за них это делают их законные представители. В то же время несовершеннолетние, достигшие четырнадцати лет, вправе давать согласие на использование их изображения, но с согласия законных представителей.

Из анализа п. 1 ст. 152.1 ГК РФ следует, что есть ряд случаев, при которых вышеописанное согласие не требуется. Проанализируем их с позиции правового статуса несовершеннолетнего. Так, не требуется согласие в трех случаях: при использовании изображения в публичных интересах (применительно к ребенку это может быть актуально, если такой ребенок является публичной фигурой, например спортивным чемпионом, либо если использование изображения гражданина обусловлено необходимостью защиты правопорядка и государственной безопасности); если съемка приводилась в публичных местах/в ходе публичных мероприятий (с точки зрения частной жизни ребенка, публичным местом при определенных обстоятельствах может быть признано детское образовательное учреждение – детский сад, детский кружок творчества, школа и т.д.); если гражданин позировал за плату (представляется, что применительно к ребенку это весьма редкий, но возможный случай, который связан с заключением от имени несовершеннолетнего гражданина его законными представителями соответствующего договора гражданско-правового характера).

Добавим, что проблема использования изображения несовершеннолетнего гражданина связана со случаем самостоятельного использования такого изображения несовершеннолетней личностью. Так, речь идет, прежде всего, о размещении несовершеннолетним ребёнком своих фотографий в социальных сетях. Этот вопрос никак не урегулирован на законодательном уровне. В итоге может возникнуть (и, как показывает

практика, достаточно часто возникает) ситуация, при которой опубликованное по его собственной инициативе фото- или видеоизображение ребенка причинит ему вред в будущем при приеме на работу либо в личной жизни. Поэтому совершенно очевидно, что контроль в этой части за частной жизнью несовершеннолетнего возложен на его родителей.

Исходя из анализа перечисленных выше особенностей такого нематериального блага ребенка, как изображение, можно сделать ряд общих выводов.

Во-первых, особенность изображения как нематериального блага ребенка заключается в том, что оно может быть неправомерно использовано тремя категориями субъектов: самим несовершеннолетним, его законными представителями, третьими лицами.

Во-вторых, ст. 152.1 ГК РФ, регулирующая охрану изображения гражданина, применима к несовершеннолетнему гражданину (в совокупности с иными нормами о правоспособности и дееспособности несовершеннолетнего, а также общих положений о сделках) лишь отчасти с учетом правового статуса несовершеннолетнего гражданина, специфики защиты его нематериальных благ.

В-третьих, изображение несовершеннолетнего гражданина, будучи тесно связанным с другим нематериальным благом – частной жизнью ребенка, должно быть признано на законодательном уровне в качестве самостоятельного нематериального блага ребенка.

В-четвертых, критерием, позволяющим оценивать правомерность обнародования и дальнейшего использования изображения гражданина, на наш взгляд, должны быть действующие нормы-принципы семейного законодательства, а именно принцип приоритета защиты прав и интересов несовершеннолетних либо предлагаемый нами принцип обеспечения наилучших интересов ребенка.

В-пятых, при нарушении такого ЛНП ребенка, как право на изображение, следует исходить, прежде всего, из таких способов защиты, как изъятие из оборота и уничтожение экземпляров материальных носителей, содержащих изображение гражданина, и удаление изображения из сети Интернет, а также пресечение или запрещение дальнейшего его распространения, и лишь subsidiarily использовать такой способ, как компенсация морального вреда. Такие приоритетные способы защиты ЛНП ребенка – права на изображение – действительно направлены на защиту его нематериальных благ. В то же время из анализа правоприменительной практики напрашивается вывод о том, что родители, действуя в интересах своих несовершеннолетних детей, не заявляют подобные требования, а преследуют лишь цель компенсации морального вреда, что явно в данном случае не приоритетно и вообще ставит под сомнение, что родители действуют в именно в интересах своих детей, а не преследуют собственные цели, в том числе материальное обогащение.

В-шестых, по исследуемым категориям дел право на использование в интересах ребенка вышеуказанных способов защиты изображения несовершеннолетнего гражданина должно быть предоставлено, помимо законных представителей, ООиП и прокурору. Это особенно актуально, если речь идет о неправомерном использовании изображения несовершеннолетнего гражданина его законными представителями.

Предлагаем внести следующие изменения в ст. 152.1 ГК РФ:

– п. 1 изложить в следующей редакции: «1. Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина, *а в отношении изображения несовершеннолетнего гражданина – с согласия его законных представителей. Обнародование и дальнейшее использование изображения несовершеннолетнего гражданина, в том числе*

его законными представителями, допускается, только если это не противоречит интересам несовершеннолетнего»;

– п. 3 изложить в следующей редакции: «Если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пункта 1 настоящей статьи, распространено в сети Интернет, гражданин, законный представитель несовершеннолетнего гражданина, *а также органы опеки и попечительства либо прокурор, действующие в интересах несовершеннолетнего гражданина,* вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения».

Достоинство ребенка как нематериальное благо. Решение проблемы систематизации нематериальных благ ребенка имеет существенное значение как для обеспечения бездефектности и согласованности гражданского и семейного законодательства, так и для эффективности его правоприменения. К примеру, в п. 1 ст. 150 ГК РФ упоминается такое нематериальное благо, как достоинство личности, а в абз. 3 п. 2 ст. 54 СК РФ – человеческое достоинство. Тождественность указанных нематериальных благ вполне очевидна, однако закон не должен допускать подобных терминологических разногласий. В противном случае возникает вопрос, имеющий практическое значение: существует ли разница между достоинством личности и человеческим достоинством; можно ли утверждать, что гражданину принадлежит право на уважение достоинства личности, а ребенку – право на уважение человеческого достоинства? Для обеспечения согласованности гражданско-правового и семейно-правового регулирования нематериальных благ предлагаем обеспечить соответствующие отрасли права единым терминологическим инструментарием в части института нематериальных благ.

Иные нематериальные блага ребенка, направленные на его индивидуализацию. В условиях стремительной цифровизации общества встает вопрос о допустимости квалификации в качестве нематериальных благ

и биометрических персональных данных человека, поскольку они отвечают родовому и видовым признакам нематериальных благ. При этом нормативная платформа биометрических персональных данных находится в стадии активного становления¹. Так, в ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» дается легальная дефиниция биометрических персональных данных: под ними законодатель предлагает понимать «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность»². Очевидно, что биометрические персональные данные присущи любому человеку – как совершеннолетнему, так и ребенку. Полагаем, что с развитием цифровизации биометрические персональные данные будут получать всеобщее распространение во многих сферах жизни общества. Так, на сегодняшний день эти данные используются при оформлении так называемого «загранпаспорта нового поколения». Специфика предоставления биометрических персональных данных несовершеннолетних лиц обусловлена необходимостью предоставления согласия на их использование и обработку родителями (лицами, их замещающими).

В научной литературе обращается внимание на такое нематериальное благо ребенка, как индивидуальность, и соответствующее этому благо ЛНП – право на индивидуальность. Так, по мнению А.М. Рабец, названное право «в максимальной степени реализуется тогда, когда он живет и воспитывается в своей семье, в которой он родился, так как именно в семье сохраняются и

¹ См., например: *Об утверждении требований к деловой репутации единоличного исполнительного органа или членов коллегиального исполнительного органа организации, владеющей информационной системой, обеспечивающей идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц, и (или) оказывающей услуги по идентификации и (или) аутентификации с использованием биометрических персональных данных физических лиц* [Электронный ресурс]: приказ Минцифры России от 27 августа 2021 г. № 896 (зарегистрировано в Минюсте России 17 сентября 2021 г. № 65045). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *О персональных данных* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

передаются от поколения к поколению все национальные, культурные, религиозные и иные традиции; именно там ребенок практически с младенческого возраста усваивает родной язык, родную религию и культуру»¹. Думается, что такое нематериальное благо, как индивидуальность ребенка, действительно обусловлено условиями жизни, которые создаются в семье. По этой причине мы разделяем позицию тех ученых, которые, придерживаясь приоритета родственного воспитания, допускают изъятие ребенка из собственной семьи и помещение в другую, в том числе иностранную, семью только в качестве исключительной меры². Заметим, что такое явление, как иностранное усыновление, показывает тенденцию к существенному сокращению. Так, если в 2012 г. иностранцами было усыновлено 2 604 российских ребенка, то в 2018 г. этот показатель составил лишь 289 детей (причем 67% всех усыновлений – 196 – приходятся на Италию). Цифры свидетельствуют о том, что иностранное усыновление в России сократилось более чем в девять раз за последние десять лет. Вероятно, одной из причин столь существенно сокращения числа детей, усыновленных иностранными родителями, является широко известный закон, получивший наименование «Закон Димы Яковлева», касающийся запрета на усыновление российских детей гражданами США.

Еще одним непоименованным в ч. 1 ст. 150 ГК РФ, однако широко признаваемым нематериальным благом является внешний облик. К примеру, по мнению Э. Гаврилова, под внешним обликом следует понимать нематериальное благо, индивидуальный образ человека, принадлежащий гражданину от рождения, не отчуждаемый и не передаваемый иным способом³. Весьма развернутое определение внешнего облика содержится в работе А.С. Мограбян: внешний облик – это «неотделимое от физического

¹ Рабец А.М. Роль суда в обеспечении реализации и защиты права ребенка на индивидуальность. // Семейное и жилищное право. 2005. № 2. С. 26–28.

² См., например: Залунина Н.Б. Международное усыновление: законодательство и практика его применения // Защита прав ребенка в современной России : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. А.М. Нечаева. М., 2004. С. 140.

³ Гаврилов Э. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина.

лица и индивидуализирующее его личное нематериальное благо, которое направлено на обеспечение физической неприкосновенности физического лица и включает в себя совокупность внешних признаков физического лица (цвет кожи, волос, разрез глаз, форма носа, телосложение, рост и др.), воспринимаемых окружающими как единое целое или как части целого, подверженных изменениям на протяжении жизни физического лица»¹.

Отграничивая внешний облик от изображения гражданина, Н.А. Шебанова, справедливо замечает, что изображение представляет собой воспроизведение облика физического лица различными средствами (живопись, фото-, видео- и киносъемка), а внешний облик есть совокупность собственных и сопутствующих элементов, воспринимаемых зрением. К примеру, собственными элементами являются пол, возраст, расово-этнический тип, телосложение, а сопутствующими – одежда и иные вещи, составляющие индивидуальный образ индивида². Внешний облик является нематериальным благом, принадлежащим каждому человеку. Однако особенность этого нематериального блага применительно к ребенку продиктована тем, что его внешний облик зачастую зависит от его родителей (лиц, их замещающих), поскольку именно эти лица, действуя в рамках родительской заботы, обязаны обеспечить ребенка всеми теми атрибутами, которые составляют внешний облик.

Рассматривая авторство как самостоятельное нематериальное благо ребенка, сделаем лишь общие замечания на этот счет. Во-первых, ребёнок может быть автором произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности (далее – РИД) независимо от достижения какого-либо специального возраста. Из СМИ широко известны истории из-за рубежа, описывающие бизнес родителей по продаже детских рисунков. В

¹ *Мограбян А.С.* Право физического лица на неприкосновенность внешнего облика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 8.

² *Шебанова Н.А.* «Модное» право: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 176 с.

этой связи возникает вопрос о правовых особенностях реализации ребенком такого нематериального блага, как авторство. Российское законодательство предусматривает на этот счет лишь одно общее правило: ребёнок, достигший возраста четырнадцати лет, вправе самостоятельно осуществлять права автора. Следовательно, до достижения ребенком возраста четырнадцати лет он вправе быть автором РИД, но не вправе осуществлять соответствующие права и обязанности, за него это делают его родители (лица, их заменяющие).

Резюмируем вышеизложенное. К *гражданско-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию индивидуализации субъекта, относятся следующие: достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, имя, авторство, иные блага. Предложено к числу иных гражданско-правовых нематериальных благ ребенка относить следующие: изображение ребенка; внешний облик ребенка; индивидуальность ребенка; биометрические персональные данные ребенка.

К *семейно-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию индивидуализации субъекта, относятся следующие: мнение ребенка; имя ребенка; человеческое достоинство.

Нематериальные блага ребенка из этой функциональной группы отличаются следующими особенностями:

– мнение ребенка как нематериальное благо принадлежит только несовершеннолетнему лицу и требует обязательного учета его родителями (лицами, их замещающими) при достижении ребенком возраста десяти лет и при условии соответствия этого мнения его интересам, в том числе при заключении его родителями соглашений об определении места жительства ребенка и порядка общения с ним, а также иных соглашений;

– имя ребенка является одним из важнейших нематериальных благ, обеспечивающих его индивидуализацию, поэтому необычные имена, в том числе имена публичных личностей, матронимы и прочерк в графе «сведения об отце ребенка», фактически допускаемые российским семейным

законодательством, противоречат интересам ребенка и нарушают его нематериальное благо;

– изображение ребенка отличается следующей спецификой: 1) оно может быть неправомерно использовано тремя категориями субъектов: самим несовершеннолетним; его законными представителями; третьими лицами; 2) ст. 152.1 ГК РФ, регулирующая охрану изображения гражданина, применима к несовершеннолетнему гражданину (в совокупности с иными нормами о правоспособности и дееспособности несовершеннолетнего, а также общих положениях о сделках) лишь отчасти с учетом правового статуса несовершеннолетнего гражданина, специфики защиты его нематериальных благ. В отношении такого нематериального блага ребенка, как изображение, в работе предложено: а) его позитивация как самостоятельного нематериального блага ребенка; б) руководствоваться нормами-принципами семейного законодательства (а именно принципом приоритета защиты прав и интересов несовершеннолетних либо предлагаемым нами принципом обеспечения наилучших интересов ребенка) как критерием оценки правомерности обнародования и дальнейшего использования изображения несовершеннолетнего гражданина; в) при нарушении права на изображение ребенка следует исходить из такого способа защиты, как изъятие из оборота и уничтожение экземпляров материальных носителей, содержащих изображение гражданина, и удаление изображения из сети Интернет, а также пресечение или запрещение дальнейшего его распространения, и лишь subsidiarily использовать такой способ, как компенсация морального вреда; г) право на использование в интересах ребенка вышеуказанных способов защиты должно быть предоставлено, помимо родителей (лиц, их замещающих), ООиП и прокурору. Это особенно актуально, если речь идет о неправомерном использовании изображения несовершеннолетнего гражданина его законными представителями;

– внешний облик ребенка и индивидуальность ребенка predetermined условиями жизни, которые создаются в семье;

– достоинство ребенка рассмотрено с позиции терминологических разногласий между семейным и гражданским законодательством. Доказано, что категории «достоинство личности» (п. 1 ст. 150 ГК РФ) и «человеческое достоинство» (абз. 3 п. 2 ст. 54 СК РФ) тождественны, поэтому для обеспечения бездефектности и эффективности гражданско-правового и семейно-правового регулирования нематериальных благ необходимо обеспечить соответствующие отрасли права единым терминологическим инструментарием в части института нематериальных благ.

2.4 Нематериальные блага ребенка, направленные на охрану его частной жизни

О частной жизни ребенка. Семейная жизнь представляется в качестве жизнедеятельности семьи в целом и жизнедеятельности каждого члена семьи в частности, в том числе ребенка. Во втором случае она может быть рассмотрена как сугубо частная жизнь ребенка, являющегося членом семьи. Частная жизнь ребенка как члена семьи может быть обусловлена и семейной тайной. Представляется, что семейная жизнь является обобщающим понятием, и в рамках общей семейной жизни у каждого члена семьи имеется частная жизнь, в том числе и у ребенка, как особого члена семьи.

Частная жизнь также является нематериальным благом, имеющим особенности правового режима¹. Частная жизнь ребенка в семье как понятие и правовой режим охраны частной жизни ребенка вызывает научный интерес как по причине особого правового статуса ребенка², так и в связи с его

¹ Геворгян М.А. Правовой режим нематериальных благ ребенка в РФ: действие норм ч. 1 ГК РФ и СК РФ // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2020. С. 64–70.

² См., например: Летова Н.В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.

развитием, воспитанием, становлением как здоровой личности и т.д. В научной литературе вопросы частной жизни исследовались некоторыми учеными¹.

Надо полагать, что ребенок не в полной мере наделен законодательством, обеспечивающим охрану частной жизни. Имеется множество затруднений реально действовать ребенку в рамках частной жизни. Причины такой ситуации различны. Основными из них являются: 1) недооценка законодательной властью положения ребенка как субъекта права и его семейных прав; 2) сомнения относительно способности ребенка действовать самостоятельно и в своем интересе; 3) неопределение степени участия иных лиц в осуществлении, охране и защите прав ребенка; 4) запоздалое обращение к законодательному оформлению правового статуса ребенка и некоторые другие. Помимо названного, неопределенность влечет и условность понятия «частная жизнь», а следовательно, и условность ее правового режима, и, напротив, условность правового режима влечет условность понятия «частная жизнь».

Как представляется, существо любого правового явления определяется его назначением и правовым режимом. Важнейшим критерием для такой правовой категории, как частная жизнь, являются ее назначение, полезность и в целом ценность для человека. Частная жизнь – явление сложное, многоаспектное, а применительно к ребенку весьма условное, а порой –

¹ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических государств // Уч. зап. ВЮОН. М.: Юрид. лит., 1945. 207 с.; Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М.: Юрид. лит., 1983. 160 с.; Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации; Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления / отв. ред. Беспалов Ю.Ф., М.: Проспект, 2019. 288 с.; Зайцева Ю.П. Субъективное право гражданина на частную жизнь: содержательный аспект // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 142–149; Кархалев Д.Н. Охрана частной жизни гражданина // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 10–12; Новиков В.А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21; Гаврилов Э. Гражданско-правовая охрана частной жизни гражданина: комментарий к ст. 152.2 ГК РФ // Хозяйство и право. 2014. № 4. С. 17–25 и др.

фиктивное, потому что ребенок не наделен возможностью в должном объеме действовать в рамках частной жизни.

Одним из критериев частной жизни ребенка является способность самостоятельно решать некоторые вопросы относительно поведения в семье, в общении с другими детьми и взрослыми гражданами, в том числе в детском учреждении, образовательной организации, и сохранять информацию об этом в тайне, насколько это объективно возможно.

Частная жизнь ребенка в семье представляется как регулируемая нормами семейного права жизнедеятельность ребенка – особого члена семьи, нуждающегося в заботе, и характеризуется степенью обособленности, одновременно тайны и открытости его поведения и информации о его поведении как члена семьи.

Из названных в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ обстоятельств, относящихся к частной жизни ребенка в семье, ребенком могут быть сохранены в тайне некоторые сведения о личной жизни. Другие сведения, касающиеся информации о его происхождении, месте пребывания или жительства, как правило, известны членам семьи, в том числе родителям. Более того, именно родители или лица, их заменяющие, владеют информацией о происхождении ребенка и месте его нахождения. Ребенок в силу возраста может еще не быть осведомлен об этом и не понимать существа этой информации.

В гл. 11 и 12 СК РФ приведены некоторые положения, касающиеся вопросов семейной жизни и деятельности ребенка. Сведения о личной и семейной жизни ребенка в зависимости от его возраста могут быть как известны, так и неизвестны ему. Как правило, родители, лица, их заменяющие, владеют всей информацией о личной и семейной жизни ребенка до начала посещения им детских образовательных и иных организаций. Да и в этих случаях (случаях посещения им детских образовательных и иных организаций) родители, лица, их заменяющие, осведомлены о ребенке, например, от сотрудников детской организации.

Надо полагать, что лишь по достижению ребенком возраста четырнадцати лет создаются условия, при которых он способен сохранять в тайне сведения о своей жизни (гл. 11 СК РФ, ст. 152.2 ГК РФ).

Родители, лица, их заменяющие, в силу положений гл. 12 СК РФ обязаны заботиться о ребенке и владеть любой информацией о нем, получая ее в результате личного наблюдения или участвуя в иной форме в осуществлении, охране и защите его прав.

К четырнадцати годам ребенок приобретает определенный уровень зрелости, приобретает определенный опыт общения и его возможность быть в ситуации, близкой к тайне частной жизни многократно возрастает. Ребенок уже сохраняет в тайне информацию о каких-либо своих действиях и, конечно, некоторые свои мысли, желания, поступки.

Можно заключить, что для абсолютного большинства детей на реальное участие ребенка в распоряжении имеющейся у него информацией о частной жизни с четырнадцатилетнего возраста и до достижения совершеннолетия либо до приобретения полной дееспособности по иным основаниям влияет круг интересов ребенка, его занятость в каких-либо мероприятиях, в том числе образовательных, степень участия родителей, иных лиц в его жизнедеятельности. Круг интересов относительно данного возраста касается и его отношений с другими сверстниками, в том числе другого пола. В тайне им может содержаться, как правило, противоречивая и «порочающая», насколько это ясно, информация о себе. Ребенок, как правило, еще самостоятельно не определился с существом информации о частной жизни, ее положительном или отрицательном аспекте. Пока на его мировоззрение существенное влияние оказывают близкие ему люди, а также воспитатели и педагоги.

Надо полагать, что ребенок, достигший возраста четырнадцати лет, вправе не только самостоятельно охранять информацию о своей жизни и деятельности, но и в силу ст. 56 СК РФ, ст. 37 ГПК РФ требовать в судебном

порядке защиты сведений о своей жизнедеятельности в рамках частной жизни.

Усугубляет ситуацию и то, что российское законодательство до настоящего времени не определилось со степенью, условиями, объемом частной жизни россиян в целом. Бесспорно, тут возникает проблема соотношения частного и публичного интересов.

В настоящее время остро стоит вопрос о реальном осуществлении гражданином РФ правовой возможности на частную жизнь, ее охрану. Относительно ребенка все намного сложнее. Частная жизнь ребенка как члена семьи и ее правовой режим определяются: 1) публичным интересом, действующим двояко: во-первых, конкуренция частного и публичного интересов в целом может быть применена к любому гражданину безотносительно к возрасту, во-вторых, публичный интерес в воспитании, развитии и образовании ребенка в семье, обществе и государстве в целом выступает как забота государства о благополучии ребенка; 2) законным и фактическим усмотрением его родителей и иных лиц, участвующих в осуществлении, охране и защите его прав; 3) правовой и социальной потребностью ребенка в охране частной жизни; 4) юридическими возможностями ребенка в ограничении доступа посторонних лиц к информации о частной жизни; 5) полезностью для ребенка, для его благополучного развития, охраны и защиты им собственной частной жизни – самостоятельно либо с помощью частных субъектов и публичных механизмов, действующих в РФ¹.

Кроме того, частная жизнь ребенка как члена семьи и ее правовой режим определяется гармоничным соотношением тайны и доступности информации о жизнедеятельности ребенка как члена семьи, нуждающегося в особенной заботе; качеством семейно-правовых механизмов,

¹ Геворгян М.А. Правовой режим нематериальных благ ребенка в РФ: действие норм ч. 1 ГК РФ и СК РФ.

обеспечивающих охрану и защиту жизнедеятельности ребенка и информации о нем как члене семьи.

В Постановлении ЕСПЧ от 24 января 2017 г. «Дело "Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии"» (жалоба № 25358/12) Европейский Суд напомнил, что «личная жизнь» по смыслу положений статьи 8 Конвенции – это широкое понятие, которому невозможно дать исчерпывающее определение. Оно охватывает физическую и психическую целостность человека и в определенной степени право устанавливать и развивать отношения с другими людьми. Иногда оно может включать в себя аспекты физической и социальной самоидентификации человека. Понятие личной жизни также включает в себя право на «личное развитие» или право на самоопределение и право на уважение решений как иметь ребенка, так и не иметь детей»¹.

ЕСПЧ в постановлении от 17 января 2017 г. по делу «А.Н. и другие (A.N. and Others) против Российской Федерации» указано, что «понятие «личная жизнь» в значении статьи 8 Конвенции является широким понятием, которое охватывает, в частности, право установления и развития отношений с другими лицами, право на «личное развитие» или право на самоопределение как таковое. Оно охватывает такие элементы, как гендерное определение, сексуальная ориентация и половая жизнь, которые относятся к личной сфере, защищаемой статьей 8 Конвенции, и право на уважение решения иметь или не иметь детей, включая право пары зачать ребенка и воспользоваться репродуктивными методами при медицинском содействии для этой цели»².

Конституционный Суд РФ также в определении от 09 июня 2005 г. № 248-О высказал свою правовую позицию касательно существа частной

¹ *Постановление* ЕСПЧ от 24 января 2017 г. «Дело "Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии"» (жалоба № 25358/12) // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека*. 2017. № 11.

² *Постановление* ЕСПЧ от 17 января 2017 г. по делу «А.Н. и другие (A.N. and Others) против Российской Федерации» // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. Российское издание. 2018. № 3.

жизни: «в понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер»¹.

Представляется, что именно правовой режим позволяет в достаточной степени обеспечить уровень, степень, условия, порядок охраны частной жизни ребенка. Правовой режим определяет дозволения и запреты во всех их формах, касающихся не только такого особого объекта прав, но и полномочий иных частных лиц, государства и его правовых механизмов относительно частной жизни ребенка. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования правовых механизмов охраны частной жизни ребенка.

Надо полагать, что частная жизнь ребенка как члена семьи и ее правовой режим определяются: 1) публичным интересом, действующим двояко: во-первых, конкуренция частного и публичного интересов в целом может быть применена к любому гражданину безотносительно к возрасту, во-вторых, публичный интерес в воспитании, развитии и образовании ребенка в семье, обществе и государстве в целом выступает как забота государства о благополучии ребенка; 2) законным и фактическим усмотрением его родителей и иных лиц, участвующих в осуществлении, охране и защите его прав; 3) правовой и социальной потребностью ребенка в охране частной жизни; 4) юридическими возможностями ребенка в ограничении доступа посторонних лиц к информации о частной жизни; 5) полезностью для ребенка, для его благополучного развития, охраны и защиты им собственной частной жизни – самостоятельно либо с помощью

¹ *Определение Конституционного Суда РФ от 09 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

частных субъектов и публичных механизмов, действующих РФ¹. Кроме того, представляется, что частная жизнь ребенка как члена семьи и ее правовой режим определяются гармоничным соотношением тайны и доступности информации о жизнедеятельности ребенка как члена семьи, нуждающегося в особенной заботе; и качеством семейно-правовых механизмов, обеспечивающих охрану и защиту жизнедеятельности ребенка, и информации о нем как члене семьи.

Семейная тайна ребенка. Статья ГК РФ, посвященная охране частной жизни гражданина и не содержащая, однако, указания на возраст гражданина (ст. 152.2 ГК РФ), содержит общие правила об охране частной жизни гражданина и является следствием новеллизации общих положений о нематериальных благах, произошедшей в результате принятия Федерального закона от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ². Из анализа п. 1 указанной статьи ГК РФ следует, что законодатель под частной жизнью понимает, прежде всего, информацию о ней, в том числе сведения о месте пребывания или жительства гражданина, о личной и семейной жизни. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что под частной жизнью понимается какая-либо информация, в том числе сведения о частной жизни лица. Следовательно, частная жизнь так или иначе сопряжена с тайной, с сохранением информации, в том числе сведений о частной жизни лица, в секрете. В этой связи можно сделать вывод о том, что семейная тайна является тесно связанным с частной жизнью лица нематериальным благом. Полагаем, что вопрос о семейной тайне в целом и семейной тайне ребенка в частности заслуживает особого рассмотрения с учетом цели и задач настоящего диссертационного исследования.

Известно, что ст. 23 Конституции РФ гарантирует право на семейную тайну. При этом разноотраслевые нормы российского законодательства

¹ Геворгян М.А. Правовой режим нематериальных благ ребенка в РФ: действие норм ч. 1 ГК РФ и СК РФ.

² О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

содержат весьма противоположные, неунифицированные трактовки понятия «семейная тайна». Так, ГК РФ в уже упомянутой ст. 152.2 оперирует термином «семейная жизнь»; УК РФ в ст. 137 – термином «семейная тайна», которая наряду с личной тайной причислена к частной жизни лица; в ст. 25 Федерального закона РФ от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон об архивном деле)¹ – термином «семейная тайна», которая упоминается в одном ряду с личной тайной, частной жизнью, сведениями, создающими угрозу для безопасности лица. Таким образом, наблюдается отсутствие единого законодательного подхода к пониманию термина «семейная тайна». Кроме того, вызывает критику отсутствие упоминания семейной тайны в основном кодифицированном акте семейного законодательства – СК РФ.

Термин «семейная тайна» находится в тесной взаимосвязи с термином «личная тайна». Однако мы разделяем мнение тех ученых, которые проводят разграничение сопоставляемых тайн следующим образом: личная тайна относится к жизни одного обособленного лица, а семейная – к жизни нескольких взаимосвязанных лиц².

Необходимость изучения семейной тайны сопряжена также с тем обстоятельством, что семейное законодательство оперирует термином «тайна усыновления» и содержит подробное правовое регулирование этого нематериального блага. Так, согласно ст. 139 СК РФ, тайна усыновления ребенка охраняется законом, а лица, причастные к ее разглашению, привлекаются к ответственности. Как следует из анализа Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П³, способами

¹ *Об архивном деле в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 25.10.2004. № 43. Ст. 4169.*

² См., например: *Зубарева О.Г.* Тайна усыновления: вопросы регулирования и правоприменения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 8. С. 11–13; *Новиков В.А.* Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // *Юридический мир.* 2014. № 7. С. 18–21 и др.

³ *Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" в связи с*

обеспечения тайны усыновления являются следующие правовые возможности: 1) изменение имени, отчества и фамилии ребенка по тем же принципам, как если бы усыновитель был кровным родителем усыновленного (ст. 134 СК РФ); 2) изменение даты рождения ребенка, но не более, чем на три месяца (ст. 135 СК РФ); 3) изменение места рождения ребенка (ст. 135 СК РФ); 4) предоставление женщинам, усыновившим ребенка, отпуска по беременности и родам¹; 5) закрытый характер судебного заседания, в котором рассматривается заявление об усыновлении ребенка (ст. 273 ГПК РФ)². Таким образом, правовой режим тайны усыновления направлен на создание полноценных семейных отношений между усыновителем и усыновленным, обеспечение стабильности усыновления с учетом признания ценности семьи как основного института, обеспечивающего удовлетворение духовных потребностей. В этом смысле семья действительно является наилучшей формой реализации нематериальных благ, в том числе нематериальных благ ребенка.

Однако тайна усыновления как нематериальное благо вступает в конфликт с иным нематериальным благом ребенка – знание своих родителей. По этой причине Верховный Суд РФ выразил свою правовую позицию следующим образом: усыновленный вправе знать о своем происхождении, если ему известно о факте усыновления³. Поводом к формулированию подобной позиции стало одно небезынтересное дело: гражданка Л. обратилась в суд с иском об оспаривании отказа органов ЗАГС в выдаче ей копии ее первоначального свидетельства о рождении. Отказ был

жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ См. об этом: *Об утверждении* Порядка предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 719 (ред. от 02.06.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *О применении* судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) // Российская газета. 2006. 03 мая, № 92.

³ См. об этом: *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г. (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5; 2019. № 6.

мотивирован ссылкой на тайну усыновления, охраняемую федеральным законом РФ. Гражданка Л. утверждала, что выдача свидетельства ей необходима в целях получения сведений о биологической матери по причине необходимости диагностики наследственных заболеваний. Примечательно, что усыновители гражданки Л. также обратились в органы ЗАГСа с заявлением о согласии на разглашение тайны усыновления в части предоставления копии первоначального свидетельства о рождении усыновленной ими дочери – совершеннолетней гражданки Л. Однако это не оказало влияния на положительное решение органов ЗАГСа. Более того, ни суд первой инстанции, ни суд апелляционной инстанции не удовлетворили иск заявительницы. И лишь Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ поставила в этом непростом вопросе точку, заявив, что, во-первых, по смыслу семейного законодательства, запрещается раскрытие тайны усыновления вопреки желанию усыновителей, однако, если усыновители согласны на раскрытие подобной информации, то она подлежит раскрытию; во-вторых, ЕСПЧ исходит из допустимости разных национальных подходов к решению вопроса о раскрытии информации, составляющей тайну усыновления, признавая при этом, что «право знать своих предков в любом случае является важнейшим аспектом идентичности личности и подпадает под сферу действия понятия "частная жизнь"»¹; в-третьих, раскрытие тайны усыновления может быть предопределено решением таких жизненно важных проблем, как выявление (диагностика) наследственных заболеваний, предотвращение браков с близкими кровными родственниками и иных вопросов, связанных с генетической историей

¹ *Постановление* ЕСПЧ от 21 декабря 2010 г. по делу «Анайю (Апауо) против Германии»; *Постановление* ЕСПЧ от 7 июля 1989 г. по делу «Гаскин (Gaskin) против Соединенного Королевства»; *Постановление* ЕСПЧ от 13 февраля 2003 г. по делу «Одиевр (Odievre) против Франции»; *Постановление* ЕСПЧ от 25 сентября 2012 г. по делу «Годелли (Godelli) против Италии» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

семьи¹. Безусловно, позиция ВС РФ является оправданной и основана на корректном толковании норм материального права, а не формальном подходе, который присутствовал в решениях судов нижестоящих инстанций.

В целом стоит отметить, что тайна усыновления, отличаясь собственным правовым режимом, вполне может претендовать на признание ее в качестве самостоятельного нематериального блага ребенка, поскольку направлена в первую очередь на защиту его интересов и отличается содержательной спецификой. Так, А.А. Елисеева по этому поводу замечает: «...определенные сведения о семейной жизни составляют "тайну усыновления", которая, хотя и связана с "семейной тайной", представляет собой вполне самостоятельную правовую категорию, имеющую особую правовую охрану»².

Что касается собственно семейной тайны, то ее правовой режим в законодательстве, к сожалению, отсутствует. Так, п. 1 ст. 150 ГК РФ упоминает, что семейная жизнь относится к числу нематериальных благ, однако механизм реализации и, что более важно, защиты этого нематериального блага не определен. Так, стоит задуматься над решением следующих вопросов: как член семьи, семейная тайна которого разглашена другим ее членом без его согласия, может защитить свои права; каковы пределы осуществления ЛНП – права на семейную тайну – с учетом того, что она касается, как правило, нескольких лиц – членов семьи. Кроме того, все указанные выше вопросы должны быть рассмотрены применительно к правовому статусу ребенка и решены на законодательном уровне. Думается, что подобные изменения российского законодательства целесообразно вносить в ГК РФ, «расширяя» и далее объем гл. 8 ГК РФ – «Нематериальные блага и их защита». И уже на основании правового режима семейной тайны применительно к совершеннолетнему гражданину предусматривать

¹ *Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 48-КГ18-16 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

² *Елисеева А.А. Указ. соч. С. 71–76.*

особенности реализации права на семейную тайну, принадлежащую несовершеннолетнему лицу.

Социальные сети и их место в личной жизни ребенка. С учетом тематики настоящего диссертационного исследования вопрос о правовом регулировании социальных сетей и их места в личной жизни ребенка относится к числу остросоциальных и ввиду этого актуальных.

Стремительное развитие цифровых технологий способствовали быстрому росту популярности таких известных социальных сетей, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм», «ТикТок» и многих других. Особенности (и вообще допустимость) регистрации в социальных сетях несовершеннолетними лицами не регламентированы действующим российским законодательством. Вместе с тем вред от социальных сетей предопределён, прежде всего, тем, что в них зачастую содержится информация, представляющая угрозу жизни и здоровью детей, их нравственному развитию. Так, широко известны случаи суицида детей, обусловленные полученной информацией от соответствующих сообществ в социальных сетях¹. В связи с этим в Распоряжении Правительства РФ от 06 июля 2018 г. № 1375-р «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства»² отдельно выделен раздел «Безопасное информационное пространство для детей», в котором, в частности, в качестве ожидаемого результата значится «повышение уровня информированности детей, их родителей (законных представителей) о рисках и угрозах, существующих в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"».

Требуют рассмотрения следующие аспекты проблемы определения места социальных сетей в личной жизни ребенка: во-первых, существует ли

¹ См. об этом подробнее: *Макеев Н.Н.* Социальные сети и подростковый суицид: проблемы реализации ч. 1 ст. 38 Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 27–30.

² *Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства* [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 06 июля 2018 г. № 1375-р (ред. от 23.11.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правовое регулирование деятельности в социальных сетях в целом; во-вторых, предусмотрен ли возрастной ценз для регистрации в социальных сетях; в-третьих, какое место среди объектов гражданских прав отводится аккаунтам в социальных сетях; в-четвертых, можно ли признать право на неприкосновенность аккаунта в социальной сети личным (неимущественным) правом; в-пятых, каковы средства охраны и защиты аккаунта в социальной сети; в-шестых, как родители (лица, их заменяющие) должны вторгаться в личное киберпространство своих детей и где разумный баланс между личной жизнью ребенка и родительским воспитанием, включающим в том числе запрет на использование социальных сетей. Очевидно, что подробное рассмотрение всех поставленных вопросов может составлять основу для написания отдельного диссертационного исследования. Поэтому в рамках настоящей работы мы ограничимся лишь отдельными замечаниями, строго связанными с тематикой предпринятого научного изыскания.

Прежде всего, стоит отметить, что правовое регулирование деятельности социальных сетей в РФ отсутствует. На сегодняшний день существует лишь проект федерального закона № 145507-7¹ в рамках обозначенной тематики. Однако существует такой подзаконный нормативно-правовой акт, как Письмо Минпросвещения России от 29 марта 2019 г. № 03-393 «О методических рекомендациях по реализации мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети "Интернет"»². Так, указанным Письмом владельцам социальных сетей рекомендуется: создать возможность обеспечения приватности персональных данных ребенка, в том числе ФИО, фотографии, даты рождения; исключить из общего доступа персональные

¹ *Проект* Федерального закона № 145507-7 «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: ред., внесенная в ГД ФС РФ (текст по состоянию на 10 апреля 2017 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *О методических рекомендациях*: письмо Минпросвещения России от 29 марта 2019 г. № 03-393 (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети "Интернет"») // Вестник образования России. 2019. № 12 (июнь).

данные детей; создать опцию совместного управления аккаунтом ребенка для него и его родителей и др. Несмотря на прогрессивность указанных методических рекомендаций, следует понимать, что статус этого акта рекомендательный и ввиду этого он не оперирует санкциями за их нарушение, поэтому вероятность соблюдения всех указанных в письме рекомендаций весьма мала. Очевидно, что подобные меры должны быть приняты на уровне федерального законодательства.

Сложность решения проблемы с аккаунтами несовершеннолетних в социальных сетях обусловлена большим разнообразием определяющих факторов. Во-первых, в научной литературе отсутствует однозначный подход к правовой квалификации места аккаунта в социальных сетях в числе объектов гражданских прав. Так, предлагается квалифицировать их в качестве базы данных по правилам ст. 1260 ГК РФ; записи на сервере собственника социальной сети; совокупности прав и обязанностей, вытекающих из соглашения с организатором социальной сети¹. Во-вторых, возникает вопрос о допустимости передачи аккаунта в социальных сетях, в том числе вопрос о его оборотоспособности в силу следующих обстоятельств. Прежде всего, постановка такого вопроса связана с тем, что аккаунт в социальных сетях в современных условиях приобретает материальную ценность, что требует решения вопроса о допуске его в гражданский оборот. Другая сторона поставленного вопроса связана с тем, что родители несовершеннолетних детей зачастую регистрируют на своих детей аккаунты в социальных сетях практически с рождения своих детей, выкладывая фото- и видеоизображения, иную информацию о детях, что также требует законодательного регулирования.

Думается, что у ребенка должно быть признаваемое и гарантированное государством право на неприкосновенность частной жизни, в том числе в

¹ См. об этом: *Панарина М.М.* Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // *Наследственное право.* 2018. № 3. С. 29–30.

киберпространстве, лишь при условии обеспечения этого нематериального блага родителями либо лицами, их заменяющими.

Забота о всестороннем развитии российского ребенка, его благополучии включает в себя не только наделение его правом на информацию о социальных, нравственных, правовых, экономических, информационных и иных явлениях жизни и деятельности человека, общества и государства, но и осуществление им данного права в своих интересах, его охрану и защиту, исключаящим вредоносность этой информации для его здоровья и развития.

Данное право ребенка в российской науке исследовано явно недостаточно¹, а в законодательстве представлено весьма неопределенно².

Ныне действующий частноправовой механизм и, в частности, гражданско- и семейно-правовой, регламентирующий право ребенка на информацию, явно несовершенно и нуждается в детальной проработке.

В ГК РФ об информации сказано в ст. 431.2, 434.1, 437, 783.1 и некоторых других без отношения к возрасту участника гражданского оборота.

¹ См. об этом: *Бородин К.В.* Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 68–74; *Брылева Е.А.* О реализации права на информационную безопасность несовершеннолетних (на примере Пермского края) // Информационное право. 2015. № 1. С. 31–34; *Кириченко К.А.* Право ребенка на информацию о его происхождении: эволюция международно-правовых стандартов и перспективы развития российского права // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 10–13; *Кобзева С.В.* Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33–39; *Куликова Т.Б.* Некоторые вопросы реализации государственного надзора в сфере образования в целях защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 104–109; *Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С.* Ребенок и интернет-пространство: вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31; *Рыдченко К.Д.* Запрещенная для детей информация: легальная трактовка и толкование правоприменителя // Информационное право. 2014. № 5. С. 16–21. и некоторые другие.

² *Об информации, информационных технологиях и о защите информации:* Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская Газета. 2006. 29 июля, № 165.; *О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию:* Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Российская Газета. 2010. 31 декабря, № 297 и др.

Право ребенка на информацию следует понимать как его возможность иметь доступ в различных формах и пределах к информации с учетом его возраста и потребностей, способствующей его всестороннему развитию и воспитанию, право на защиту от информации, причиняющей вред его здоровью, духовному, нравственному, умственному, психическому развитию.

Ценность информации состоит в ее назначении, которое должно обеспечивать благополучие ребенка, в том числе формирование его способности понимать добро и зло в содержании информации.

Пределы осуществления права ребенка на информацию состоят, во-первых, в ценности информации; во-вторых, в ее назначении; в-третьих, в последствиях для развития ребенка и его здоровья; в-четвертых, в ее допустимости, достоверности, оперативности, достаточности; в-пятых, безопасности информации для ребенка. Важнейшим критерием в такой ситуации является качество информации применительно к ребенку как к развивающемуся человеку и в большей мере неспособному самостоятельно обеспечить ее безопасность для своего развития¹.

В связи с этим важно подготовить ребенка к возможности самостоятельно определиться с потребностью в той или иной информации и ее значением для социализации, здоровья, развития.

Бесспорно, не каждый ребенок в силу его уровня развития готов к решению данного вопроса.

Надо полагать, что в семейных условиях и до посещения детских организаций информацию ребенок получает под контролем со стороны родителей, лиц, их заменяющих. В такой ситуации важное значение имеет степень зрелости самих родителей, лиц, их заменяющих, их общее

¹ Геворгян М.А. Нематериальные блага, обеспечивающие правовое благополучие российского ребенка // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 81–83; Геворгян М.А. Нематериальные блага в гражданском и семейном праве РФ, обеспечивающие правовое благополучие российского ребенка // Закон и право. 2019. № 12. С. 54–58.

мировоззрение и правосознание. Если родители, лица, их заменяющие, относятся к лицам неблагонадежным, безответственным, законопослушным, то явно уже на данном этапе необходимо вмешательство органов опеки и попечительства или уполномоченного по правам ребенка. Бесспорно, разумность, здравый смысл не должны покидать и этих лиц, вступающих в данный процесс.

Сложнее дело обстоит в ситуации, когда ребенок начинает познание действительности в воспитательных, образовательных организациях либо начинает более тесное общение со сверстниками. На данном этапе необходимо установить дополнительный надзор за качеством и полезностью информации для него. Не нужно назначать отдельного сотрудника для выполнения данной функции. Педагоги, психологи, уже благонадежные воспитатели. Руководитель организации или его заместитель могут вести и контроль за безопасностью и качеством информации, передаваемой ребенку. И еще, организации, которые начинает посещать ребенок, должны исходить из индивидуальности каждого ребенка, его зрелости и специфики семейных традиций, в которых он находится дома.

Полагаем, что решающим фактором относительно самого первого этапа получения информации (семейной информации) является семейное и общее мировоззрение членов семьи, с которыми ребенок общается с начала его рождения (вопрос о положении ребенка до рождения или в период беременности не затрагиваем).

Лица, участвующие в осуществлении, охране и защите прав ребенка, могут предоставить ему вредоносную информацию умышленно либо без злого умысла. И в первом и во втором случае степень опасности для здоровья ребенка и его благополучия в целом одинакова.

Формы предоставления ребенку информации различные: словесная, фактическое общение, предоставление литературы, технических, в том числе информационных, средств, доступ к информационной сети Интернет,

посещение музеев, выставок, посещение детских общеобразовательных организаций и т.д.

Перед предоставлением информации ее производителю и распространителю, кто бы он ни был, во-первых, необходимо убедиться в ее безопасности для здоровья и развития ребенка; во-вторых, принять меры для лишения возможности ребенка быть допущенным к вредоносной информации, в том числе не отвечающей его потребностям в силу возраста и иных особенностей его положения.

Средства массовой информации и иные распространители информации должны нести ответственность за ее ненадлежащее качество и вредоносность. Средства массовой информации обязаны перед распространением информации обеспечить ее «здоровое» качество.

Контроль со стороны уполномоченных лиц – органов опеки и попечительства, уполномоченного по правам ребенка в РФ – должен быть реальным. Для этого в РФ необходимо повышать уровень культуры граждан, их мировоззрение и правосознание и, как ни странно это звучит, лиц, наделенных государством на участие в осуществлении, охране и защите прав ребенка: ответственность не всегда характерна деятельности таких лиц.

Право на информацию – в смысле правового благополучия выражается в двух аспектах:

- получение ребенком правовой информации;
- запрет на вред любой информации, сопровождаемой обеспечиваемым правом.

Представляется, что следует определиться с органом, который будет координировать деятельность всех лиц, наделенных правом на предоставление информации ребенку в любой форме. Таким органом может быть уполномоченный по правам ребенка в РФ и в субъектах РФ.

Родители, лица, их заменяющие, должны проходить краткосрочные курсы о своих родительских правах и обязанностях, потому что реальность

свидетельствует о их нередком зле, вредоносном поведении по отношению к ребенку.

В воспитательных, образовательных организациях необходимо разъяснять ребенку ценность и небезопасность информации в рамках форм обучения.

И наконец, необходимо предусмотреть ответственность лиц, допустивших ребенка к небезопасной для его здоровья и развития информации. И ответственность не должна «бить по карману» семьи, ее имущественному благополучию.

Таким образом, при всей сложности данной проблемы требуется определить целостный, взаимосвязанный социально-правовой механизм, обеспечивающий безопасность информации для ребенка, его здоровья и развития.

Представляется, что право ребенка на информацию представлено в виде его возможности иметь доступ в разумных формах к информации с учетом его возраста, потребностей, способствующий его всестороннему развитию; права на защиту от информации, причиняющей вред его здоровью, духовному, психическому развитию.

Резюмируем вышеизложенное. К *гражданско-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию охраны частной жизни, относятся следующие: неприкосновенность частной жизни; личная и семейная тайна.

К *семейно-правовым* нематериальным благам ребенка, выполняющим функцию охраны частной жизни, относится тайна усыновления.

Нематериальные блага ребенка из этой функциональной группы отличаются следующими особенностями:

– частная жизнь ребенка как члена семьи и ее правовой режим определяются: 1) публичным интересом, действующим двояко: во-первых, конкуренция частного и публичного интересов в целом может быть применена к любому гражданину безотносительно к возрасту, во-вторых,

публичный интерес в воспитании, развитии и образовании ребенка в семье, обществе и государстве в целом выступает как забота государства о благополучии ребенка; 2) законным и фактическим усмотрением его родителей и иных лиц, участвующих в осуществлении, охране и защите его прав; 3) правовой и социальной потребностью ребенка в охране частной жизни; 4) юридическими возможностями ребенка в ограничении доступа посторонних лиц к информации о частной жизни; 5) полезностью для ребенка, для его благополучного развития, охраны и защиты им собственной частной жизни – самостоятельно либо с помощью частных субъектов и публичных механизмов, действующих в РФ;

– неприкосновенность частной жизни ребенка, в том числе в виртуальной цифровой реальности, должна соответствовать интересам ребенка, выяснение которых является обязанностью родителей либо лиц, их заменяющих;

– семейная тайна ребенка, будучи тайной, относящейся к жизни нескольких взаимосвязанных лиц, отличается следующей спецификой: 1) одновременно принадлежит нескольким лицам – членам семьи; 2) может быть разглашена только при согласии всех членов семьи – носителей такой тайны, в том числе ребенка; 3) пределами осуществления ЛНП – права на семейную тайну – являются интересы всех членов семьи – носителей такой тайны, в том числе ребенка;

– тайна усыновления, правовой режим которой вступает в противоречие с другим нематериальным благом ребенка – знанием своих родителей, может быть разглашена в следующих случаях: 1) по желанию усыновителей; 2) по желанию усыновленного, если ему известно о факте усыновления; 3) при необходимости охраны и защиты иного нематериального блага – здоровья (например, для диагностики наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и решения иных вопросов, связанных с генетической историей семьи).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом настоящего диссертационного исследования стали следующие выводы, составившие основу семейно-правовой теории нематериальных благ ребенка.

Историческое становление отечественной системы личных (неимущественных) прав ребенка, объектами которых выступают нематериальные блага, находится в диалектической взаимосвязи с социально-экономическими, политическими и социокультурными процессами, всецело определяющими специфику указанных прав. Так, на протяжении всего исторического развития коррекция личных (неимущественных) прав ребенка была так или иначе обусловлена политикой действующей власти: сами по себе нематериальные блага ребенка не становились предметом специального внимания законодателя, не были подвергнуты обстоятельному осмыслению и, вероятно, не получили должного признания как неотъемлемый элемент, определяющий будущее общества.

Хронологизация эволюции законодательного представления о ЛНП, объектами которых выступают нематериальные блага ребенка, может быть представлена семью историческими этапами.

Эвристический потенциал теории объектов права для познания нематериальных благ ребенка раскрывается через следующие научные постулаты: нематериальные блага могут быть квалифицированы в качестве результата предметно-практической деятельности, обусловленной потребностями, и одновременно цели, обосновывающей вступление субъекта в правоотношение; личные (неимущественные) права, которые входят в содержание неимущественных правоотношений, имеют в качестве объекта нематериальные блага; личные (неимущественные) отношения позволяют обладателям нематериальных благ реализовывать свои интересы.

Следует различать нематериальные блага ребенка и юридически значимые нематериальные блага ребенка, последние направлены на выполнение ряда взаимосвязанных функций: обозначения объекта семейного и гражданского права; обозначения объекта личного (неимущественного) права; обозначения объекта семейных и гражданских правоотношений.

Нематериальные блага ребенка занимают самостоятельное место в системе объектов семейных прав в силу особой функциональной и целевой направленности. Так, нематериальные блага ребенка характеризуются специфической целью, в качестве которой выступает его физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. Именно о нем говорится в ст. 14.1 Закона о гарантиях ребенка.

Охрана нематериальных благ ребенка – это система мер, установленных гражданским и семейным законодательством и направленных на предупреждение и искоренение возможных нарушений прав и интересов ребенка, а защита – это система мер, установленных гражданским и семейным законодательством РФ, обеспечивающих восстановление (признание) нарушенного (оспоренного) права, объектом которого являются нематериальные блага ребенка.

Семейно-правовые средства охраны и защиты нематериальных благ ребенка представлены совокупностью предусмотренных семейным и иным законодательством инструментов, обеспечивающих предупреждение и искоренение возможных нарушений прав и интересов ребенка, а также восстановление (признание) нарушенного (оспоренного) права, объектом которого являются нематериальные блага ребенка. Специфической особенностью способов защиты нематериальных благ ребенка является то, что в отличие от защиты материальных благ, защита нематериальных благ не характеризуется конкуренцией способов защиты.

Самостоятельное место административного порядка защиты семейных прав обусловлено необходимостью охраны и защиты прав и интересов специальных субъектов, требующих особой защиты, к которым относятся и

несовершеннолетние лица. Средствами административного порядка защиты нематериальных благ ребенка выступают: исковое заявление / заявление по делам особого производства, подаваемое уполномоченным субъектом в суд (например, с требованием об отмене усыновления); акт (в виде решения, согласия, договора), принимаемый уполномоченным субъектом в рамках предоставленной компетенции (например, согласие ООиП на усыновление ребенка, родители которого являются несовершеннолетними лицами); заключение, обладающие свойствами процессуального документа (заключение ООиП по существу спора о воспитании детей, основанное на обследовании условий жизни ребенка и лица, претендующего на его воспитание (ст. 78 СК РФ); заключение прокурора в рамках дел, в которых обязательно его участие).

Семейное законодательство, в отличие от иных отраслей законодательства, концентрирует большой объем личных (неимущественных) прав в целом и личных (неимущественных) прав ребенка в частности, что само по себе ставит вопрос о необходимости законодательного регулирования нематериальных благ на отраслевом семейно-правовом уровне. Отсутствие систематизации нематериальных благ ребенка усложняет задачу поиска всех юридически значимых нематериальных благ ребенка с учетом их многообразия и объективного «пересечения» между собой (например, гражданско-правового «достоинства личности» и семейно-правового «человеческого достоинства»).

В работе приведены система и детальная характеристика нематериальных благ ребенка, дифференцированных по признаку выполняемых ими функций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Международные акты

1. *Декларация прав ребенка*: принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // *Международная защита прав и свобод человека: сб. документов*. М.: Юрид. лит., 1990. С. 385–388.
2. *Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей*: заключена в г. Гааге 25 октября 1980 г. // СЗ РФ. 19.12.2011. № 51. Ст. 7452.
3. *Конвенция о правах ребенка*: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // *Сборник международных договоров СССР*. Вып. XLVI. 1993.
4. *Декларация № 11/03/2020* Комитета министров Совета Европы «Об усилении прав ребенка как залога создания перспективной Европы»: принята 11 марта 2020 г. на 1370-м заседании представителей министров // *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. Российское издание. 2020. № 3.
5. *Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов*. 29 мая 2013. CRC/C/GC/14. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html> (дата обращения: 07.02.2022).
6. *Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения / Министерство здравоохранения; ВОЗ*. Женева. М.: Медицина, 1968.

II. Нормативно-правовые акты Российской Федерации

7. *Конституция Российской Федерации*: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. *О прокуратуре Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 01.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. *Основы законодательства Российской Федерации о нотариате*: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г., с изм. от 26 октября 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. *О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-*

инфекции) [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. *О содержании* под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

13. *Семейный* кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02 июля 2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. *Уголовный* кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. *О дополнительных* гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон РФ от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ // СЗ РФ. 23.12.1996. № 52. Ст. 5880.

16. *Уголовно-исполнительный* кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. *Об актах* гражданского состояния [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

18. *Об основных* гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. *Об основах* системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177.

20. *О государственном* банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

21. *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

22. *Гражданский* процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. *Об архивном* деле в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 25.10.2004. № 43. Ст. 4169.

24. *О персональных* данных [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. *О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

26. *Об информации, информационных технологиях и о защите информации*: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская Газета. 2006. 29 июля, № 165.

27. *Об исполнительном производстве* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

28. *Об опеке и попечительстве* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. *Консульский устав Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 05 июля 2010 г. № 154-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

30. *О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

31. *О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

33. *Об образовании в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

34. *О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

35. *О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2015 г. № 457-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

36. *О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 01 мая 2017 г. № 94-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

37. *Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ (ред. от 30.04.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

38. *О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в*

Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 02 декабря 2019 г. № 411-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

39. *О внесении изменений* в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 36 и 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 02 июля 2021 г. № 310-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

40. *Об Уполномоченном по правам ребенка в Пермском крае* [Электронный ресурс]: закон Пермского края от 28 августа 2013 г. № 231-ПК (ред. от 08.12.2021): принят ЗС ПК 15 августа 2013 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

41. *О создании фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации*: Указ Президента РФ от 26 марта 2008 г. № 404 (ред. от 12.11.2021) // Российская газета. 2008. 29 марта, № 68.

42. *Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка* [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 (ред. от 15.01.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

43. *О дополнительных мерах по обеспечению прав и защиты интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации*: Указ Президента РФ от 13 апреля 2011 г. № 444 (ред. от 29.06.2013) // СЗ РФ. 18.04.2011. № 16. Ст. 2268.

44. *О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы* [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 01 июня 2012 г. № 761. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

45. *Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства* [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

46. *Об утверждении Правил выявления детей, проявивших выдающиеся способности, сопровождения и мониторинга их дальнейшего развития*: постановление Правительства РФ от 17 ноября 2015 г. № 1239 // СЗ РФ. 23.11.2015. № 47. Ст. 6602.

47. *Об утверждении Порядка предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка* [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 719 (ред. от 02.06.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. *Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года*: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // СЗ РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811.

49. *Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность*: распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р // СЗ РФ. 11.08.2014. № 32. Ст. 4557.

50. *Об утверждении* Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

51. *Об утверждении* плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 06 июля 2018 г. № 1375-р (ред. от 23.11.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

52. *О порядке* использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н (зарегистрировано в Минюсте России 19 октября 2020 г. № 60457). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

53. *Об утверждении* Порядка формирования и ведения государственного информационного ресурса о детях, проявивших выдающиеся способности: приказ Минобрнауки России от 18 апреля 2016 г. № 424 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 13.06.2016. № 24.

54. *Об утверждении* требований к деловой репутации единоличного исполнительного органа или членов коллегиального исполнительного органа организации, владеющей информационной системой, обеспечивающей идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц, и (или) оказывающей услуги по идентификации и (или) аутентификации с использованием биометрических персональных данных физических лиц [Электронный ресурс]: приказ Минцифры России от 27 августа 2021 г. № 896 (зарегистрировано в Минюсте России 17 сентября 2021 г. № 65045). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

55. *О направлении* Примерного порядка: письмо Минобрнауки России от 27 августа 2018 г. № 07 5310 (вместе с «Примерным порядком межведомственного взаимодействия по вопросам выявления, предупреждения и устранения нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних») // Официальные документы в образовании. № 28 (октябрь). 2018; Перечень поручений по итогам заседания Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей: утв. Президентом РФ 17 февраля 2017 г. № Пр-285 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

56. *О методических* рекомендациях: письмо Минпросвещения России от 29 марта 2019 г. № 03-393 (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети "Интернет"») // Вестник образования России. 2019. № 12 (июнь).

57. *Соглашение* о взаимодействии Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, Уполномоченного по правам ребенка в Пермском крае и Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Пермском крае

в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: заключено в г. Перми 27 октября 2010 г. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

58. *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 21.03.2002) // СЗ РФ. 25.03.2002. № 12. Ст. 1093 (недействующая редакция).

59. *Указ* Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37 (документ утратил силу).

III. Иные документы

60. *Декрет* ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456017706> (дата обращения: 23.05.2020).

61. *Кодекс* законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.). СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818. // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

62. *Кодекс* законов о браке, семье и опеке, введенном в действие с 01 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

63. *Пояснительная* записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка присвоения и регистрации имени"» (текст по состоянию на 21 апреля 2016 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

64. *Проект* Федерального закона № 145507-7 «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: ред., внесенная в ГД ФС РФ (текст по состоянию на 10 апреля 2017 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

65. *Проект* Федерального закона № 707755-7 «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13 мая 2019 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

66. *Проект* Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

67. *Соборное уложение*. Глава XXII. Ст. 3 // ПСЗ. Т. 1. № 441. Ст. 89.
URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/22.htm> (дата обращения 12.09.2020)

IV. Правоприменительная практика

68. *Постановление* ЕСПЧ от 12 декабря 2017 г. по «Делу "Малинин (Malinin) против Российской Федерации"» (жалоба 70135/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 1.

69. *Постановление* ЕСПЧ от 20 июня 2017 г. по делу «Богомолова (Bogomolova) против Российской Федерации» (жалоба № 13812/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 6.

70. *Постановление* ЕСПЧ от 07 марта 2017 г. по делу «В.К. (V.K.) против Российской Федерации» (жалоба № 68059/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 7.

71. *Постановление* ЕСПЧ от 24 января 2017 г. «Дело «Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии» (жалоба № 25358/12) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11.

72. *Постановление* ЕСПЧ от 17 января 2017 г. по делу «А.Н. и другие (A.N. and Others) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 3.

73. *Постановление* ЕСПЧ от 01 августа 2013 г. «Дело "Антонюк (Antonyuk) против Российской Федерации"» (жалоба № 47721/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 8.

74. *Постановление* ЕСПЧ от 25 сентября 2012 г. по делу «Годелли (Godelli) против Италии» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

75. *Постановление* ЕСПЧ от 19 января 2012 г. по делу «Попов (Povov) против Франции» (жалоба № 39472/07, 39474/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 7.

76. *Постановление* ЕСПЧ от 21 декабря 2010 г. по делу «Анайо (Aпaуo) против Германии» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

77. *Постановление* ЕСПЧ от 07 мая 2009 г. по делу «"Калачева (Kalacheva) против Российской Федерации"» (жалоба № 3451/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 2.

78. *Постановление* ЕСПЧ от 28 сентября 2004 г. по делу «Сабу и Пиркалаб (Sabou и Pircalab) против Румынии» (жалоба № 46572/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 1.

79. *Постановление* ЕСПЧ от 13 февраля 2003 г. по делу «Одиевр (Odievre) против Франции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

80. *Постановление* ЕСПЧ от 7 июля 1989 г. по делу «Гаскин (Gaskin) против Соединенного Королевства» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

81. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э.М. Ворона» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

82. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

83. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

84. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 08 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // СЗ РФ. 21.06.2010. № 25. Ст. 3246.

85. *Определение* Конституционного Суда РФ от 09 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

86. *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03 декабря 2019 г. № 18-КГ19-125 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

87. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г. (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5; 2019. № 6.

88. *Обзор* практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 мая 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

89. *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 4-КГ17-64* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

90. *Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.*

91. *О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 // Российская газета. 2017. 24 мая, № 110.*

92. *Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 12.*

93. *Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2016.*

94. *О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня, № 140.*

95. *Решение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № АКПИ14-1454* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

96. *О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 // Российская газета. 2010. 05 февраля, № 24.*

97. *О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) // Российская газета. 2006. 03 мая, № 92*

98. *О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26.12.2017) // Российская газета. 1998. 10 июня, № 110.*

99. *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 18-КГ19-25* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

100. *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

101. *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 4-КГ17-64* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

102. *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07 июня 2016 г. № 5-КГ16-76* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

103. *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 мая 2016 г. № 5-КГ16-67* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

104. *Апелляционное определение Московского городского суда от 06 июня 2019 г. по делу № 33-23970/2019* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

105. *Апелляционное определение Московского городского суда от 26 сентября 2018 г. по делу № 33-38146/2018* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

106. *Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2018 г. по делу № 33-13143/2018* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

107. *Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2017 г. по делу № 33-7692/2017* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

V. Научная монографическая и учебная литература

104. *Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер.* М.: Экономика, 1992. 492 с. [Экономическое наследие].

105. *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2002. Т. 1. 452 с.

106. *Александров Н.Г.* Законность и правоотношение в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.

107. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. Вып. 2. 226 с.

108. *Алексеев С.С.* Частное право. М.: Статут, 1999. 157 с.

109. *Анисимов А.Л.* Гражданско-правовая защита чести достоинства и деловой репутации. М.: Юристъ, 1997. 79 с.

110. *Анисимов Л.Н.* Конституционный статус советских граждан и система его гарантий. М., 1979. 80 с.

111. *Антокольская М.В.* Семейное право: учебник, изд., 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 336 с.

112. *Антокольская М.В.* Семейное право: учебник. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 431 с.

113. *Белов В.А.* Гражданское право: Общая часть: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 637 с.

114. *Беспалов Ю.Ф.* Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика). Владимир, 2001. 123 с.

115. *Большой Домострой, или Крепкие семейные устои, освященные Церковью* / сост. игумен Митрофан (Гудков). М.: Сибирская Благовонница, 2015. 333 с.
116. Вентцель К.Н. Отделение школы от государства и декларация прав ребенка. М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1918. 16 с.
117. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
118. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс. 1995. 640 с.
119. *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 335 с.
120. *Голубев К.И., Нарижный С.В.* Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 2-е изд., доп. СПб.: Юрид. центр, 2001. 325 с.
121. *Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. 682 с.
122. *Гражданское право: учебник. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева.* М.: Теис, 1996. Ч. 1. 550 с.
123. *Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1. 526 с.
124. *Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало.* М.: Статут, 2016. Т. 1. 558 с.
125. *Гражданско-правовая охрана интересов личности / О.С. Иоффе., Е.А. Поссе, А.Г. Потюков, А.А. Собчак, и др.; отв. ред.: Б.Б. Черепахин* М.: Юрид. лит., 1969. 256 с.
126. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.
127. *Гришаев С.П.* Охрана и защита авторских прав [Электронный ресурс]. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2008 (дата обращения: 02.09.2021).
128. *Гришаев С.П.* Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. 2017. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
129. *Гришаев С.П.* Право гражданина на изображение [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2022).
130. *Дедов Д.И.* Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. М.: Юристь, 2002. 186 с.
131. *Домострой* / изд. подготовили В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 2000. 399 с.
132. *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 174 с.

133. *Ерпылева Н.Ю.* Международное частное право. М.: Проспект, 2015. 559 с.
134. *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1909. 448 с.
135. *Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И.М. Тютрюмов; науч. ред. В.С. Ем.* М.: Статут, 2004. Кн. 1. 413 с.
136. *Зензинов В.М.* Беспризорные. Париж: Современные записки, 1929. 318 с.
137. *Зинченко С.А., Лапач В.А., Шансугов Д.Ю.* Проблемы объектов гражданских прав. Ростов н/Д, 2002. 248 с.
138. *Иванов Е.А.* Социальная философия для юристов. Очерк истории: учеб. пособие для студ. юрид. вузов и ф-тов. М.: Волтерс Клувер, 2007. 896 с.
139. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
140. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву. М., 2003. 780 с.
141. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. 347 с.
142. *История* отечественного государства и права: учебник / под ред. О.И. Чистякова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 2006. 510 с.
143. *Ильина О.Ю.* Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
144. *Ильина О.Ю.* Проблемы интереса в семейном праве РФ. М.: Городец, 2007. 192 с.
145. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практ. комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева и др.; под ред. А.П. Сергеева.* М.: Проспект, 2010. 912 с.
146. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права / предисл. И.Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 428 с.
147. *Красавчикова Л.О.* Личная жизнь граждан под охраной закона. М.: Юрид. лит., 1983. 160 с. Это не статья
148. *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 267 с.
149. *Курбатов А.Я.* Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 211 с.
150. *Курс* экономической теории: учебник / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров: АСА, 2007. 752 с.
151. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 542 с.
152. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 240 с.

153. *Летова Н.В.* Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.
154. *Магазинер Я.М.* Советское хозяйственное право. Л., 1928. 489 с.
155. *Малеин Н.С.* Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981. 215 с.
156. *Малеин Н.С.* Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. 165 с.
157. *Малеина М.Н.* Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991. 126 с.
158. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 242 с.
159. *Малько А.В.* Законные интересы как правовая категория. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. 359 с.
160. *Матузов Н.И.* Личность, права, демократия. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.
161. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 293 с.
162. *Мейер Д.И.* Избранные труды: в 2 т. / вступ. слово П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. Т. 1. 304 с.
163. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. 829 с.
164. *Менгер А.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 494 с.
165. *Михеева Л.Ю.* Опекa и попечительство. Теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2004. 368 с.
166. *Мицкевич А.В.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1962. 213 с.
167. *Невзоров А.С.* Опекa над несовершеннолетними. Ревель: Тип. «Колывани», 1892. 246 с.
168. *Нечаева А.М.* Охрана прав детей в России (историко-правовой аспект). М.: Дом, 2001. 169 с.
169. *Нечаева А.М.* Россия и её дети. М.: Грааль, 2000. 238 с.
170. *Нечаева А.М.* Семейное право: учебник. М.: Юристъ, 2005. 327 с.
171. *Нечаева А.М.* Семенное право. М.: Юрайт, 2012. 289 с.
172. *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 279 с.
173. *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 270 с.
174. *Новицкий И.Б.* Общее учение об обязательстве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 416 с.
175. *Нохрина М.П.* Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 372 с.

176. *Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации: монография* / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2019. 448 с.
177. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 915 с.
178. *Отечественное законодательство XI–XIX веков* / под ред. О.И. Чистякова. Ч.1: XI–XIX вв. М.: Юристъ, 1999. 462 с.
179. *Пешкова О.А.* Компенсация морального вреда. Защита и ответственность при причинении вреда нематериальным благам и неимущественным правам. М.: Ось-89, 2006. 239 с.
180. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 т. М.: Статут, 2003. Т. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. 637 с.
181. *Покровский И.А.* История римского права. М.: Статут, 2004. 538 с.
182. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 349 с. [Классика российской цивилистики].
183. *Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации* / В.В. Андропов, Б.М. Гонгалю, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. 224 с.
184. *Права ребенка в Российской Федерации и проблемы их осуществления: монография* / Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов, Е.В. Гордеюк и др.; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2019. 288 с.
185. *Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: науч. шк. д-ра юрид. наук, проф. О.Ю. Ильиной: монография.* М : ЮНИТИ : Закон и право, 2015. 431 с.
186. *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М.: Юрид. лит., 1991. 141 с.
187. *Пчелинцева Л.М.* Семейное право России. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. 720 с.
188. *Риккерт Г.* О понятии философии. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 410 с.
189. *Римское частное право: учебник* / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2001. 463 с.
190. *Рожкова М.А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.
191. *Романов Б.А.* Люди и нравы древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.: Территория, 2002. 240 с.
192. *Ромовская З.В.* Защита в советском семейном праве. Львов: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1985. 180 с.
193. *Российское гражданское право: учебник: в 2 т.* / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.

194. *Российское законодательство X–XX веков*: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 1. Законодательство Древней Руси. 430 с.
195. *Рясенцев В.А.* Советское семейное право. М.: Юрид. лит., 1982. 256 с.
196. *Свердлов Г.М.* Советское семейное право. М.: Госюриздат, 1951. 299 с.
197. *Свод законов Российской Империи*. Т. X, ч. I «Свод законов гражданских», кн. I «О правах и обязанностях семейственных». СПб.: Русс. кн. товарищество «Деятель», 1912. 441 с.
198. *Семейное право России: проблемы и перспективы развития: коллективная монография* / [В. В. Долинская, Л.В. Ладочкина, В.Д. Рузанова и др.]; Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. 148 с.
199. *Селиванов Ф.А.* Благо. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967. 66 с.
200. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 451 с.
201. *Слесарев В.Л.* Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. 167 с.
202. *Советское гражданское право* / под ред. Д.М. Генкина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. Т. 1. 496 с.
203. *Советское гражданское право: учебник: в 2 т.* / Илларионова Т.И., Кириллова М.Я., Красавчиков О.А. и др.; под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1985. Т. 1. 544 с.
204. *Соловьев В.С.* Духовные основы жизни. Избранные произведения. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 540 с.
205. *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1929. Т. 2. 260 с.
206. *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев: Б.и., (тип. К. Маттисена), 1917. 534 с.
207. *Тархов В.А.* Гражданское право. Курс лекций. Общая часть. Уфа, 1998. 328 с.
208. *Тархов В.А.* Курс гражданского права. Общая часть. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 330 с.
- 209.
210. *Тарусина Н.Н.* Семейное право. М.: Проспект, 2000. 144 с.
211. *Толстой В.С.* Личные неимущественные правоотношения. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 216 с.
212. *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 87 с.
213. *Ульбашев А.Х.* Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019. 255 с.
214. *Флейшиц Е.А.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Статут, 2015. Т.1. 510 с.

215. *Флейшиц Е.А.* Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 207 с.
216. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.
217. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.
218. *Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права.* Вып. 2 (2005) / под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М.: Статут, 2006. 399 с.
219. *Чеговадзе Л.А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. 539 с.
220. *Чернов В.И.* Анализ философских понятий. М.: Наука, 1966. 215 с.
221. *Шебанова Н.А.* «Модное» право: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 176 с.
222. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 1–4. М., 1910–1912. 833 с.
223. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.
224. *Экимов А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 134 с.
225. *Явич Л.С.* Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 287 с.
226. *Якушев П.А.* Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.
227. 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.): избранные материалы / А.А. Ананьева, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2014. 368 с.
228. *Freeman M.* Article 3. The Best interests of the Child. Leiden, 2007. P. 79.

VI. Научные статьи

227. *Авдеева Н.Н.* Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6, № 2. С. 7–14.
228. *Ананьева Е.О.* Правовые основы присвоения отчества и матчества по семейному законодательству России // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 3–5.
229. *Андреев В.К.* Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 27–33.

230. *Артемьева О.В.* Генри Сиджвик о высшем благе // Этическая мысль. 2003. Вып. 4. С. 83–93.
231. *Астахова М.А.* Способы защиты семейных прав: вопросы теории // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 7–11.
232. *Афанасьев Д.В.* Различные аспекты публичного порядка // Закон. 2008. № 10. С. 37–47.
233. *Бакаева И.В.* Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 9–13.
234. *Басин Ю.Г.* К вопросу о понятии объекта гражданского права как элемента гражданского правоотношения // Гражданское законодательство / под ред. А.Г. Диденко. Алматы, 2003. Вып. 18. С. 57–63.
235. *Белякова Е.В.* Издание печатной Кормчей (1653) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 5. С. 34–50.
236. *Бердышева С.Н.* Некоторые проблемы защиты интересов несовершеннолетних средствами трудового права // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 1. С. 17–19.
237. *Березин Д.А.* Нематериальные блага – объекты оценки // Юрист. 2017. № 24. С. 14–18.
238. *Беспалов Ю.Ф.* Понятие семейных прав и их осуществление // Семейное и жилищное право. 2005. № 3. С. 2–10.
239. *Беспалов Ю.Ф.* Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15.
240. *Беспалов Ю.Ф.* Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1. С. 21–25.
241. *Беспалов Ю.* Средства судебной защиты гражданских прав ребенка // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 25–26.
242. *Беспалов Ю.Ф.* Субъекты, участвующие в осуществлении, охране и защите прав ребенка по законодательству РФ // Нотариус. 2019. № 8. С. 16–18.
243. *Беспалов Ю.Ф.* Трудная жизненная ситуация ребенка в РФ: социально-правовой аспект // Нотариус. 2018. № 3. С. 30–33.
244. *Боровиковский А.Л.* Конституция семьи // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 11. С. 4.
245. *Бородин К.В.* Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 68–74.
246. *Брауде И.Л.* Проблемы гражданского права // Советское государство и право. 1950. № 9. С. 85; 1951. № 3. С. 56.

247. *Брылева Е.А.* О реализации права на информационную безопасность несовершеннолетних (на примере Пермского края) // Информационное право. 2015. № 1. С. 31–34.
248. *Вайнер Е.С.* К вопросу о преимуществах нотариальной формы соглашения о месте жительства ребенка и порядке общения с ним // Нотариус. 2016. № 5. С. 22–24.
249. *Вишнепольская И.* Использование изображения гражданина: проблемы и риски // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 65–73.
250. *Воскобитова М.Р.* Подходы Европейского суда по правам человека к рассмотрению дел о домашнем насилии в отношении женщин // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 85–95.
251. *Гаврилов Э.* Гражданско-правовая охрана частной жизни гражданина: комментарий к ст. 152.2 ГК РФ // Хозяйство и право. 2014. № 4. С. 17–25.
252. *Гаврилов Э.* Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25.
253. *Геворгян М.А.* Забота о российском ребенке как объект семейных прав // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 109–112.
254. *Геворгян М.А.* К вопросу о способах защиты семейных прав в свете изменений Семейного кодекса Российской Федерации // Право и политика. 2016. № 7. С. 842–848.
255. *Геворгян М.А.* Личные неимущественные права, нематериальные блага и интерес ребенка в гражданском и семейном праве РФ // Семейное и жилищное право 2019. № 5. С. 3–6.
256. *Геворгян М.А.* Некоторые теоретические аспекты самозащиты как способа защиты семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4. С. 102–110.
257. *Геворгян М.А.* Нематериальные блага, обеспечивающие правовое благополучие российского ребенка // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 81–83.
258. *Геворгян М.А.* Нематериальные блага, обладающие свойствами юридических фактов, правоотношений и социальных регуляторов // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2020. С. 70–77.
259. *Геворгян М.А.* Нематериальные блага в гражданском и семейном праве РФ, обеспечивающие правовое благополучие российского ребенка // Закон и право. 2019. № 12. С. 54–58.
260. *Геворгян М.А.* Нематериальные блага ребенка в нотариальной деятельности: некоторые теоретические и практические аспекты // Нотариус. 2019. № 8. С. 18–20.

261. *Геворгян М.А.* Нематериальные блага ребенка как частное и публичное социально-правовые явления в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. 2019. № 3. С. 118–124.

262. *Геворгян М.А.* Особенности реализации семейно-правовых способов защиты прав несовершеннолетних при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей // Политика и общество. 2016. № 1. С. 105–122.

263. *Геворгян М.А.* Правовой режим нематериальных благ ребенка в РФ: действие норм ч. 1 ГК РФ и СК РФ // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2020. С. 64–70.

264. *Гришаев С.П., Николаева А.А.* Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 57–64.

265. *Груздев В.В.* Гражданско-правовая защита, защита гражданских прав, гражданско-правовая охрана: соотношение понятий проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства // Сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 т. Новосибирск, 2016. Т. 2. С. 63–68.

266. *Егоров К.Ф.* Личные неимущественные права граждан СССР // Ученые записки ЛГУ. 1953. Вып. 4, № 151. С. 139–157.

267. *Елисеева А.А.* Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 71–76.

268. *Ережипалиев Д.И.* Законодательство России о защите детей от насилия и суицидов: состояние, проблемы и пути совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 70–76.

269. *Журавлев Г.А.* Государственная регистрация ребенка, рожденного с использованием метода вспомогательной репродуктивной технологии (суррогатного материнства): проблемы правового регулирования // Юстиция. 2019. № 2. С. 5–12.

270. *Зайцева Ю.П.* Субъективное право гражданина на частную жизнь: содержательный аспект // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 142–149.

271. *Залунина Н.Б.* Международное усыновление: законодательство и практика его применения // Защита прав ребенка в современной России: материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. А.М. Нечаева. М., 2004. С. 133–141.

272. *Захаренко Д.С.* Правовые проблемы использования изображения гражданина // Юрист. 2016. № 21. С. 17–21.

273. *Зима И.В.* Судебная защита семейных прав // European Scientific Conference: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, 2017. С. 276–281.

274. *Зубарева О.Г.* Тайна усыновления: вопросы регулирования и правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 11–13.

275. *Ильина О.Ю.* Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // *Права ребенка в Российской Федерации: законодательство, правоприменительная практика, российская наука: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов.* М.: РГ-Пресс, 2018. С. 74–79.

276. *Ильина О.Ю.* Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право.* 2018. № 3. С. 13–23.

277. *Ильина О.Ю.* Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право.* 2020. № 2 (62). С. 108–116.

278. *Ильина О.Ю.* Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // *Нотариус.* 2019. № 3. С. 18–21.

279. *Иоффе О.С.* Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // *Советское государство и право.* 1966. № 7. С. 51–59.

280. *Иоффе О.С.* Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // *Советское государство и право.* 1962. № 7. С. 59–71.

281. *Каймакова Е.В.* Проблемы соотношения гражданско-правовых и семейно-правовых способов защиты семейных прав // *Семейное и жилищное право.* 2013. № 5. С. 23–26.

282. *Кархалев Д.Н.* Охрана частной жизни гражданина // *Российская юстиция.* 2015. № 5. С. 10–12.

283. *Кириченко К.А.* Право ребенка на информацию о его происхождении: эволюция международно-правовых стандартов и перспективы развития российского права // *Семейное и жилищное право.* 2015. № 4. С. 10–13.

284. *Климанова Д.Д.* Охранный ордер как способ защиты прав ребенка на жизнь, здоровье, проживание и воспитание в семье // *Семейное и жилищное право.* 2020. № 4. С. 12–15.

285. *Кобзева С.В.* Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // *Информационное право.* 2017. № 2. С. 33–39.

286. *Кожевина Е.В.* Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // *Цивилист.* 2010. № 4. С. 59–63.

287. *Колосов В., Шварц М.* Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* 2008. № 4. С. 4–12.

288. *Комбаров Н.В.* Правовой статус уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // *Журнал правовых и экономических исследований.* 2008. № 4. С. 14–19.

289. *Косова О.Ю.* О конституционном принципе защиты семьи государством // Правоведение. 1997. № 3. С. 14–23.
290. *Косова О.Ю.* О судебной форме защиты и субъектах защиты семейных прав // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2015. № 2. С. 84–97.
291. *Костина С.Е.* Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребенка – современное состояние и перспективы развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1. С. 119–123.
292. *Кравчук Н.В.* Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 97–103.
293. *Красавчиков О.А.* Охрана интересов личности и свод законов Советского государства // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР. Свердловск: Свердл. юр. ин-т., 1977. 5–33.
294. *Красавчикова Л.О.* Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М.: Статут, 2001. С. 82–102.
295. *Красавчикова Л.О.* Право граждан на собственное изображение // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР: межвуз. сб. науч. тр. СЮИ. Вып. 53. Свердловск: Уральский рабочий, 1977. С. 96–103.
296. *Крашенинников Е.А.* Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 133–141.
297. *Крашенинников Е.А.* Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. темат. сб. / Яросл. гос. ун-т; под ред. П.Ф. Елисейкина. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1979. С. 78–89.
298. *Кузеванов А.И.* Общая характеристика механизма охраны и защиты объектов авторских и смежных прав в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права 2016. № 7. С. 31–44.
299. *Кузьменко В.* Понятие «жестокое обращение» при квалификации преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 5. С. 64–65.
300. *Куликова Т.Б.* Некоторые вопросы реализации государственного надзора в сфере образования в целях защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 104–109.
301. *Лаврова С.В.* Защита и охрана гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий // Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы: материалы XII междунар. очной науч.-практ. конф. Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2018. С. 496–504.

302. *Леканова Е.Е.* Правовые особенности попечения ребенка несовершеннолетних родителей с неполным родительским статусом // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 22–25.
303. *Лобов А.* Отказ от Манту – не повод для изгнания ребенка из детского сада или школы: детский омбудсмен Анна Кузнецова поддержала тюменца // Парк72. 2019. 14 ноября.
304. *Макеев Н.Н.* Социальные сети и подростковый суицид: проблемы реализации ч. 1 ст. 38 Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 27–30.
305. *Малеина М.Н.* Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.
306. *Малеина М.Н.* Право на индивидуальный облик (вид) // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 134–138.
307. *Мальшев В.А.* Ювенальная юстиция как средство защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Российской Федерации // Адвокат. 2008. № 4. С. 79–83.
308. *Микрюков В.А.* О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // Юрист. 2013. № 13. С. 36–39.
309. *Микрюков В.А.* Субъектно-временные пределы охраны изображения гражданина // Юрист. 2013. № 4. С. 3–8.
310. *Михайлов С.В.* Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. 1999. № 7. С. 86–92.
311. *Михайлова И.А.* Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3–9.
312. *Михайлова И.А., Пчелинцева Л.М.* Нематериальные блага и личные неимущественные права в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. 2012. № 1. С. 19–23.
313. *Михалева Г.Г.* К вопросу о содержании административно-правовых средств и способов обеспечения и защиты прав несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 21–23.
314. *Михеева Л.Ю.* Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгалло и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. С. 185–197.
315. *Михеева Л.Ю.* Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 199–233.
316. *Нестерова Т.И.* Право ребенка на имя по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 15–18.
317. *Нечаева А.М.* Защита прав ребенка в рамках семейного законодательства России // Право и политика. 2004. № 4. С. 124–130.

318. *Нечаева А.М.* Споры о неделимом // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 15–18.
319. *Новиков В.А.* Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21.
320. *Осипенко О.* Топ странных и необычных имен, которые давали детям в России // Банки Сегодня. 2020. 25 сентября.
321. *Осипова М.А.* Законодательные инициативы в сфере семейных отношений в Государственной Думе седьмого созыва // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 39–41.
322. *Панарина М.М.* Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 29–30.
323. *Певцова И.Е.* Право ребенка на семью // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 63–65.
324. *Пергамент А.К.* К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1950. № 9. С. 86.
325. *Подрабинок Е.М.* Особенности гражданско-правовой охраны и защиты прав несовершеннолетнего при публикации и использовании его изображения // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 14–18.
326. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 249–259.
327. *Прудникова Л.Б., Шеншин В.М.* Субъекты реализации административного (специального) порядка защиты семейных прав // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 16–20.
328. *Рабец А.М.* Роль суда в обеспечении реализации и защиты права ребенка на индивидуальность. // Семейное и жилищное право. 2005. № 2. С. 26–28.
329. *Романов А.А.* Становление и развитие прав ребенка в дореволюционной Руси // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 20–24.
330. *Рузакова О.А., Рузаков А.Б.* К вопросу о праве ребенка на имя: российская и зарубежная практика // Экономика. Право. Общество. 2017. № 3(11). С. 92–97.
331. *Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С.* Ребенок и интернет-пространство: вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31.
332. *Рыдченко К.Д.* Запрещенная для детей информация: легальная трактовка и толкование правоприменителя // Информационное право. 2014. № 5. С. 16–21.
333. *Рыженков А.Я.* Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 59–65.

334. *Рябокоть Т.* Что важнее – здоровье детей или «свечные заводики»? Родители бунтуют из-за проб манту // *Русский Дозор*. 2021. 21 января.
335. *Саенко Л.В., Фадеева Г.В.* О новых направлениях совершенствования системы семейного и нотариального законодательства России: цивилистические и административно-правовые аспекты // *Правовая культура*. 2018. № 4. С. 95–102.
336. *Саенко Л.В.* Особенности правовых преимуществ субъектов семейных правоотношений (Обзор «Круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вестник Российской правовой академии», «Правовая культура» на тему «Правовые преимущества: история и современность») // *Государство и право*. 2019. № 1. С. 175–189.
337. *Сараев Д.В.* О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // *Юрист*. 2002. № 7. С. 3–6.
338. *Синцов Г.В.* Уполномоченный по правам ребенка в системе органов государственной власти // *Lex russica*. 2016. № 7. С. 160–166.
339. *Сердюк Л.В.* О защите детей от семейного насилия и проблеме их правового воспитания // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2014. № 3. С. 16–19.
340. *Серебрякова А.А.* О возможности развития нотариальной формы защиты субъективного алиментного права // *Нотариус*. 2021. № 3. С. 23–25.
341. *Серебрякова А.А.* Совершенствование государственной семейной политики в свете новых положений Конституции Российской Федерации // *Актуальные проблемы семейного права в современной России: монография*. М.: Проспект, 2021. С. 145–152.
342. *Суржик А.Ф.* Механизмы обеспечения реализации конституционных гарантий прав, свобод и иных нематериальных благ в гражданском праве // *Юрист*. 2006. № 9. С. 19–23.
343. *Тарусина Н.Н.* Несколько тезисов о праве ребенка на выражение мнения // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки»*. 2018. № 2(44). С. 49–53.
344. *Тарусина Н.Н.* Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 21–33.
345. *Татаров В.А.* Личные неимущественные права и иные нематериальные блага ребенка по российскому гражданскому законодательству. Историко-правовой аспект // *Закон и право*. 2018. № 7. С. 67–72.
346. *Темникова Н.А.* О понятии «нематериальное благо» в семейном праве // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2007. № 4 (13). С. 82–86.
347. *Темникова Н.А.* Понятие и классификация семейных личных неимущественных прав ребенка // *Вестник ОмГУ. Серия. Право*. 2010. № 2. С. 82–89.

348. *Титова М.И.* К вопросу насилия в семье // История государства и права. 2008. № 9. С. 9–10.
349. *Фомина О., Дроботов А., Афанасьева О.* Самые необычные имена детей: От Путина до Аладдина // Комсомольская правда. 2018. 5 янв.
350. *Фридман В.Э.* Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56.
351. *Харламова М.Л.* Защита жилищных прав детей-инвалидов средствами прокурорского надзора с ратификацией Конвенции о правах инвалидов // Социальное и пенсионное право. 2013. № 2. С. 31–34.
352. *Хатаева М.А.* О совершенствовании механизмов защиты авторских прав в Российской Федерации // Адвокат. 2009. № 3. С. 80–82.
353. *Чеповская А., Сидоренко Е.* Мочить нельзя отказываться: отец судится с детсадом за право не делать сыну манту // Известия. 2019. 17 ноября.
354. *Шершень Т.В.* Компенсация морального вреда в системе способов защиты семейных прав // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 328–334.
355. *Шрейдер Ю.А.* Логика классификации // Научно-техническая информация. 1973. Сер. 1. № 5. С. 3–7.
356. *Щербак Е.Н.* Проблемы судебной и административной защиты интеллектуальной собственности // Российский судья. 2014. № 5. С. 27–30.
357. *Эрделевский А.М.* Право на имя и его защита // Законность. 1999. № 10. С. 15–18.
358. *Юрлов И.А., Быкова М.А.* Изображение физического лица: нематериальное благо или произведение? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права 2017. № 8. С. 51–58.
359. *Якушев П.А.* Выявление мнения ребенка в спорах о воспитании детей: некоторые ценностно-теоретические и практические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 12А. С. 89–97.
360. *Artis J.E.* Judging the best interests of the child. Judges'accounts of the tender years doctrine // Law and Society review. 2004. Vol. 38, № 4. P. 775.

VII. Диссертации и авторефераты диссертаций

357. *Аверин А.В.* Правоотношение и судебная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1994. 212 с.
358. *Арзуманян А.Б.* Нематериальные блага как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 201 с.
359. *Беспалов Ю.Ф.* Теоретические и практические проблемы реализации семейных прав ребенка в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. 348 с.

360. *Власова А.В.* Структура субъективного гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 23 с.
361. *Гольшиева Л.Ю.* Правовое положение детей в России (исторический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, СГУ, 2003. 178 с.
362. *Джумагазиева Г.С.* Осуществление имущественных и личных неимущественных прав несовершеннолетних в гражданском и семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Астрахань, 2010. 186 с.
363. *Душкина Е.А.* Проблемы защиты семейных прав по семейному законодательству РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 27 с.
364. *Ермолова О.Н.* Нематериальные блага и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 150 с.
365. *Жакенов В.А.* Личные неимущественные права в советском гражданском законодательстве и их социальное значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 200 с.
366. *Жучкова Е.О.* Проблемы применения норм семейного права в судебных спорах, связанных с расторжением брака: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
367. *Звягинцева Л.М.* Меры защиты в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. 202 с.
368. *Зимарин В.И.* Лично-правовые гарантии воспитания несовершеннолетних по советскому семейному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1981. 179 с.
369. *Каймакова Е.В.* Защита семейных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2011. 25 с.
370. *Король И.Г.* Личные неимущественные права ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 222 с.
371. *Кравчук Н.В.* Защита права ребенка на жизнь и воспитание в семье по семейному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 28 с.
372. *Красавчикова Л.О.* Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 435 с.
373. *Михно Е.А.* Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 162 с.
374. *Мограбян А.С.* Право физического лица на неприкосновенность внешнего облика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 27 с.
375. *Палькина Т.Н.* Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 215 с.
376. *Пешкова О.А.* Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 25 с.

377. *Темникова Н.А.* Реализация и защита личных неимущественных прав ребёнка в семейном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 197 с.
378. *Тимешов Р.П.* Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 208 с.
379. *Трофимова Т.В.* Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 198 с.
380. *Шийко-Окрух Малгожата.* Международно-правовые вопросы защиты прав ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 173 с.
381. *Шолгина О.И.* Интересы ребенка как объект семейно-правового спора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 179 с.
382. *Яфизова Э.Н.* Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. 29 с.